

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»

Э.И. Рудковский

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ:
ГЛОБАЛЬНЫЙ
И РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ**

Сборник научных статей

*Витебск
ВГУ имени П.М. Машерова
2024*

УДК 316.4:130.2(081)
ББК 60.028я4+71.04я4
Р83

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 6 от 25.06.2024.

Автор: доцент кафедры философии и социальных наук ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат философских наук, доцент **Э.И. Рудковский**

Рецензент:
доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин УО «ВГТУ»,
кандидат философских наук, доцент *Е.А. Рудко*

Рудковский, Э.И.

Р83 Социокультурные процессы в современном мире: глобальный и региональный контекст : сборник научных статей / Э.И. Рудковский. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2024. – 83 с.
ISBN 978-985-30-0165-5.

В сборнике научных статей представлены результаты исследований основных направлений и сущностных черт динамики всего комплекса экономических, политических и социокультурных процессов в условиях глобализирующегося мира. Значительное внимание уделено вопросам приграничного сотрудничества.

Данное издание предназначено ученым, преподавателям, аспирантам, магистрантам и всем, кто интересуется проблемами развития современного информационного общества.

УДК 316.4:130.2(081)
ББК 60.028я4+71.04я4

ISBN 978-985-30-0165-5

© Рудковский Э.И., 2024
© ВГУ имени П.М. Машерова, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
I. ТРАНСГРЕССИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	5
Трансгрессия политических и социокультурных ценностей в условиях информационного общества	5
Социокультурные риски информационного общества и факторы их минимизации	9
Глобализирующийся социум и идеология	15
Культурная безопасность как императив национальной безопасности	20
Ответственность как философская категория	26
Философские и идеологические аспекты интерпретации прошлого ..	32
Информационное общество и гуманистические ценности	38
Особенности социализации молодежи в условиях информационного общества	43
Социально-гуманитарное знание в контексте духовной культуры личности	47
II. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА	53
Приграничье: образ страны и социокультурные аспекты сотрудничества	53
Культурный код, историческая память и региональное партнерство ..	58
Социокультурная среда и региональная идентичность	64
Глобализация и региональная интеграция	70
Культурная безопасность: глобальный и региональный контекст ..	77

ПРЕДИСЛОВИЕ

Современный мир, сформировавшийся на волне информационных технологий, предоставляет многократно возросшие возможности для решения целого ряда насущных вопросов человечества: борьбы с бедностью, болезнями, роста производительности труда и т.д. Вместе с тем обнажились и новые проблемы и противоречия, не исчезли старые: противоречие между Севером и Югом, угроза термоядерной войны, экологические проблемы, обострение межнациональных конфликтов. Усиливаются процессы стирания культурных и этнических различий. Происходит «отмена» культуры, традиционных ценностей, насилие над исторической памятью. Ряд функций государства в духовной и политической сферах взяли на себя акторы интернет-ресурсов, которые спекулируют на пошлости, жестокости, агрессии.

Идет информационная война, которую порой называют великой гибридной, глобальной войной. Пушки молчат, но война эта направлена на разрушение человеческих душ. Мир столкнулся с навязыванием цифровой диктатуры, новой формы нетрадиционного тоталитаризма и манипулирования общественным сознанием со стороны Запада.

События последних лет показали, что ранее провозглашенная на Западе теория деидеологизации – миф. Идеологии вернулись, возрастает их значение в современном социуме. Происходит смена глобальных трендов и идеологий.

Данные проблемы в той или иной мере исследуются, освещаются в статьях, вошедших в сборник. Проводится мысль, что важнейшая задача государства и общества в целом – народосбережение и сохранение национальной идентичности, без которой нет народа как субъекта цивилизационных процессов. Каждый народ существует до тех пор, пока его скрепляют общие духовные ценности и моральные нормы, сложившиеся на протяжении столетий. При этом, безусловно, необходим диалог культур, который является данностью современного мира.

Процесс глобализации закономерно катализировал обратную тенденцию в мировом развитии – глокализацию. Страны и народы стремятся сохранить политический, экономический, культурный суверенитет. Глокализм, как и глобализация, не может не оказывать влияние на региональное сотрудничество стран и народов. Убеждены, только развивая региональное сотрудничество, республики бывшего СССР могут добиться значительных успехов во всех сферах жизни, противостоять угрозам и вызовам современного мира. В этой связи целый ряд статей посвящен развитию плодотворного партнерства регионов Беларуси и России, становлению Союзного государства.

Каждый из регионов – это специфическая социокультурная среда, которая подвергается существенной трансформации в условиях глобализации. Учет основных характеристик и измерений социокультурной среды, элементов региональной идентичности – важная задача органов управления, которые отвечают за реализацию интегративных процессов в рамках Союзного государства. Данная проблема также требует пристального внимания ученых-обществоведов.

I. ТРАНСГРЕССИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ТРАНСГРЕССИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Трансгрессия стала неотъемлемой чертой современного общества.

В настоящее время изменяется содержание суверенитета государств, их безопасности, роль государственных границ, существенно трансформируется феномен демократии, роль политических партий, их идеологических платформ. Происходит отказ от базовых общечеловеческих ценностей в результате насаждения либертарианской идеологии через социальные сети.

Важнейшим способом онтологизирования социального организма в современном мире является идеология, конечной целью которой должно быть народосбережение, сохранение национальной идентичности, которая и делает народ народом.

Цель статьи – анализ трансформации политических и социокультурных ценностей современного социума в условиях глобализации.

Ключевые слова: трансгрессия, ценности, идеология, демократия.

Многие исследователи указывают на то, что трансгрессия стала атрибутом современного общества. Данная категория получила широкое распространение в философии постмодернизма (Ж. Батай, М. Фуко, Ж. Бодрийяр и др.). Трансгрессия (от лат. *trans* – сквозь, через, за и *gressus* – приближаться, переходить, нападать) может трактоваться не только как нарушение границ привычного, устоявшегося, но и как расширение границ социального организма, выхода за его пределы, конструктивное создание новых форм общественной жизни. Проявлением трансгрессии является экспансия и творчество во всем его многообразии.

Сегодня мы сталкиваемся с ситуацией, когда отдельные субъекты общественной жизни (государства, партии, корпорации, СМИ) выходят за пределы устоявшихся ограничений и рубежей. Происходит нарушение традиционного общественного порядка, сложившихся социальных норм и ценностей в сфере морали, политики, искусства, гендерных отношений. Современное общество во все большей мере становится трансгрессирующим. Ревизия устоявшихся норм приобретает перманентный характер.

Трансгрессивная динамика амбивалентна и неопределенна, способна качественно менять социальные реалии и не всегда в сторону общественной полезности [1, с. 62].

«Девятый вал» глобализации, подстегиваемый информационными технологиями, кардинально меняет всю архитектуру международных отношений, все стороны человеческой жизнедеятельности: экономические и политические процессы, духовную жизнь общества, его социальную структуру, уклад повседневной жизни людей. Видоизменяется статус и роль в обществе многих политических и социальных институтов, трансформируются привычные условия, которые столетиями определяли отношения между странами и народами.

Прежде всего, изменяется содержание суверенитета государства, что обусловлено целым рядом причин. В условиях глобализирующегося мира ни одна страна не может не учитывать интересы других государств и зависит от ситуации, складывающейся на международной арене. Большинство государств могут обеспечить свой суверенитет, лишь входя в различные региональные экономические, политические организации

и объединения. При этом, конечно, приходится и в данном случае делегировать часть суверенных прав наднациональным органам. Нельзя не учитывать и то обстоятельство, что изменяется роль государственных границ в современном мире [2]. Издревле границы были важнейшим фактором бытия государства, его суверенитета. Вне границ невозможно обеспечить стабильность социума и безопасность граждан, создать условия для функционирования всей совокупности общественных отношений. Границы – это своеобразная предпосылка и мера идентичности народов. Однако следует учитывать, что в современном информационном обществе нарастает прозрачность и транспарентность границ, которые становятся все более условными. Интеграционные и информационные процессы идут поверх границ. В этой связи следует учитывать, что безопасность и суверенитет любого государства тесно связаны с культурной безопасностью. Это не только политическое и юридическое понятие. Сегодня практически любое государство может стать мишенью агрессивного, деструктивного воздействия, несущего угрозу национальной и культурной безопасности. В условиях крупномасштабных информационных войн появляется возможность подрыва суверенитета страны без непосредственного применения военной силы. Культурный генофонд человечества находится под угрозой. Возрастает стандартизация образа жизни людей, малочисленные этносы теряют аксиологическое измерение бытия: традиции, обычаи, язык и, как следствие, свою идентичность. В странах Запада формируются новые способы управления, связанные с опорой на радикальные расовые, национальные, гендерные меньшинства. Как следствие – ломается константа западной цивилизации, ценностное измерение жизни людей.

Следует отметить, что изоцированные информационные технологии ведут к существенной трансформации такого феномена цивилизованного общества, которым является демократия. Произошел захват политического пространства соцсетями. И это опасный прецедент. Соцсети используются для все большего манипуляционного воздействия. При этом контроль над информационными ресурсами осуществляет узкий круг собственников. Корпорации никто не избирал и не наделял большими полномочиями, но в конечном счете они решают, как поступить, что делать, кого выбирать. Фейсбук, Твиттер, Телеграм приобрели необъятную власть над обществом, потеснив в конкуренции прежних владык – прессу и телевидение, а по отдельным направлениям политики подменяют легитимные политические институты.

Либеральная идеология глобальной сети оказывается порочной в том плане, что, провозглашая свободу и равенство в доступе к информации, она обходит стороной проблему невозможности реализации эгалитарных условий в праве пользования компьютерными сетями и тем самым невольно попустительствует утверждению «информационного апартеида» [3]. Как следствие этого – рост конформизма и политической апатии. Мир вступил в цифровую диктатуру. Агрессивно радикальное меньшинство из разных этнических, политических, гендерных групп диктует свою повестку во многих странах.

Насаждаемая либертарианская идеология ставит под сомнение традиционные социальные институты, политические и моральные ценности. Борьба за свободу и права человека, призывы к толерантности обернулись своей противоположностью. Толерантен не тот, кто уважает иной взгляд, а тот, кто его принимает. Давая оценку происходящему, будучи сторонником базовых цивилизационных ценностей, человек не может открыто отстаивать свою позицию. Иначе его обвинят в фашизме, расизме, сексизме и т.п. Либертарианские взгляды на демократию давно создали свой новояз и систему политической цензуры. В условиях растущего влияния интернета все чаще идет речь о демократии электронного участия. Ссылка на общественное мнение, а не участие в выборах и не результаты выборов, объявляется показателем поддержки тех или иных политических сил. Действительно, граждане получили доступ через социальные сети огромному объему информации, возможность формулировать и высказывать

свою точку зрения. С другой стороны, появилась и возможность для деструктивного влияния на формирование общественного мнения и его использование в узкоэгоистических целях. И важнейшим средством такой манипуляции являются, к примеру, социологические опросы. Последние порой рассматриваются как путь к прямой демократии. Вместе с тем известно, что результатами социологических опросов можно очень умело оперировать. И это очень часто делается идеологически и политически ангажированными социологами и политтехнологами.

Более того, демократия – это отнюдь не только высказывание мнения. Она предполагает конкретное продуктивное участие субъектов политического процесса: выдвижение кандидатов, обсуждение программ и т.д. Традиционно в механизме демократии важную роль играли политические партии. Однако в современных условиях привычные идейные различия между классическими политическими партиями теряют свое былое значение и сводятся порой к различиям в названиях. Роль политических партий становится технологической: участие в организации выборов и формировании правительства. Данная тенденция обусловлена насаждением потребительской психологии, согласно которой основные социальные различия между группами сводятся к различию в стиле жизни. Следует учитывать, что происходит ослабление политической роли классов, больших социальных групп, поскольку в условиях социальной мобильности затруднена самоидентификация с той или иной социальной группой. Традиционные идеологии (либерализм, консерватизм, социализм) превратились в достаточно аморфные образования, идеологический «салат», лишенный четких программных установок, целей и принципов. О том, что партии теряют свое «лицо», говорит хотя бы такой факт: от выборов к выборам примерно 30% избирателей в странах Западной Европы меняют свои предпочтения. Партии все больше заняты повышением рейтинга, имиджа, а не реальными проблемами, волнующими население. Показательна в этом отношении историческая судьба левой идеологии. Левыми сейчас принято называть приверженцев либертарианства, сторонников, к примеру, демократической партии в США. Произошла своеобразная аберрация сознания, все перевернуто с ног на голову. Так, левые во времена III Интернационала – это нечто принципиально отличное от тех, кого сегодня называют на Западе левыми. У коммунистов была своя идеология, основанная на четких классовых позициях и принципах. Конечной целью этой идеологии было создание нового, более справедливого (в версии ее создателей) общества. Это была идеология для народа и во имя народа. Сейчас как-то не принято отмечать, что важнейшие социально-экономические права (право на труд, бесплатное образование, охрану здоровья, равенство мужчины и женщины и т.д.) были впервые гарантированы и реализованы в СССР. Ничего подобного нет у современных левых. Показательна в этом отношении трансформация идейно-политических предпочтений социал-демократических европейских партий, которые далеко ушли от той идейной основы, которой являлась концепция демократического социализма. Рассматривая идеологическую эволюцию лейбористской партии Великобритании, Н.В. Работяжев отмечает, что новый лейборизм придерживается так называемого третьего пути, пролегающего между традиционным демократическим социализмом и неолиберализмом, сочетающего в себе идеи неолиберализма в экономике с социал-демократической социальной политикой. «Новые лейбористы» – сторонники либеральной концепции мультикультурализма [4, с. 104]. Вот почему представители социал-демократических партий в правительствах европейских стран очень часто занимают во внешней политике более радикальные, даже агрессивные позиции, чем их традиционные оппоненты – консерваторы и либералы.

В обществе люди живут, как известно, руководствуясь определенными ценностями и символами. Ничего подобного нет у современных левых (и не только у них). Есть лишь тотальный отказ от базовых общечеловеческих оснований бытия (семьи,

религии, морали). Нет традиционных ценностей, есть одна ценность – это цена и борьба за рынки. Человек ушел из культурного пространства Запада, он не интересен, оно заполнено утвердившимися принципами мультикультурализма, политкорректности, либертарианства.

Создатели сетевых технологий полагают, что при их помощи можно создать электронную агору – некое виртуальное место, где все будут свободны выражать свои мнения без страха цензуры. В этом «коктейле» или «какофонии» берет свое начало процесс формирования выстроенной вокруг информационных технологий культуры, главным принципом которой становится свобода личности от власти любых структур. Такие взгляды В.А. Емелин называет сетевым либертарианством [3, с. 5]. Либертарианство пронизано иногда доходящей до фанатизма верой в историческую миссию всего частного, индивидуального, спонтанного, несущего в конечном счете благо для человечества. Трудно назвать плодотворной либертарианскую идею полного демонтажа социальной функции государства, хотя осуществление этой функции и требует некоторой корректировки [5]. Основное предназначение культуры сводятся к закреплению идеала успешности. Однако свято место пусто не бывает. Если минимизировать социокультурную функцию государства, на его место придут организации, которые не будут нести никакой ответственности перед обществом.

Реализация таких «принципиальных» установок обернулась тем, что свобода оказалась без сдержек, информационные потоки ушли из-под контроля. Сегодня в интернете каждый «сам себе режиссер». Возникает вопрос: может ли общество пускать все, что происходит в социальных сетях на самотек? Свободы без ответственности, как известно, не бывает. В противном случае она превращается в произвол. Свобода, доведенная до крайности, становится своей противоположностью – новым тоталитаризмом. Нормы существуют не для того, чтобы отдельному индивидууму было комфортно. Как раз наоборот. Нормы, ограничивающие свободу членов общества, существуют для того, чтобы общество нормально функционировало, не подвергалось хаосу и тем самым обеспечивало защищенность каждого.

Сегодня часто как мантру повторяют, что цензура недопустима. Понятно, что на этот термин и на практику цензуры возникла определенная «аллергия». Однако важно учитывать, что человеческое общество в данный момент находится в новой информационной реальности. И то, что считалось неприемлемым для традиционных СМИ (радио, печать, телевидение) в демократическом обществе, вполне допустимо сегодня. Речь должна идти, прежде всего, о цензуре нравственной. Создатели и вдохновители сетевых технологий должны видеть духовные и юридические «берега». Нельзя в этой связи не отметить, что принимаемые государством законы по сути своей и есть ни что иное, как цензура, ведь они многое запрещают. При этом, конечно, некоторые правовые нормы не всем нравятся и приветствуются.

Постмодернизм, как известно, отрицает возможность представления об обществе как целостном организме, осуществляет деконструкцию общественных отношений, заменяет социум чем-то виртуальным и фрагментарным, эклектичным (симулякром). В таком представлении и идеология приобретает характер симулякра, который не имеет ничего общего с реальностью. Создатели и пользователи интернет-ресурсов заявляют о времени постидеологии, что на поверку оказывается ничем иным, как идеологией неолиберализма. Когда говорят о ненужности идеологии – это и есть своеобразная идеология.

Заключение. Духовные ценности и ориентиры, социальные связи в современном мире подвержены хаотическим трансформациям. Тот культурный продукт, который предлагают западные неолиберальные СМИ, не может стать стратегией и смыслом развития человеческой, в первую очередь, восточнославянской цивилизации. Идеология определяет цели и варианты развития общества, средства их реализации. Это способ

онтологизирования социального организма, его воспроизводства в современном быстро меняющемся мире.

Важнейшая идеологическая цель – народосбережение и сохранение национальной идентичности, которая и делает народ народом. Идеология – это образ страны, который мы предъявляем миру. Много – численные предсказания «конца идеологий», как известно, не оправдались в прошлом, не оправдаются и в будущем.

Сегодня восточнославянская цивилизация сталкивается не с трансгрессией, а с агрессивной бездуховностью. У страны должен быть образ будущего, ценностно-нормативный образец, определяющий вектор развития. Его отсутствие чревато дезорганизацией, дисфункциональностью основных сфер жизнедеятельности.

Литература

1. Громова, Е.А. Трансгрессирующееся общество: о метаморфозах социального порядка / Е.А. Громова // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 7, Философия. – 2015. – № 3. – С. 59–63.
2. Рудковский, Э.И. Трансформация лимитарности в условиях глобализации / Э.И. Рудковский // Феномен границы в глобализирующемся мире: сборник научных статей / Витеб. гос. ун-т; редкол.: М.А. Слемнев (гл. ред.), Е.В. Давлятова, Э.И. Рудковский. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2020. – С. 44–46.
3. Емелин, В.А. Киберкультура и сетевое либертарианство / В.А. Емелин // Национальный психол. журнал. – 2018. – № 3(31). – С. 3–11.
4. Каменская, Г.В. Политические идеологии в современном мире: кризис очередной этап эволюции [Электронный ресурс] / Г.В. Каменская [и др.] // Власть. – 2015. – № 12. – С. 101–108. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-ideologii-v-sovremennom-mire-krizis-ili-ocherednoy-etap-evolyutsii>. – Дата доступа: 07.02.2021.
5. Павкин, Л.М. Либертарианство: принципы, теория, оценка / Л.М. Павкин // Северо-Кавказский юрид. вестник. – 2014. – № 1. – С. 27–33.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ РИСКИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА И ФАКТОРЫ ИХ МИНИМИЗАЦИИ

В условиях информационного общества кардинально изменятся динамика и содержание всего комплекса социальных процессов.

В глобализирующемся человеческом социуме наполняются новым содержанием экономические, политические и социокультурные процессы, налицо духовный вакуум, который заполняется псевдоценностями. Минимизация рисков информационного общества предполагает перестройку работы СМИ, поиск идеологических ориентиров, повышение роли социально-гуманитарных наук.

Стратегия развития общества не может определяться сугубо инструментальными, экономическими, прагматическими критериями. Преодоление рисков информационного общества возможно при координации усилий государственных органов, учебных и вспомогательных учреждений.

Цель статьи – анализ рисков трансформационных процессов в современном информационном обществе.

Ключевые слова: *информационное общество, информационная война, глобализация, идеология, традиционные ценности, социогуманитарное знание.*

В условиях глобализирующегося мира, всепроникающих информационных технологий происходит кардинальное изменение динамики и содержания всего комплекса экономических, политических и социокультурных процессов. Цель статьи – анализ основных направлений и существенных черт такой динамики.

Современный мир вступил в состояние турбулентности, заметно усилилась нестабильность и неопределенность. Это проявляется в следующем.

– Человечество сталкивается с нарастающим дефицитом управляемости и доверия в международных делах. Происходит смена глобальных трендов и идеологий. Прежняя эпоха на Западе представлялась всеобщим торжеством либерализма. В последнее время он трансформировался в «прогрессизм», стержнем которого является представление о мире без границ, без государств, без национальностей, т.е. политически и этнически нивелированный мир.

– В глобальном мире возрастает транспарентность, прозрачность границ, которые во многом становятся условными. Интеграционные процессы в рамках региональных союзов и объединений все больше носят внепространственный, наднациональный характер и ведут к детерриторизации.

– В глобализирующемся человеческом социуме новым содержанием наполняется понятие суверенитета государства, который может быть обеспечен лишь вхождением в региональные союзы и объединения. Следует учитывать, что роль государства в регулировании, к примеру, информационных процессов существенно меняется, так как эти процессы идут, минуя национальные границы. Можно сказать, что государство попало в соцсети, которые стали важнейшим игроком на политическом поле. Они действуют практически бесконтрольно, не подчиняясь правительствам стран. Известно, что влияние традиционных СМИ (и других корпораций) ограничено законами государства. Однако владельцы информационных стремятся освободиться от всякого государственного контроля. При этом речь вовсе не идет о свободе слова, свободе политических дискуссий. Они отстаивают интересы меньшинства и важных, с их точки зрения, проблем ЛГБТ, трансгендеров и т.п. Тех, кто не согласен с их ценностями, объявляют неполноценными.

– Налицо духовный вакуум, который заполняется псевдоценностями. Это проявляется в самых различных аспектах жизнедеятельности людей: отношении к образованию, межличностным и семейным отношениям, устройству быта, материальному достатку, характеру проведения свободного времени, общечеловеческим ценностям. Кардинально порой изменяется мотивация поведения, особенно молодежи. Нарастает стандартизация и утилитаризация культуры, атомизация общества. На место моральных, эстетических, познавательных, гражданских ценностей приходят иные приоритеты и абсолюты: жажда наживы и материального преуспевания здесь и сейчас, индивидуализм, доведенный до крайности прагматизм. Для значительной части населения характерен принцип поведения «бери от жизни все», «добивайся целей любыми средствами». Предаются забвению такие базовые ценности, как честь, совесть, дружба, любовь, достоинство, сострадание. Они либо утрачивают свой первоначальный смысл, либо замещаются различными симулякрами.

Все эти проявления духовного кризиса – следствие многократно усилившейся манипуляции сознанием людей в условиях информационной войны, которую иначе называют великой гибридной, глобальной войной. (О ней чаще говорят касательно внешнеполитических отношений. Но, как видится, ее технологии личностного слома безответственно отрабатываются и на собственном населении). Пушки молчат, но война эта направлена на разрушение духовного мира человека.

Информационная война многоформатна. Одной из форм является психологическая война, понимаемая как «пропаганда, “промывание мозгов”, информационная обработка населения» [2, с. 48], арсенал средств воздействия на сознание людей которой богат: дезинформация, манипулирование, пропаганда, управление кризисами, лоббирование, шантаж и дискредитация политического и идеологического оппонента, моральный террор, всевозможные фейки и вбросы, навешивание ярлыков. Роль последних в настоящее время особенно возросла. Ярлык изображает тот или иной процесс или лидера как воплощение того, чего население больше всего боится. К примеру,

распространенными стали такие ярлыки и предикативные характеристики: фашист, агрессор, геноцид, зверства политических кругов и т.п. При этом нельзя не учитывать такие характеристики информации, распространяемой через интернет, как мультимедийность, анонимность, многовекторность воздействия, отсутствие верификации, невозможность оперативно определить истинность или ложность распространяемой информации. В силу указанных свойств интернет является наиболее эффективным средством ведения информационной войны [2, с. 78].

То, что Оруэлл описал в романе «1984», уже реализовано по части всеобщей слежки, промывания мозгов, переписывания истории. Но мир движется дальше. Цифровизация нарушает частное пространство. Последнее постепенно исчезает. На улице, транспорте, кафе, магазине на нас смотрят тысячи камер, способных распознавать лица. Если сюда добавить сбор данных о гражданах со стороны частных цифровых платформ Яндекс, Google и др., то слежка становится тотальной. Сбор биометрической информации также ограничивает автономность человека, т.к. эта информация является частью его личности. Может случиться так, что не цифра будет служить человеку, а человек Большой цифре. Важно помнить, что любая информационная система уязвима. Кража такой информации позволит подменять личность (вспомним голливудский фильм 1995 г. (!) «Сеть»). А это создает угрозу превращения в объект мошенничества как отдельного человека, так и всего населения страны.

Минимизировать издержки информационной войны призваны традиционные СМИ (радио, печать, телевидение). Однако следует учитывать реалии сегодняшнего дня:

а) интернет стал практически единственным источником информации для молодежи; ее зависимость от гаджетов стала очевидной;

б) контент традиционных массмедиа (особенно российских) не всегда направлен на формирование четких гражданских и нравственных позиций.

Духовно чистое, дающее надежду и не унижающее личность телевидение в значительной мере осталось в прошлом. Сейчас транслируются порой программы, ток- и реалити-шоу, рекламирующие духовный, нравственный нигилизм, психологию потребительства, которая стала средством власти над людьми. Прав был Э. Фромм, когда говорил о состоянии социума, в котором вещи олицетворяются, а люди овеществляются.

Количество информации и ее качество – разные вещи. Государство, институты гражданского общества в современных условиях должны позаботиться о духовно-нравственной, гуманистической составляющей работы СМИ. И всякие обвинения в авторитаризме, введении цензуры несостоятельны. Важно помнить, что культура начинается с запрета. Прежде всего с запрета обходить, анимировать, поставить под сомнение традиционные ценности каждого социума и человечества в целом.

Духовное здоровье общества неразрывно связано с сохранением тех традиций, которые складывались на основе многовекового опыта поколений, проверены временем и составляют важный компонент модели жизнедеятельности людей, социума в целом, константу его бытия. Традиционные ценности – это одна из форм социального наследования, сохранения социальной памяти, а также мощное средство противостояния деструктивному влиянию современной массовой культуры, экспансии чуждых, инородных ценностей, подрывающих духовные основы восточноевропейской цивилизации.

Все больше торжествует «культура отмены», отказа от всего того, что на протяжении веков скрепляло социум. Разрушаются ценности старших поколений, а ценности подрастающего поколения находятся в состоянии текучести, подвижности. Они пока не имеют четких горизонтов, устоявшихся принципов, идеалов. В известном смысле распалась связь времен.

Сохранение традиционных духовных ценностей должно стать стратегическим, общенациональным приоритетом.

В литературе можно встретить различные подходы к классификации значимых для человека ценностей. К примеру, известный советский социолог В.А. Ядов предложил следующую классификацию ценностей: ценности терминальные – любовь, здоровье, друзья, мир, мудрость, общественное признание, личностная позиция, познание, работа, свобода, самостоятельность, семья; инструментальные – воля, аккуратность, воспитанность, жизнедеятельность, исполнительность, непримиримость, образованность, терпимость, чуткость [3, с. 13]. Такая классификация возможна. Однако она, на наш взгляд, не включает отдельные общечеловеческие ценности (человеколюбие, сострадание, добро). С другой стороны, вряд ли к общечеловеческим ценностям можно отнести непримиримость (к чему?), личностную позицию (какую и в отношении чего?), познание (любой индивид что-то узнает и познает).

Нам ближе позиция В.Н. Дежнева и О.В. Новиковой. Они справедливо относят к основным характеристикам традиционных ценностей:

« – это ценности, имеющие истоки в прошлом, результат исторического саморазвития ценностей этноса, нации, цивилизации;

– это ценности базовые, фундаментальные, стержневые, основополагающие, системообразующие;

– это ценности, обеспечивающие идентификацию личности, общества, цивилизации среди других личностей, обществ, цивилизаций;

– это национальное, цивилизационное своеобразие понимания, принятия, актуализации общечеловеческих ценностей;

– это национальное, цивилизационное своеобразие выстраивания иерархии и системы ценностей» [4, с. 74].

Полагаем, что к традиционным общечеловеческим ценностям можно отнести гуманизм, ненасилие, справедливость, любовь, долг, свободу, мир, жизнь, труд. У культуры нет границ, но есть культурный код нации.

Общество может успешно развиваться не вопреки, а благодаря сохранению традиционных ценностей, опоре на культурную идентичность и самобытность. При этом, конечно, не исключаются те качественные изменения, которые обеспечивают технологический и экономический рост. Пример стран Юго-Восточной Азии тому подтверждение.

Защита традиционных ценностей должна стать ядром, лейтмотивом идеологии нашего общества. События последних лет показали, что ранее провозглашенная на Западе теория деидеологизации – это миф. Идеологии вернулись, возрастает их значение в современном социуме. Тот информационный продукт, который предлагают западные политические институты и СМИ, не может стать стратегией развития общества. Она не может определяться лишь инструментальными, экономическими, прагматическими критериями. В ее основу должны быть заложены четкие идеологические, а в более широком аспекте мировоззренческие принципы, ориентиры и ценности. Без них нет смыслов, объединяющих целей, невозможно определить средства их реализации. Именно они вырабатывают иммунитет к возникающим в обществе коллизиям и кризисам.

Представители теории деидеологизации исходили из того, что социальные слои, партии и идеологии могут конфликтовать, но над ними стоит хранитель безусловных и неоспоримых истин в виде голых фактов. Но сейчас очевидно, что такого хранителя нет, его роль можно украсть при помощи фейковых новостей. Запад отбраковывает информацию, которая не соответствует либерально-глобалистской доктрине. Цензура мысли актуальна, как и много десятилетий назад. Правда, современным западным конструктам легче удастся разрушать, нежели созидать, что и проявляется в упоминавшейся выше «культуре отмены» – неотъемлемой черте общества постмодерна. В этом обществе универсальные моральные ценности перестают существовать. Однако если нет четких моральных критериев, констант и контроля, то нет стабильности и порядка в обществе.

Все оправдано и имеет право на существование, любые идеи могут быть признаны истинными и принятыми обществом. Потребление стало идеологическим феноменом. В центре его – не человек-творец, а человек-потребитель. Идеология потребления стала своеобразным средством духовной власти над людьми. «Истина идеологии потребления закамouflирована и заключается в том, что человек не является субъектом системы потребления, он объект индустриальной системы и, потребляя ее продукты, в реальности служит интересам системы, покоряется ей» [5, с. 118].

Современное общество не может успешно функционировать вне рамок определенной идеологии, нация не может существовать вне национальной идеи. Формирование национальной идеи белорусского общества как ядра государственной идеологии пока остается актуальной задачей обществоведов страны. Необходим такой вариант идеологии, который консолидировал бы общество, определял его образ в будущем, был принят (что очень важно народом). Национальная идея должна основываться на культурном наследии народа, учете его самобытности, быть демифологизированной, способной конвертироваться в реальные формы жизнедеятельности людей. Ядром идеологии может быть, несомненно, идея патриотизма. Другой вопрос, что понимание патриотизма разнообразно и нуждается в идеологическом оформлении. В противном случае он вряд ли будет объединять нацию и останется лишь прекраснотушной идеей ни к чему не обязывающей. Человек-патриот – это индивид, способный защищать и отстаивать традиционные национальные ценности, ощущающий неразрывную связь с историей страны. И, безусловно, идеология государства должна быть направлена на защиту традиционных ценностей и исторической памяти народа, которые являются важнейшим компонентом самой идеологии.

Составной частью идеологии является историческое сознание. Применение «исторического оружия» имеет не менее серьезные последствия, чем летального оружия. Удар по историческому сознанию разрушает память и дух народа. А отсюда – один шаг к его исчезновению в перспективе. Нацией без исторической памяти легче управлять и манипулировать. Историческое беспомыслие не может не закончиться поражением. Прошлое так или иначе остается частью настоящего и не уходит бесследно в абсолютное небытие. Оно определяет идентичность каждого индивида и социума в целом. История – это не только политика, опрокинутая в прошлое. Ее толкование, определяемое идеологическими и политическими интересами субъектов интерпретации, формирует как настоящее, так и цели и средства достижения будущего. История и память о ней становятся мощным идеологическим оружием информационной войны, в ходе которой все чаще предпринимаются попытки переформатировать прошлое под себя.

В информационной войне, как известно, нет фронта и тыла. Она затрагивает каждого человека. Значительная часть современной молодежи находится в координатах ценностей, которые существенно отличаются от ценностей, которые были присущи предкам. Происходит разрыв поколений, ценностный разрыв. В последнее время наблюдается дрейф в сторону таких ценностей, как богатство, власть, самоутверждение. А вот ценности заботы о ближнем, человеколюбия, сострадания заметно им уступают. В этих условиях важную роль в формировании духовного мира современной молодежи призваны сыграть социально-гуманитарные дисциплины. Приобщаясь к установкам, выводам и положениям СГД, «человек приобретает качества, необходимые для осознанных и взвешенных решений, как в профессиональных, так и в обыденных жизненных вопросах. Приобретая полезный опыт, он становится зрелым, проявляет качества, присущие мудрости и адекватности в выводах, связанных с жизненными ценностями. Он не только культурен в общении, но еще владеет своими эмоциями, развивает свой кругозор, добивается личностного роста и улучшения взаимоотношений с окружающими людьми» [6, с. 38].

К сожалению, в давнем споре физиков и лириков в последнее время побеждают первые. Prestиж социально-гуманитарных и педагогических дисциплин падает. Молодежь при поступлении в вузы отдает предпочтение специальностям, связанным с информационными технологиями. Однако такой технократический крен чреват существенными общественными издержками. Об этом свидетельствует опыт недавнего прошлого. Нельзя не отметить, что цикл социально-гуманитарных дисциплин в высшей школе находится в состоянии перманентного реформирования, которое не всегда, на наш взгляд, оправдано. Прежде всего, речь идет о сокращении объемов учебного времени, отводимого на их изучение, а также дополнении урезанных основ фундаментальных наук спецкурсами, отражающими лишь их небольшую часть. В то же время структура данного цикла не всегда способствует формированию гражданской, нравственной и политической культуры, что весьма актуально в современных условиях. Основные дисциплины вводимого ныне социально-гуманитарного блока нужны. Это не обсуждается. Но очевидно и другое: нет прямо однозначного соответствия, к примеру, между философскими, историческими, политэкономическими знаниями и политическими позициями человека, его нравственной культурой. Однако этика и политология к разряду обязательных дисциплин не относятся, даже на педагогических специальностях, не говоря уже о естественнонаучных. Жизнь современного общества подбрасывает целый ряд проблем: каковы технология власти, механизм защиты прав человека, меньшинства, что есть демократия, свобода, каковы пределы политического плюрализма и государственного суверенитета. На эти вопросы молодой человек должен находить ответы в вузе. Политическое участие, способность к разумному выбору требуют специальных знаний. В противном случае вакуум заполняется «знаниями», мифами и стереотипами, почерпнутыми из интернета. Это тем более важно, что в вузовские аудитории приходит так называемое поколение Z, родившееся в информационном обществе. Оно чрезвычайно зависимо от цифровых технологий, обладает информацией, но часто не обладает пониманием сути общественных перемен. Речь в данном случае идет о клиповом мышлении, неспособном анализировать сущностные характеристики человеческого бытия. В этих условиях нельзя умалять роль социально-гуманитарного знания, которое является преградой для псевдоценностей, помогает молодому человеку отсеять зерна от плевел и найти свое место в современном динамичном мире.

Заключение. Преодоление рисков и угроз современных информационных технологий для духовной жизни общества, формирование у граждан иммунитета к манипуляционному воздействию возможно при координации усилий государственных органов, учебных и воспитательных учреждений, СМИ, общественных объединений. От реалий информационного общества нельзя уйти. Мир живет в них. Это объективная данность. Но их учет и использование не может противоречить традиционным национальным ценностям, которые будут оставаться основой будущего развития общества. Диалог культур, социальный транзит неизбежен. Новые формы бытия приходят в жизнь социума в целом и каждого человека в отдельности. Вместе с тем они должны создаваться с учетом культурного кода народа. У культуры нет границ, но есть корни. Всякий нигилизм в их отношении приводит к духовной деградации, утрате жизненных смыслов и перспектив. Национальная культура во всех ее ипостасях – это «визитная карточка» страны, фактор ее имиджа и идентичности народа. Важно учитывать, что гей-парадами невозможно создать не только равенство биологической нормы, но и решить важнейшие проблемы социального равенства и справедливости. Только посредством взаимовыгодного сотрудничества, диалога культур и цивилизаций возможны своевременные и эффективные ответы на вызовы времени.

Литература

1. Кривоносова, Е.Э. Грани исторической ответственности [Электронный ресурс] / Е.Э. Кривоносова, Э.И. Рудковский // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»: сб. науч. ст. – 2017. – Т. 24. – С. 85–90. – Режим доступа: <https://ger.vsu.by/handle/123456789/13218>. – Дата доступа: 29.08.2021.
2. Сулейманова, Ш.С. Информационные войны: история и современность: учеб. пособие / Ш.С. Сулейманова, Е.А. Назарова. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2017. – 124 с.
3. Ядов, В.А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности / В.А. Ядов // Методологические проблемы социальной психологии: сб. ст. / отв. ред. Е.В. Шорохова. – М.: Наука, 1975. – 295 с.
4. Дежнев, В.Н. Традиционные ценности: к определению понятия [Электронный ресурс] / В.Н. Дежнев, О.В. Новикова // Вестн. Шадринского гос. пед. ин-та. – 2015. – № 4(28). – С. 71–74. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnye-tsennosti-k-opredeleniyu-ponyatiya>. – Дата доступа: 20.08.2021.
5. Кобалева, Э.А. Идеология потребления в духовной жизни современного общества [Электронный ресурс] / Э.А. Кобалева, З.Ч. Схаляхо // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. – № 1(75). – С. 115–118. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideologiya-potrebleniya-v-duhovnoy-zhizni-sovremennogo-obschestva/viewer>. – Дата доступа: 20.08.2021.
6. Мукин, В.А. Жизненные ценности, формируемые в университетском пространстве / В.А. Мукин // Alma mater (Вестник высшей школы). – 2017. – № 36. – С. 36–40.

ГЛОБАЛИЗИРУЮЩИЙСЯ СОЦИУМ И ИДЕОЛОГИЯ

Интеграционные процессы в мире в целом и на постсоветском пространстве в частности следует рассматривать в единстве всех сфер общественной жизни. Как бы ни важна была экономическая интеграция, весьма существенную роль играют духовные факторы, единство идеологических ценностей.

Интернационализация современного общества проявляется как на глобальном, так и региональном уровне. Процессы глобализации не отменили роль идеологии, которая выступает атрибутом любого государства. Именно идеологические приоритеты определяют во многом отношение стран Запада к процессам общественной трансформации на постсоветском пространстве. Двойные стандарты в их оценке – яркое тому подтверждение.

На региональном и субрегиональном уровнях интеграционных процессов социокультурные и идеологические факторы также играют важную роль. Безусловно, определяющее значение в этих процессах принадлежит экономическому сотрудничеству. Однако нельзя стоять на позициях экономического детерминизма. Решение многообразных задач строительства Союзного государства Беларуси и России невозможно без гуманитарного сотрудничества, поиска гуманитарных приоритетов. Именно идеология формулирует стратегию того, как обустроить наш общий дом.

В глобализирующемся мире идеология продолжает играть весьма существенную роль в различных ее видах, формах и средствах актуализации. Экономическая интеграция на региональном и субрегиональном уровне не может быть успешной, если она строится только на хозяйственной выгоде. Необходимо принимать в расчет социокультурные факторы: менталитет народов, их традиции, «символы души», идеологические ценности, историческую память.

Цель статьи – показать место и роль идеологии в интернационализации современного социума.

Ключевые слова: глобализация, интеграция, идеология, социокультурные факторы, историческая память.

Становление нового миропорядка, развитие взаимовыгодного сотрудничества стран и народов зависят от многих факторов. Прежде всего, речь идет о многоплановом

и эффективном экономическом сотрудничестве, которое носит базисный характер и определяет во многом процессы в других сферах общественной жизни.

Вместе с тем нельзя недооценивать значения факторов политических, которые самым тесным образом связаны с идеологическими ценностями и приоритетами.

Известно, что многие западные исследователи заявляют о конце идеологии в условиях набирающих темпы процессов глобализации. Так ли это? Процессы глобализации в последние десятилетия резко вторглись в жизнь человеческого общества, затрагивают все его сферы, изменяют динамику и содержание экономической жизни, направленность и интенсивность межкультурного взаимодействия, привычные устои быта людей.

Индикатором глобализации является формирование единого, взаимозависимого и взаимопроникающего мира. Национально-государственные формы человеческого бытия постепенно утрачивают значительную часть своего суверенитета и самодостаточность. Все мы стали свидетелями и участниками «тектонических сдвигов» в рамках человеческой цивилизации, когда глобальные процессы не только объединяют прежде разрозненные элементы целого, но и оказывают на них глубокое преобразующее воздействие. Фактически речь идет о создании глобального сообщества, в рамках которого существующие национально-государственные образования выступают в качестве более или менее самостоятельных структурных единиц. Его можно назвать мегаобществом. По меткому выражению Х.М. Маклюэна, все мы живем в одной «глобальной деревне».

Следует учитывать, что современная глобализация – это закономерное и объективное явление, достаточно сложное и противоречивое, у него немало сторонников и противников. В результате при оценке глобальных процессов наблюдаются две крайности. Для одних – это панацея от всех бед, а для других – негативное явление, ускорившее социальную дифференциацию и пауперизацию населения, маргинализацию многочисленных социальных слоев и целых континентов, не входящих в «золотой миллиард» и оказавшихся на обочине социального прогресса. Кроме того, следует учитывать, что культура малых по численности этносов, а также региональная субкультура значительных по численности этнических общностей часто исчезают в условиях нарастающей стандартизации общественной жизни и интенсификации информационных процессов. Все это часто порождает «реакцию отторжения» от того государственного образования, в которое входили малые этносы. Более того, данный процесс часто сопровождается всплывшей национализмом. Но кто может сказать, что национализм не является идеологией?

Нельзя не замечать и геополитический аспект проблемы. Распад СССР явился геополитической катастрофой XX века. Исчез биполярный мир, основанный на противостоянии двух сверхдержав. Однополярный мир не является более прочной конструкцией, он стоит «на одной ноге», хотя эта «нога» и обута в американский ботинок. США определяют по своему усмотрению национальные интересы, а потом пытаются подстраивать под их обеспечение весь остальной мир. Казалось бы, после исчезновения СССР, Варшавского договора накал идеологического противостояния, характерный для «холодной войны», должен уменьшиться. Однако действительность нам демонстрирует иные образы. По-прежнему господствуют двойные стандарты в политической практике и оценке тех или иных событий на международной арене. Яркое тому подтверждение – события в Сирии, в Украине. Никуда не исчезла черно-белая картина мира, изображаемая западными политическими лидерами и СМИ. Имеющие место быть двойные стандарты как раз и вытекают из идеологических ориентаций западного общества. Именно идеологические ценности и приоритеты определяют, к примеру, отношение стран Запада к тем процессам, которые происходят на постсоветском пространстве. Политические стратеги Запада давно пришли к выводу, что только с помощью традиционных военных средств многие проблемы нельзя решить. Но есть и другие инструменты, более

эффективные. К ним относится разрушение кодов национального бытия. То есть речь идет о разрушении базовых национальных ценностей, традиций и обычаев, исторической памяти народа. По масштабам и агрессивности идеологическая работа западных стран нисколько не уступает практике бывшего СССР времен «холодной войны». Прежде всего речь идет о фальсификации исторических событий, настойчивых и агрессивных попытках внедрить в сознание людей и общественную практику ценности либеральной демократии, чрезмерно гипертрофированный принцип защиты прав меньшинства. Возникает вопрос: почему демократия должна быть только либеральной, и разве не правомерно говорить о ценностях консервативной и социалистической идеологий? Даже в годы «холодной войны» развивался диалог культур, не было таких ограничений на гастроли певцов, композиторов, театральные труппы, поездки ученых на международные симпозиумы. Сегодня и международные экономические институты (банки, фонды, рейтинговые агентства) часто работают по политическому заказу.

Мир становится все более целостным и взаимосвязанным, прежде всего, в экономической сфере. Однако парадокс в том, что мировая политика становится все более фрагментарной. Одновременно наблюдается и известное дробление идеологических процессов. В годы противостояния двух сверхдержав конструкция международных отношений была более простой и прочной. Существовали определенные правила игры, которые вынуждено было соблюдать так или иначе большинство акторов мировой политики (тяготеющих к тому или иному блоку). Сегодня ситуация резко изменилась, возросла роль нетрадиционных субъектов международных отношений, малых по территории и населению государств. Общих правил нет, и пассажиры «космического корабля» по имени Земля ведут себя порой весьма самостоятельно, не признавая никаких правил и капитанов. Мир находится в состоянии мощнейшего слома международных политических институтов. Нестабильность современного мира возрастает.

Интеграционные процессы проявляют себя, как известно, на региональном и субрегиональном уровнях. Здесь также важную роль играют социокультурные и идеологические факторы. Безусловно, решающая, первичная роль в этих процессах принадлежит экономическому сотрудничеству. Экономика – это базис общества, который определяет все надстроечные явления и процессы. Однако нельзя стоять на позициях экономического и технологического детерминизма. В обществе все взаимосвязано, существуют прямые и обратные связи. Решение многообразных задач строительства Союзного государства Беларуси и России предполагает определение идеологических ориентиров и приоритетов. Вне их нельзя определить стратегию социально-экономических и политических преобразований внутри страны, цели и механизмы сотрудничества на международной арене. Идеология делает более целостным общественное сознание, влияет на морально-психологическую атмосферу в обществе.

Распространено мнение, что идеология – это неотъемлемый атрибут тоталитарного общества. Следует, конечно, признать, что господствовавшие идеологические «одежды» были изрядно потрепаны в период СССР от частого (к месту и не к месту) употребления. Вместе с тем, опыт постсоветского развития целого ряда стран показал, что любое общество (как и человек) должно иметь идейные ориентиры. Идеология – это не изобретение марксистов, а атрибут любого государства.

К сожалению, в современных условиях вопросы роли идеологии в общественной жизни не занимают того места, которое должны занимать. В этой связи хотелось бы обратиться к позиции известного российского ученого Ю. Вяземского. Он справедливо отмечает, что человек без идеологии – это человек в коме. «Сейчас идеология есть и очень мощная – это идеология успешности, эффективности, способности обеспечить свою семью... Та (советская. – Э.Р.) идеология была наполовину идеология. Тогда было много лжи и фарисейства, но были и другие ценности, и золотой телец не был центром

всего. Когда я сравниваю эту идеологию с той... мне все-таки радостно, а не горько. Потому что мир стал честнее, естественнее, пусть и циничнее» [1]. С автором можно согласиться в том, что современная идеология – это идеология успешности. Его величество доллар, «золотой телец» стал мерилем этой успешности. И разве такая «идеология» преодолевает якобы половинчатость той, советской идеологии? Можно ли вообще потребительскую психологию, насаждаемую массовой культурой, считать образцом целостной, а не половинчатой идеологии? Массовая культура играет роль важнейшего средства социализации в современном обществе. Семья, школа, церковь постепенно сдают свои позиции по сравнению с ее охватом и воздействием на современное молодое поколение. Порой направленность этого воздействия оказывается в существенном противоречии с теми целями и задачами, которые процесс социализации по своему назначению призван решать. Массовая культура часто выступает в роли такого фактора, который не гуманизирует индивида, а дегуманизирует его, «расчеловечивает» человека. Безусловно, современное общество становится циничнее, с этим можно согласиться. Но ведь понятия «цинизм» и «пошлость» – они где-то рядом, близко друг к другу. Легко быть снобом, поскольку не надо ни за что отвечать. Сколько бы ни говорили СМИ о свободе творчества в новой стране, а счет-то все равно в пользу художественной культуры советского времени. Тогда она была нацелена на духовный, гуманистический, а не коммерческий результат. Сегодня всем и вся заправляет на большинстве российских телеканалов и в шоу-бизнесе коммерция. К примеру, советские фильмы часто были наивными, но они были добрыми, воспевали любовь, верность, коллективизм, честный труд, патриотизм, взаимопомощь, которые рассматривались в качестве эталонов жизнедеятельности. Существовали великие задачи, серьезные напряжения, увлекательные вызовы. Пришедшая на смену советской интеллигенции новая «культурная» элита пока не смогла предложить те ценности, которые могли бы стать фундаментом подлинно человеческих отношений. Пока, кроме погони за «золотым тельцом», апологии материального достатка здесь и сейчас, другого идеологического продукта стране-соседке не предложено. Россия заражена гипертрофированной, исковерканной до абсурда формой либерализма. Ее главный девиз – живи для себя и ради себя. Страна превращается в своеобразный торгово-развлекательный центр. При помощи СМИ предпринимается попытка ограничить человека узким горизонтом потребительских, прагматических, конъюнктурно-политических интересов и отвлечь его от масштабных (социально-философских и философско-исторических) проблем. Правда, следует отметить, что в последнее время В. Путин и его помощники делают необходимые шаги к преодолению сложившегося положения. Причем особый акцент сделан на формировании патриотизма, гражданственности. Полагаем, что это создаст предпосылки и для формирования союзного патриотизма.

Как уже отмечалось, процессы глобализации, интернационализации общественной жизни негативно сказываются на сохранении культурного своеобразия малых по численности этносов. Именно последние, прежде всего, вовлекаются в «жернова» глобализации, нивелирующие культурное и цивилизационное их развитие, появляется угроза становления безнационального, безрелигиозного, технократически бездушного человека, актуализируется проблема сохранения исторической памяти. Сбереечь ее – значит сохранить свою культуру, традиции, обычаи, которые являются достоянием всего человечества. Историческая память – это эффективное оружие воспитательного воздействия, средство против фальсификации истории. Преемственность исторической памяти – залог самобытности этноса в контексте процессов глобализации. Прошлое представляется как хаос, нагромождение случайностей, пока о нем не вспоминают и не интерпретируют его. Только в этом случае прошлое обретает определенность, его содержание наполняется процессами, событиями, лицами, оно приближается к нам, ста-

новится частью нашего бытия. Когда речь идет о возрождении и сохранении исторической памяти, мы сталкиваемся часто (в политической практике и исторической литературе) со следующими подходами: а) предпринимаются попытки затушевать историческое прошлое, замолчать его; б) подать его в выгодном (или не выгодном для других) свете. Вспомним, хотя бы, как сегодня препарируется история бывшего СССР. История с ее нерешенными проблемами сидит в каждом из нас. Поскольку же постсоветское общество находится на гребне социального перелома, то споры неизбежны.

Сохранение исторической памяти, как уже отмечалось, во многом зависит от характера интерпретаций исторического прошлого. Истолкование событий прошлого – это акт продолжения их существования в наличном общественном бытии. В результате они накладывают отпечаток на процессы современности. Однако под воздействием последних и господствующих в обществе ценностей они меняются сами, приобретают новое обличье. Порой искусное толкование может привести к замене в интерпретируемых событиях прежней парадигмы и концептуального ядра. От субъектов интерпретации, их мировоззренческих установок зависит актуализация содержания имевших место быть исторических событий. Вот почему не лишено определенного смысла расхожее полушуточное утверждение, что история России непредсказуема. С каждым поворотом (революционным или контрреволюционным) в общественном развитии меняются и оценки исторического прошлого. Правда, здесь следует отметить, что чем больше мы удаляемся от исторического события, тем меньше мы трактуем его в полярности «хорошо-плохо». И тем меньше исторические оценки зависят от слов политиков, их идеологических пристрастий.

От характера интерпретации исторического прошлого зависит и самоидентификация населения. Часто это болезненная проблема. К примеру, для исторических судеб населения приграничных регионов Беларуси была характерна частая смена геополитических и конфессиональных реалий, как в калейдоскопе, менялись властвующие элементы соседних государств, которые часто вели ожесточенную борьбу за спорные (по их мнению) территории. Войны приводили к вынужденному отказу населения приграничья от национального самоопределения. В приграничных регионах порой можно встретиться с феноменом замещения этнической идентификации конфессиональной.

В современных условиях ни один этнос, а тем более регион, не может динамично развиваться в условиях автаркии, изоляции от мировых цивилизационных процессов. Решение многочисленных экономических и социокультурных проблем предполагает использование достижений постиндустриального общества у других народов, но не в ущерб национальным духовным ценностям, которые не исчерпали себя в качестве ресурса будущего развития социума. Диалог культур неизбежен, и он предъявляет требования к каждому этносу или отдельному региону: создавать новые формы бытия людей на основе базовых этнических ценностей. Отказ от национально-государственной самобытности означает духовную деградацию, утрату жизненных импульсов и перспектив.

Заключение. Эффективное международное сотрудничество, разрешение основных глобальных проблем современности зависят от многих факторов. Не последнюю роль здесь играют духовные ценности народов, учет их исторических, этнокультурных традиций, государственная идеология. Идеологию нельзя отменить ни под флагом «деидеологизации», ни по требованию учета здравого смысла. Беды современного социума часто обусловлены отсутствием духовных ориентиров, тех ценностей, которые объединяли как отдельные страны, так и целые цивилизации. Весьма актуальны и требуют обоснованного ответа вопросы идеологического обеспечения интеграции на постсоветском пространстве. Без единого прочтения истории не может быть единства народов. Идеология и общечеловеческие ценности, составляющие ядро мировой культуры, – это духовные скрепы общества. В процессе дальнейшего строительства

Союзного государства Беларуси и России необходима выработка долговременной идейно-политической программы, которая обеспечит дальнейшую интеграцию стран. Идеологическим ядром и целью данного процесса может выступать создание гуманного, справедливого, безопасного, динамично развивающегося общества, способного отвечать на вызовы времени.

Литература

1. Вяземский, Ю. «Читайте и выигрывайте» / Ю. Вяземский // Союз. Беларусь–Россия. – 2014. – 23 янв. – С. 7.

КУЛЬТУРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ИМПЕРАТИВ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Статья посвящена анализу места и роли культурной безопасности в обеспечении национальной безопасности государства, его суверенитета. В современном мире культурная безопасность – это условие и составная часть национальной безопасности. Значительное внимание уделено трансформации духовного пространства современного мира под воздействием информационного общества тем угрозам, которые оно несёт традиционным, базовым основаниям культуры.

Показано соотношение культурной и духовной безопасности, предпринята попытка экспликации данных категорий, рассматриваются некоторые подходы к их определению. Особое место отведено анализу основных индикаторов культурной безопасности: сохранению исторической памяти народа, взаимообогащению культур в процессе диалога, аксиологическим измерениям образа жизни, религиозности населения, идейно-нравственным приоритетам общества. При рассмотрении проблемы аксиологического измерения образа жизни молодёжи использованы материалы конкретного социологического исследования.

Цель статьи – анализ роли культурной безопасности как условия и составной части национальной безопасности в условиях информационного общества.

Ключевые слова: *информационное общество, национальная безопасность, культурная безопасность, духовная безопасность, историческая память, диалог культур.*

Суверенитет государства – это не только политическое и юридическое понятие. Он теснейшим образом связан с духовной жизнью этноса, его культурным кодом, самоидентификацией, умением её сохранить. В условиях, когда глобализация, информационное общество трансформируют культуру, создают угрозу национальным, глубинным основаниям духовной жизни, проблема культурной безопасности становится чрезвычайно актуальной.

В современном мире национальная безопасность – это не только отсутствие военной угрозы и экономических рисков и потрясений. Она включает в себя духовную, информационную, этническую, конфессиональную составляющие, все сферы жизнедеятельности людей.

Отмечая роль духовной культуры страны в обеспечении её безопасности и стабильного развития, А.Г. Лукашенко признавался: «Мы открыты для дружбы и взаимовыгодного сотрудничества, но наш традиционный социально ориентированный уклад незыблем. Только так, помня, кто мы и в чём наша уникальность, сохраняя свою идентичность и самобытность, мы сможем противостоять идее унификации мира под единый, чуждый нашему менталитету образец или стандарт. Создавая духовную, нравственную и культурную основы для жизни будущих поколений белорусов, мы также обеспечиваем национальную безопасность и укрепляем суверенитет страны» [1, с. 3].

Информация и духовная жизнь общества. В условиях глобализации важным фактором безопасности является информация. Сегодня – это сущностная характеристика бытия человека, его жизнедеятельности, определяющий сегмент современного общества. В то же время следует учитывать, что информация перестаёт быть ценностно нейтральной, она порой приходит на смену смыслу, ведёт к обострению экзистенциальных проблем. Среди последних можно выделить следующие:

– информация и искусственный интеллект становится важным средством манипулирования сознанием людей. Технологии искусственного интеллекта позволяют знать всё о политиках, журналистах, учителях (включая их личную жизнь). Представляется возможность знать тип личности, её политические взгляды, сексуальные предпочтения, слабости психики. Тотальный контроль над личностью постепенно становится реальностью. Можно будет принимать решения за человека со стороны. Человек перестанет быть загадочной душой, превратится в контролируруемую алгоритмами единицу. Возникает угроза цифровой диктатуры;

– угроза кибермоббинга в социальных сетях. Речь идёт о психологическом терроре, распространении фейковых новостей, инсинуаций с целью дискредитации политики государства или отдельных политических лидеров. Также технологии всё чаще приводят к социальным конфликтам, являются спусковым крючком так называемых «цветных» революций;

– в современном обществе заметно ослабло влияние традиционных национальных культурно-исторических ценностей. Этому способствует распространение массовой культуры, потребительской психологии, для которой богатство, вычурность, безудержное потребление становятся главным критерием успеха в жизни. Происходит подмена традиционных норм человеческого общежития духовными суррогатами, размываются грани морального и аморального, разрываются связи с корневой системой культуры. Создаваемая СМИ информация о смыслах является не столько символической, сколько симулятивной. Прежние символы заменяются симулякрами, роль которых выполняют престижные вещи, поп-звезды, стиль жизни, навязываемые рекламой. Культура постепенно обезличивается. Везде господствует калька. В современной массовой культуре есть лишь одни ценности – это цены. Человек, его переживания, радости и горести постепенно уходят из театра, кино и других видов искусства. Вместо людей приходят зомби и цифры;

– проблема стандартизации личности, её обезличивания. На это указывают Ж. Делез, М. Фуко, Ж. Бодрийяр. Последний полагает, что современный человек перестаёт быть субъектом истории и становится «операциональной молекулой», которую ожидает «только predetermined некоторым кодом развитие и бесконечное воспроизводство в абсолютно тождественных ей копиях» [2, с. 45].

Информационная всеобщность и общезначимость «разрушает любую инаковость ... она создаёт царство того же самого» [2, с. 44–45].

СМИ называют псевдопотребности и квазиценности, которые ничего не дают ни для прогресса общества, ни для развития личности. Гипертрофированная интерпретация рыночных отношений направляет усилия не в сторону социально значимых интересов, а в сторону интересов сверхбогатых. К креативным слоям общества причисляют тех, кто создаёт симулякры в сфере потребления, мире массовой культуры. Информация может продуцировать новые знания и позитивные ценности. Но значительный её пласт – это фальсификации.

Вышеперечисленные реалии информационного общества делают проблему культурной безопасности чрезвычайно актуальной. Она становится условием и важнейшим структурным элементом национально безопасности. Безопасность – это неотъемлемое свойство любого социального организма: группы, общности, общества в целом. Однако

сегодня она становится хрупкой как никогда, так как информация распространяется по-верх границ. Практически неизбежно любая страна может стать целью деструктивного, порой весьма агрессивного информационного воздействия. Рушатся привычные барьеры, предотвращавшие возможность ведения в таких масштабах психологических войн. Возникает угроза не только информационному, но и государственному суверенитету, национальной безопасности в целом.

Национальная и культурная безопасность. Национальная безопасность – это защищённость общества, личности, образа жизни народа, его культуры, суверенитета и территориальной целостности государства. В современном мире национальная безопасность – это не только отсутствие внешней военной угрозы и экономических рисков. Она включает в себя духовную, информационную, этническую, конфессиональную составляющие, все сферы жизнедеятельности людей.

Будучи составной частью национальной безопасности, культурная безопасность имеет много границ, индикаторов и измерений.

Проблема культурной безопасности получила освещение и методологическое обоснование в трудах П. Бурдьё, Х. Ортега-и-Гассета, Ю. Хабермаса, М. Хоркхаймера, Н. Лумана, Э. Гидденса, У. Бека. Названные авторы значительное внимание уделяют проблеме рисков в духовной сфере современного глобализирующегося мира. Вопросы культурной безопасности рассматриваются в трудах российских исследователей В.В. Сергеева, А.Л. Маршака, А.С. Копто, Р.Г. Яновского, белорусских философов Е.М. Бабосова, М.А. Можейко, М.А. Слемнёва.

В литературе можно встретить разумные определения данного феномена. К примеру, К.Э. Разлогов полагает, что следует говорить не о культурной безопасности, а «лучше подумать о культурном развитии» [3, с. 537].

Безусловно, необходимо вести речь о развитии культуры, которая не может не развиваться. Постоянно на смену старым формам культуры приходят новые. Это закономерный процесс. Однако развитие происходит на определённой, веками сложившейся основе посредством диалектического отрицания, «снятия» (Г. Гегель) всего устаревшего, косного. Узловыми опорами культурной безопасности являются национальное самосознание, традиции организации жизнедеятельности людей, политическая и правовая культура, менталитет народа, религия. В этой связи нельзя не согласиться с тем, что культурная безопасность «есть не только поддержание безопасности в культурной сфере (предотвращение религиозных и этнических конфликтов, упадка духовности, разрушения культурных памятников), но и поддержание национальной безопасности через развитие культурного самосознания. Это защита культуры от угроз, и одновременно создание условий для её гармоничного развития» [4, с. 471].

Культурная безопасность означает минимизацию любых деструктивных воздействий на общество, преодоление самых различных опасностей и рисков, угрожающих сохранению базовых духовных ценностей, культурной идентичности.

Культурная безопасность неразрывно связана с духовной безопасностью, так как духовность – это ядро культуры, её субстанция. Духовная безопасность определяется процессами социально-экономической и политической трансформации, социокультурной динамики общества, менталитетом народа, реалиями современного глобализирующегося мира и «представляет собой качественное системное свойство, которое не только обеспечивает выживание человека и прогрессивное развитие общества, но и способствует диалектическому движению к обновлённому информационному воздействию и разновекторному проявлению коммуникативной культуры, унификации и мирологизации, существующего социального пространства» [5].

Первая часть приведённого определения не вызывает особых возражений. Труднее согласиться со второй её частью. Культура современного общества действительно

столкнулась с «обновлённым информационным воздействием», с «унификацией и мирологизацией», которые, как уже отмечалось, никак не могут быть критериями культурной безопасности.

Индикаторы культурной безопасности. К индикаторам культурной и духовной безопасности относятся уровень политической и правовой культуры, гражданского и национального самосознания, историческая память народа, аксиологическое измерение его образа жизни, взаимообогащение культур в процессе их диалога, религиозность населения. Остановимся на некоторых из них.

Культурная безопасность предполагает заботу о сохранении духовно-нравственного здоровья общества, идентичности этноса, возрождение его исторической памяти. Переписывание в угоду политических амбиций истории, получившее гипертрофированный характер в последнее время, таит угрозу для судеб как для отдельных стран, так и мира в целом. Оно бьёт по историческому самосознанию народов, их памяти. В ходе информационных атак устоявшиеся представления о морали, истории, отдельных исторических личностях подвергаются ревизии путём «обсуждения» всевозможных точек зрения от самых примитивных до самых невероятных. В результате происходит засорение массового сознания. Известные представления, убеждения распадаются на отдельные фрагменты, составляющую новую картину прошлого, но не имеющего ничего общего с реально происходившими процессами. Манипулирование историческим сознанием является мощным идеологическим инструментом реализации политических интересов, направленных на управление сознанием людей и реализацию конкретных тактических и стратегических целей. История – это эффективное политическое оружие и средство формирования духовной культуры масс. Атаки на историческую память – это часть технологий, ориентированные на разрушение устоев государств. Практикуемое идеологически ангажированными. СМИ преднамеренное искажение наследия прошлого подрывает культурный код нации, её идентичность, делает людей равнодушными к судьбам страны. История, таким образом, становится частью современной политики, а не просто отвлечённой академической дисциплиной о прошлом.

Говоря о культурной безопасности как о предотвращении для неё внешних угроз, следует учитывать, что культура людей нации не может развиваться в строгой изоляции, что, собственно, и невозможно в глобализирующемся мире. Диалог культур, их взаимообогащение неизбежны. Диалог культур в наше время не просто литературный жанр. Он превратился в философскую и социальную проблему. Из культуры мира не исключается никто. Толерантность основывается на принципе «Я уважаю». Это предполагает сотрудничество по защите культур разных народов, бережного отношения к ним. При этом диалог, безусловно, не тождественен культурной экспансии. В этом заключается известная противоречивость самого феномена культурной безопасности. С одной стороны, необходимо защищать традиционные духовные устои общества, культурную идентичность. Важно сохранить язык, устоявшиеся ценности, символы души народа, обычаи. С другой – создавать все условия для диалога культур. Культура может развиваться, если она взаимодействует с другими культурами, их достижением, вошедшим в сокровищницу общечеловеческих ценностей. Вместе с тем неизбежные изменения в культуре не должны затрагивать его ядра. Культура нуждается и в противодействии «вестернизации» и в защите от так называемых «инноваций», авторы которых представляют их в качестве нового элитаризма, недоступного простым смертным. По сути своей мы часто имеем дело лишь с поп-культурой не лучшего образца. В архиву скатываться нет необходимости. Но важнейшая задача культурной политики – постоянное воспроизводство человеческого в человеке. Духовные ценности, которые возникли на другой социокультурной почве, нельзя механически переносить в свою общественную систему без учёта традиций и духовных основ восточнославянской цивили-

зации. Культурное импортозамещение и культурный суверенитет были и останутся важнейшим фактором развития общества.

Реальная культура любого общества состоит из фактически существующего поведения его членов, т.е. образа жизни людей. Об уровне культурной безопасности в значительной мере свидетельствуют ценностные ориентации населения и, в первую очередь, аксиологическое измерение образа жизни молодёжи. Актуальной стала проблема её ценностного самоопределения. С этой целью кафедрой социально-гуманитарных наук ВГУ имени П.М. Машерова было проведено социологическое исследование. Результаты опроса показали, что для студенческой молодёжи характерны общественно значимые ценности. К примеру, 77,2% опрошенных полагает, что приоритетным фактором при достижении жизненного успеха является личная инициатива, умение добросовестно и инициативно трудиться. Среди важнейших жизненных ценностей респонденты выделяют семейные и духовные ценности: здоровье (66,6%), интересную работу (41,2%), наличие друзей (38,4%), уважение окружающих (25,1%). В то же время следует учитывать, что значительная доля опрошенных отдаёт предпочтение материальному благополучию (39,1%) что, безусловно, определяется рыночными отношениями и относительно невысоким уровнем жизни населения. В контексте нашей темы важное значение имеет такая нравственная и гражданская позиция, как патриотизм. Показательно, что относительное большинство опрошенных гордится тем, что живёт в Республике Беларусь (43,6%), а 19,2% с такой позицией не согласны. Правда, каждый третий, из участвовавших в опросе, не определился со своей позицией (34,0%). 43,9% респондентов категорически не принимают утверждение, что Родина там, где хорошо жить. Однако удручает несколько то, что 37,4% с этим согласны, а 34,4% готовы предпринять усилия, чтобы при возможности выехать в другую страну. С другой стороны, нельзя не отметить, в целом современной молодёжи присущ оптимизм, уверенность в том, что в жизни всё к лучшему. Такого мнения придерживаются 57,6% опрошенных, а 24,3% респондентов не разделяют такой позиции, а 13,7% респондентов пока не задумываются о перспективах своего личного бытия.

Результаты социологического исследования свидетельствуют о достаточно мозаичной картине ценностных ориентаций студенческой молодёжи, которые характеризуются незавершённостью, лабильностью, неустойчивостью. Всё это требует дальнейшего совершенствования всего комплекса воспитательной работы, нацеленной на укрепление нравственного здоровья в обществе. По мнению опрошенных, важнейшими средствами здесь являются (можно было указать до 3-х вариантов) укрепление законности и правопорядка (47,7%), повышение квалификации занимающихся воспитательной работой (42,9%), борьба с пьянством (34,0%).

Некоторые исследователи приоритетную роль в поддержании духовной безопасности общества отдают религии (И.Б. Чернова, А.П. Романова, В.Ю. Гадаев). Безусловно, религия играет важную роль в духовном возрождении социума. Важную, но, полагаем, не решающую. Это определяется следующими причинами. Во-первых, нельзя не видеть тенденции к падению уровня религиозности населения в условиях информационного общества, широкого внедрения интернет-технологий. Процессы секуляризации различных сторон общественной жизни стали реальностью. Результаты нашего социологического исследования показали, что 45,5% опрошенных себя относят к верующим в Бога, а 8,0% к неверующим, но стремящимся стать к нему ближе. В то же время 46,5% заявили о том, что являются либо безразличными к религии, либо критически к ней относятся. И лишь 12,4% респондентов указали, что религия даёт ответы на главные вопросы, которые они ставят перед собой, только 6,9% из них считают религиозные убеждения главным элементом мировоззрения.

Во-вторых, политико-идеологические факторы играют более важную роль в укреплении культурной безопасности. История изобилует примерами, когда именно противоположность политических и идеологических ценностей интересов разделяла нации и народы, оборачивалась кровопролитными гражданскими войнами. При этом принадлежность к одной конфессии нисколько не препятствовала этому. Показательно в этой связи следующее: большинство участников вышеприведённого опроса (67,3%) полагает, что в каждой стране должна быть государственная идеология.

Современное общество нуждается не только в экономической и технологической модернизации, но и в идейно-нравственной. Безусловно, экономика – это базис общества, который определяет надстроечные, включая духовные, процессы и явления. Однако нельзя абсолютизировать технологический детерминизм. Вряд ли тот информационный продукт, который предлагают зарубежные СМИ, можно считать стратегией развития социума. Могут ли характеристики постиндустриального общества быть достаточной основой целей и смысла общественного развития? Они не содержат духовно-нравственной и идеологической компоненты. Система безопасности общества не может определяться лишь инструментальными экономическими, прагматическими, политико-нравственными критериями. В её основе должны быть заложены определённые идеологические, а в более широком плане мировоззренческие ценности и ориентиры. Именно они вырабатывают иммунитет к возникающим в социуме коллизиям и угрозам. У страны должны быть базовые идеологические категории и цели. Что бы не говорили сторонники либертарианства о ненужности идеологии, общество всегда находится внутри её. Другое дело, о какой идеологии идёт речь. Идеология – это образ страны, который мы предъявляем миру. Он должен основываться на учёте ценностей, традиций и менталитета народа, принципах социальной справедливости, патриотизма, сохранения народа, его идентичности. Вопросы выработки идеологии общественного развития, национальной идеи по-прежнему актуальны. Это предмет дальнейшей теоретической рефлексии над тем арсеналом, который накоплен социально-гуманитарным знанием во всех его областях.

Заключение. Культурная безопасность – фундаментальная проблема человеческого бытия, она не менее важна, чем широко обсуждаемые проблемы военных, экономических, политических аспектов национальной безопасности. Культура определяется тем, как чувствует человек в этом мире и как он себя в нём находит. Её безопасность предполагает комфортное бытие в духовном пространстве, которое должно быть наполнено смыслами и ценностями, вытекающими из культурного кода народа, отвечающими запросами человека.

Национальная культура во всех её проявлениях – это «визитная карточка» Беларуси, важнейшее средство формирования имиджа страны, существенный фактор внешней политики, так называемой «мягкой силы». Его следует беречь и максимально использовать в интересах сохранения нашей идентичности, всего того, что гарантирует, по словам классика, «пачэсны пасад між народамі».

Литература

1. Лукашенко, А.Г. О гордости за народ и суверенитете / А.Г. Лукашенко // Беларусь сегодня. – 2020. – 10 янв. – № 5. – С. 3.
2. Бодрийяр, Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту / Ж. Бодрийяр. – Екатеринбург: У-фактория, 2006. – 200 с.
3. Разлогов, К.Э. Культурная безопасность / К.Э. Разлогов // Компания. – 2008. – № 46(539).
4. Романова, А.П. Проблема культурной безопасности в научном дискурсе / А.П. Романова, М.М. Бичарова // Человек, сообщество, управление. – 2015. – Т. 16, № 2. – С. 36–48.
5. Хаустова, Н.А. Духовная безопасность современного общества [Электронный ресурс] / Н.А. Хаустова, С.Н. Соколова // Вестн. Полес. гос. ун-та. Серия общественных и гуманитарных наук. – 2014. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/duhovnaya-bezopasnost-sovremennogo-obschestva>. – Дата доступа: 29.02.2020.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ФИЛОСОФСКАЯ КАТЕГОРИЯ

В статье уделено внимание соотношению свободы и ответственности личности. Социальная ответственность рассматривается как философская категория – категория философской антропологии. Дан анализ содержания и структуры социальной ответственности, выделены различные уровни свободы: эмпирико-теоретический и антрополого-бытийный. Показано соотношение социальной ответственности и других видов ответственности, а также негативного и позитивного ее аспектов. Раскрыта диалектическая связь между субъектом и инстанцией ответственности, конкретный характер ее меры. Деятельность человека не может протекать безотносительно к содержанию его внутреннего мира. Чтобы стать свободным, человек должен приобрести соответствующие внешним условиям внутренние качества, важнейшим из которых является ответственность. От степени развития сознания и чувства ответственности зависит направленность к динамизму деятельности, процесс раскрытия творческого потенциала личности.

Цель данной статьи – анализ содержания ответственности как философской категории. Ответственность иногда рассматривается лишь как категория этики и права, а в философские словари такая категория порой не включена.

Ключевые слова: *свобода, ответственность, необходимость, социальная активность, виды ответственности, субъект и объект ответственности.*

Важнейшей философской категорией, выражающей сущность человека и его существование, является свобода. Ни одна философская проблема не приобретала в истории человеческой мысли столь большого теоретического и социального значения, как проблема свободы. И это понятно, ибо она затрагивает самым непосредственным образом сознание и деятельность каждого человека. Без свободы личности человек был бы всего лишь биологической особью. Другими словами, свобода – это родовый признак человека.

На протяжении многих веков философы бились над разрешением вопроса о свободе, необходимости и ответственности, который «...как сфинкс говорил каждому из таких мыслителей: разгадай меня, или я пожру твою систему» [1].

Свобода человека по своей природе деятельна и выступает как овладение необходимостью¹, господство над объективными условиями бытия и своей природой, что достигается только посредством деятельности. Именно в деятельности человек строит мир по мерке собственных потребностей, изменяет его и, как следствие этого, изменяется сам, развивает свои способности и задатки. Рассматривая соотношение свободы общества и свободы личности необходимо помнить, что личность не является простой копией общества, ибо общее не полностью исчерпывает отдельное, а отдельное не целиком входит в общее. Однако, будучи индивидуальным проявлением общего, оно неизбежно несет на себе его печать. Поэтому мера личной свободы всегда конкретна и зависит от той свободы, которой пользуется общество, от тех реальных объективных возможностей, которыми обладает эта личность, чтобы проявить себя сознательным субъектом общественных отношений. Но эти возможности – только объективная основа свободы личности. Реализация их зависит от самого индивида, его отношения к объективной необходимости, от характера выбора, целей и *действий*, направленных на их достижение. Другими словами, свобода означает не только *возможности, условия* деятельности, но и *свойство* этой деятельности.

¹ Г. Гегель утверждал, что необходимость как таковая еще не есть свобода, но свобода имеет свои предпосылки в необходимости и содержит ее в себе как снятую.

Возникает вопрос: а как быть с теми ситуациями, в которых выбор крайне ограничен или по каким-то причинам и вовсе, как кажется, исключен? Возможности для выбора, тем не менее, есть и в такой ситуации. Дело в том, что ситуация выбора не исчерпывается одними предметными структурами бытия. В него обязательно входит и человек – субъект выбора. И если предметные структуры бытия очень жестки и однозначны, то возможности ситуации выбора как бы переходят на субъект. Общий знаменатель всех возможностей для выбора – быть или не быть человеком. В критических ситуациях человек делает этот выбор, а также выбор между жизнью и смертью.

У феномена свободы есть разные уровни: эмпирико-теоретический и антрополого-бытийный. На антрополого-бытийном уровне свобода становится внутренней потребностью субъекта. Преодоление внешней необходимости здесь связывается, так или иначе, с ростом внутренней необходимости – необходимости в самой свободе. Формула, идущая от Спинозы «свобода есть познанная необходимость» приобретает иной смысл: познание необходимости быть свободным. Свобода как необходимость имманентна человеческой сущности. Свобода как необходимость – это как раз случай, когда без свободы человек не мыслит себе свою жизнь. В свободе как необходимости человек выбирает себя, свою линию поведения, свой образ жизни. Выбирать значит одновременно и отвечать за то, что и как выбираешь.

Проблема свободы может быть понята и практически решена только в тесной связи с решением вопроса об ответственности личности. Свобода неизбежно порождает проблему ответственности. Человек и его свобода имеют общественную природу. Какую бы структуру ни приобретала деятельность человека, в каких бы формах она ни протекала, ее нельзя рассматривать вне общественных отношений и интересов людей, включенных в эти отношения. А. де Сент-Экзюпери писал, что «нет такого поступка, который не затрагивал бы другого человека. Обособленных личностей не существует. Тот, кто отчуждает себя от общности, наносит ей ущерб. Тот, кто печален, печалит других» [2]. У человека как члена общества есть обязанности перед обществом в целом, классом, коллективом, семьей, а, следовательно, и ответственность за выполнение этих обязанностей.

Свобода и ответственность тесно взаимосвязаны. Ответственность личности возможна лишь постольку, поскольку она действовала по собственной воле, т.е. свободно. С другой стороны, свобода без ответственности превращается в ничем не ограниченный произвол. Общество может предоставлять личности права и свободы лишь в той мере, в какой она несет ответственность перед ним. Расширение сферы возможностей, свободы человека ведет одновременно к возрастанию его ответственности.

Действительная свобода и ответственность диалектически взаимодействуют, «стыкуются» на основе объективной необходимости. Как и свобода, ответственность возможна только на основе и в пределах исторической необходимости. Последняя ни в коей мере не снимает проблемы ответственности. Необходимость всегда содержит в себе реальные возможности для выбора. Выбор же тех или иных вариантов поведения зависит от самой личности, которая несет ответственность за свой выбор. Ответственность возможна, так как диалектическое понимание детерминизма предполагает, что человек участвует в определенной объективной связи детерминированных явлений и в то же время может сознательно влиять на ход процессов. Человек никогда не служит механическим передатчиком в окружающую действительность направленных на него воздействий. Более того, именно учет требований объективной необходимости дает возможность оценивать поступки человека, т.е. решать вопрос об объективном критерии ответственности. Сущность ответственности заключается не в природе отдельного человека, а в личностно-общественных отношениях. Выбирая, человек реализует нечто большее, чем просто индивидуальную цель. Поэтому определить социальную

значимость любого поступка можно лишь при условии соотнесения этого поступка с общественным «эталонном».

Рассматривая содержание категории «ответственность», мы исходим, прежде всего, из того, что это философско-социологическая категория. Социальную ответственность ни в коей мере нельзя сводить (а это иногда делается) к одной из ее разновидностей: нравственной, юридической и т.д., проявляющейся в зависимости от специфики и вида общественных отношений. Можно и нужно говорить об ответственности нравственной, юридической, экономической и т.д. И в этом смысле категория ответственности является предметом ряда отдельных наук. Социальная ответственность есть «отражение всего многообразия социальных отношений и обобщенное выражение всех форм ответственности».

Все они «в снятом виде» входят в состав социальной ответственности, образуя качественно новую целостность, несводимую к одной из них или к простой сумме этих форм ответственности.

Соотношение между социальной ответственностью и другими видами ответственности можно представить как диалектическую связь общего и отдельного. Общее, как известно, существует в отдельном и через отдельное, в то же время не исчерпывается отдельным. Как известно, свобода имеет множество граней: экономическая, политическая, нравственная и т.д. свобода. Неразрывно связанная со свободой, ответственность также проявляется в различных видах в зависимости от специфики и вида общественных отношений, но поскольку ответственность связана с человеческой «свободой вообще», она имеет такое же родовое, всеобщее значение, и, следовательно, также является предметом философских исследований. Как нельзя ограничить сферой нравственности и права свободу человека, так нельзя ограничить этой же сферой и его ответственность.

Социальная ответственность выступает как основа всех видов ответственности. Она вбирает в себя те общие, социально наиболее значимые стороны и черты, которые свойственны отдельным ее видам. Конкретные виды «животворяют» социальную ответственность и, в свою очередь, берут от нее живительные соки: каждый из них может успешно выполнять и выполняет свои функции лишь постольку, поскольку является выражением единой сущности (социальная ответственность).

Специфика конкретных видов социальной ответственности обусловлена природой тех общественных отношений, внутри которых они возникли и существуют в своей качественной определенности. Различные виды ответственности выступают при структурном анализе социальной ответственности как элементы системы. Каждый из этих видов также имеет структурные подразделения. Например, юридическая ответственность включает уголовную, административную и т.д. Все виды ответственности взаимосвязаны и переплетаются в том или ином отношении. Так, политическая ответственность может быть в одно и то же время и нравственной, и профессиональной, если речь идет о действиях государственного деятеля, которые оцениваются с точки зрения норм морали. Однако обычно употребляется какое-то одно понятие в зависимости от того, какую сторону отношений личности или коллектива нам важно в данный момент подчеркнуть, выделить. Содержание социальной ответственности личности включает в себя следующие объективные и субъективные стороны:

– требования общества, предъявляемые к личности и определяемые ее местом в системе общественных отношений; положение личности в системе общественных отношений очерчивает границы проявления ее ответственности;

– эмоциональное переживание и рациональное осмысление характера общественных требований, а также характера и последствий своего собственного поступка (эта субъективная сторона ответственности выступает как социальное качество личности: сознание и чувство ответственности, которые тесно связаны с волевой

целеустремленностью как механизмом мобилизации всех духовных сил для практического осуществления требований общества);

- практическую реализацию личностью общественных требований в деятельности;
- оценку деятельности личности с точки зрения соответствия интересам социалистического общества.

Известно, что свобода порождается не самой по себе необходимостью, а взаимодействием сознательной деятельности людей и необходимости. Ответственность также определяется не объективной реальностью и не субъектом, взятыми отдельно, а постоянным взаимодействием человека и окружающего мира, влиянием результатов человеческой деятельности на судьбы людей. Ответственность выражает отношение между деятельностью субъекта и требованиями объективной ситуации. Вопрос об ответственности возникает тогда, когда речь идет о соответствии или несоответствии деятельности тем требованиям, которые предъявляет данная объективная ситуация. Последняя всегда оставляет человеку возможность для выбора той или иной линии поведения. Ответственность – это умение пользоваться своей свободой в интересах группы или всего общества. Общество соответственно оценивает и спрашивает в тех случаях, когда человек не захотел или не смог по каким-либо причинам реализовать его (общества) требования. Известно, что оценочные отношения – момент любого социального действия, а не только морального. Поэтому любой вид социальной ответственности содержит в себе оценку, обуславливающую реакцию общества на действия личности.

Таким образом, социальную ответственность можно рассматривать в самом общем виде как одно из проявлений связи и взаимной зависимости личности и общества, как отношение, выражающееся в мере соответствия субъективной, человеческой активности характеру общественных требований, а также в определенной оценке этой активности и санкции со стороны общества. Это отношение существует между субъектом ответственности («кто отвечает») и инстанцией, которая предъявляет требования и перед которой отвечают. Данное отношение включает в себя также объект ответственности («за что отвечает»). Субъектом ответственности (как и ее инстанцией) могут быть отдельная личность, коллектив, социальная группа – любая социальная общность, обладающая единством деятельности и организации. В дальнейшем отдельная личность будет рассматриваться как субъект ответственности. Субъектом ответственности может быть только то лицо, которое способно понимать общественный смысл своих действий, соответствующих социальных требований, предъявляемых к нему, и соотносить с ними свои действия. Вследствие этого не может быть субъектом ответственности ребенок, не понимающий смысла своих действий, или же психически больной.

Связь между субъектом ответственности и инстанцией носит диалектический характер: не только субъект ответственен перед инстанцией, но и инстанция в определенной мере ответственна перед субъектом. Можно сказать, что ответственность общества перед субъектом определяет в известном смысле и свободу данного субъекта. Так, бесправность раба означала отсутствие ответственности общества перед ним. Объектом ответственности личности является ее деятельность, однако при определенных условиях объектом могут быть и действия других людей, а также социальной группы, коллектива, класса, с которыми тем или иным образом связана личность.

Социальная ответственность имеет два аспекта: негативный (ретроспективный) и позитивный. Ответственность в ретроспективном смысле есть ответственность за прошлое поведение, но не за всякое, а лишь за поступки и действия, противоречащие требованиям инстанции. Отрицательный общественный резонанс деятельности личности составляет содержание ее негативной ответственности. Он определяет степень вины личности и характер санкции за неумение или нежелание оказаться на уровне требований той или иной инстанции. Негативный аспект присущ не только юридической,

но и другим видам социальной ответственности. Например, осуждение поступков со стороны общественного мнения – негативный аспект нравственной ответственности.

Позитивный аспект ответственности находит свое выражение в соответствии деятельности личности требованиям группы, общества, в творческом отношении ее к своим обязанностям, в свободном, правильном выборе целей и средств их реализации. Не боязнь осуждения (в любой форме) со стороны коллектива и общества, а понимание необходимости соблюдения их требований лежат в основе данного аспекта ответственности личности. Позитивная ответственность немыслима без предвидения. Истинно ответственное поведение основано на предвидении социальных последствий, которые оно может вызвать. Человек обязан знать то, что он может знать.

Характер ответственности исторически менялся. Вместе с прогрессом общества, возрастанием личной свободы индивидов повышается и степень личной ответственности каждого человека перед обществом.

Мера личной ответственности всегда конкретна. Она определяется характером требований, предъявляемых обществом к личности, возможностями, которые оно предоставляет для реализации этих требований, а также степенью сознательного использования личностью этих возможностей. Мера ответственности личности имеет огромное практическое значение. Она существенным образом зависит от соответствия или несоответствия деятельности человека интересам общества, т.е. от общественного резонанса этой деятельности. Ответственным будет такое действие, которое совершается добровольно и соответствует требованиям объективной ситуации. Но именно в этом находит свое выражение свобода личности. Ответственность оказывается мерой свободы, и наоборот: свобода есть мера ответственности. Положение о том, что ответственность есть мера свободы, имеет и другую сторону: чем выше ответственность человека в виде требований, предъявляемых к нему коллективом, обществом и т.п., тем большими правами и возможностями он должен обладать для их реализации.

Ответственность проявляется не только как соответствие субъективной активности требованиям объективной ситуации, что находит свое выражение в свободной, творческой реализации личностью своих функций и обязанностей, но и как внутреннее человеческое качество. Иными словами, кроме внешней стороны ответственности, выражающей отношение личности к требованиям инстанции, существует внутренняя, субъективная, сторона ответственности, которая является частью родового понятия «социальная ответственность».

Руководствуясь в своем поведении требованиями объективной ситуации, личность исходит также и из своих внутренних побуждений, социальных установок и т.д. Эту взаимосвязь внутреннего и внешнего, объективного и субъективного в поведении личности отметил еще Гегель: «Каков человек внешне, т.е. в своих действиях... таков он внутренне, и если он *лишь* внутренний, т.е. если он остается только в области намерений, умонастроений, если он «добродетелен», «морален» и т.д., а его внешнее не тождественно с его внутренним, то одно так же бессодержательно и пусто, как и другое» [3].

Внутренние установки человека, его ценностные ориентации – важнейший регулятор поведения. Они могут соответствовать требованиям объективной ситуации или противоречить ей. Чем гармоничнее субъективное и объективное, тем больше поведение индивида соответствует общественно необходимым образцам. Поэтому очень важно, чтобы каждая личность поднялась до осознания своей ответственности перед обществом, семьей, коллективом.

Ответственность как черта характера, внутреннее качество личности проявляется как чувство ответственности и как ее сознание. Чувство ответственности – это определяемое общественными условиями непосредственное переживание человеком своей все возрастающей связи с обществом, социальной группой. Посредством чувства ответ-

ственности устанавливается определенное эмоциональное отношение к тем или иным явлениям действительности. Став устойчивым, это отношение превращается во внутреннее качество личности и существенно определяет ее поведение. Оно предупреждает возникновение демобилизующего настроения, равнодушия, способствует развитию творческой инициативы. Чувство ответственности тесно связано с чувством свободы, которое является важным компонентом морального и психологического статуса человека, удовлетворенного своим положением, уверенного в своих силах, сознающего социальную значимость. Без внутренней духовной раскрепощенности, уверенности в своих силах не может возникнуть и чувство ответственности.

Как и другие важнейшие человеческие качества, чувство ответственности включает в себя эмоциональный фактор. Оно выражается в таких эмоциональных состояниях, как беспокойство, озабоченность, тревога, старание. Превращение ряда общественных требований, норм общежития в принципы деятельности личности обязательно связано с положительным эмоциональным отношением к ним. При резком снижении чувств человек не испытывает в надлежащей мере безответственности или ответственности своих поступков, он только признает при определенных обстоятельствах, что это плохо, что за это могут наказать и т.д. Поэтому для формирования чувства ответственности личности большое значение имеет здоровый морально-психологический климат коллектива, вызывающий положительные эмоции и способствующий накоплению их опыта. В организационной и воспитательной деятельности важно учитывать не только, что и сколько человек дает обществу, фирме, предприятию, но и как он себя чувствует. Если игнорируется эта сторона, то у работника постепенно теряется интерес к работе, притупляется чувство ответственности.

Однако анализ ответственности как внутреннего качества личности не может быть ограничен рассмотрением только чувства ответственности. Как бы ни было глубоко чувство ответственности, оно не может стать надежным ориентиром, если человек не обладает глубокими и прочными знаниями, соответствующим кругозором. Поэтому помимо чувства ответственности необходимо формировать сознание ответственности. При этом последнее играет ведущую роль, хотя не следует забывать, что обеднение сферы чувств человека, в чем бы оно ни выражалось, с неизбежностью рано или поздно приводит к затуханию сознания ответственности. Сознание ответственности включает, на наш взгляд, а) осознание требований общества или другой инстанции; б) осознание необходимости поступка, тех или иных действий для реализации этих требований; в) предвидение результатов поступка, его значения для судеб людей.

Сознание ответственности неотделимо от духовной свободы человека и осознания им этой свободы. Духовная свобода – это исторически развивающаяся ценность. Если человек не может проникнуть в сущность происходящего вокруг него, то он не может чувствовать себя уверенно и, как следствие этого, всячески стремится избежать ответственности, а значит, и активной творческой деятельности. В практических делах он ориентируется на существующие образцы поведения. Взять на себя ответственность – это стимул к борьбе, стимул к творчеству. Таким образом, сознание ответственности неотделимо от понимания сущности происходящих вокруг человека событий, а также социальной направленности его взглядов, его строя мыслей.

Ответственность как внутреннее качество личности и ответственность как отношение тесно связаны. Если ответственность превратилась в устойчивую черту характера личности, то это через механизм воли находит свое выражение в ответственном отношении ее к своим обязанностям, к требованиям общества. В свою очередь ответственная деятельность, правильно построенная система ответственной зависимости служат основой формирования ответственности как черты характера личности.

Исходя из анализа социальной ответственности как отношения и как внутреннего качества личности, можно дать ее определение как целостного социального феномена: социальная ответственность – это непосредственное осознание и переживание личностью необходимости выполнения требований общества, социальной группы и свободная, творческая реализация этих требований в деятельности, оцениваемой соответствующим образом со стороны инстанции.

Заключение. С позиций философии французского экзистенциализма (Ж.-П. Сартр) человек – это свобода, он или всегда и полностью свободен, или его нет вовсе. Абсолютная свобода предполагает и ответственность человека за все происходящее: человек несет всю тяжесть мира на своих плечах. Что можно сказать по этому поводу? Как нравственный призыв и гражданская позиция такой взгляд не лишен смысла. Это призыв к тому, что в сложном и противоречивом мире не должно быть равнодушных, сторонних наблюдателей. Вместе с тем ответственность за всё, как ни крути, равна безответственности. В каждой конкретной ситуации человек может отвечать лишь за то, что находится в поле его прямого или косвенного влияния.

Объективные условия детерминируют функционирование и развитие личности не сами по себе, а через включенность, вовлеченность личности в эти условия, средством которой является человеческая деятельность. Объективные предпосылки – всего лишь возможность свободы. Свобода – это деятельность на основе определённых предпосылок. При этом свобода личности может быть возможно полной лишь тогда, когда она обладает достаточно полным объемом ответственности.

Деятельность человека не может протекать безотносительно к содержанию его внутреннего мира. Чтобы стать свободным, человек должен приобрести соответствующие внешним условиям внутренние качества, важнейшим из которых является ответственность. От степени развития сознания и чувства ответственности зависят направленность и динамизм деятельности, использование в процессе ее объективных предпосылок всестороннего развития, а значит и сам процесс раскрытия сущностных сил человека, формирование его навыков и способностей, возвышенных потребностей. При чем по мере того как общество создает необходимые объективные условия для развития свободы человека, уровень, масштабы и степень реализации последней всё больше зависимости от самого субъекта свободы.

Литература

1. Плеханов, Г.В. Избранные философские произведения в 5 т. Т. 1 / Г.В. Плеханов. – М., 1956. – С. 590.
2. Сент-Экзюпери, А. Сочинения. / А. де Сент-Экзюпери. – М., 1964. – С. 412.
3. Гегель, Г.Ф.В. Сочинения: в 14 т. / Г.Ф.В. Гегель. – М.–Л., 1935. – Т. 8. – С. 234.

ФИЛОСОФСКИЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРОШЛОГО

Специфическим способом познания истории, средством формирования исторического сознания является интерпретация. Интерпретация событий прошлого – это акт продолжения их существования в наличном общественном бытии. От субъектов интерпретации, их мировоззренческих установок зависит актуализация смыслов имевших место исторических событий.

Интерпретация не может быть статичным одноразовым актом, она предполагает учет исторического контекста. Истина в историческом исследовании – это процесс. Характер этого процесса предъявляет высокие требования к ответственности исследователей истории за то, что они интерпретируют и как они это делают.

Внимание уделено роли идеологии в интерпретации исторического прошлого. Не только идеология определяет облик прошлого в тех или иных интерпретациях. Само историческое сознание является частью идеологии и политики государства. История есть не только политика, обращенная в прошлое, она часть современной политики. Идеологическое манипулирование историческим сознанием порой становится мощным средством реализации политических интересов.

Общество не может развиваться без идеологических ориентиров и приоритетов. Нужны духовные скрепы, ценности, разделяемые большинством населения, которые призваны объединить социум.

Цель статьи – анализ философских, идеологических аспектов интерпретации прошлого.

Ключевые слова: историческое сознание, интерпретация прошлого, методология, идеология.

Интерпретация истории – это своеобразное конструирование будущего исходя из понимания прошлого. От взгляда в прошлое зависит и взгляд в будущее. Каким будет это будущее, во многом зависит от того, как мы распорядимся историческим наследием, сохраним ли великие памятники прошлого или само прошлое превратим в труху из-за многочисленных «новых взглядов». Интерпретации исторического прошлого всегда носят дискуссионный характер и неразрывно связаны с проводимой в стране политикой, поскольку та или иная картина истории является одним из важнейших средств формулирования и обозначения видения настоящего и будущего развития конкретного общества. В современной международной обстановке актуальность «сражений за историю» резко возрастает.

Интерпретация прошлого – важнейшее средство формирования исторического сознания. В философской и исторической литературе существуют различные подходы к определению исторического сознания, объема и содержания данного понятия, его соотношения с исторической памятью. Историческое сознание – система знаний, взглядов, традиций, обрядов, обычаев, идей, концепций, посредством которых у индивидов, социальных групп, классов, народов, наций формируется представление о своем происхождении, важнейших событиях в своей истории, о соотношении своей истории с историей других общностей людей и всего человеческого общества [1]. Историческое сознание включает знания и оценки прошлого во всем его многообразии, присущие и характерные для общества в целом, так и для различных общностей, социальных групп, а также отдельных индивидов.

В интерпретации прошлого можно выделить философский и политико-идеологический аспекты. Первый из них достаточно основательно проработан в философской герменевтике, значительное место в которой занимает как раз метод понимания прошлого. При этом во взглядах представителей этого философского направления прослеживается значительная эволюция. Первое поколение герменевтики (Шлейермахер, Дильтей) в качестве главной проблемы выделяло вопрос понимания исторических текстов и постижения через них истории, подлинного смысла имевших место событий. Интерпретация прошлого, отраженного в текстах, должна основываться на способности исследователя воспроизвести, пережить, понять первоначальный смысл текста. Основная проблема понимания заключается во временной дистанции, разделяющей интерпретатора и объект понимания. Чтобы ее решить, необходимы вживание исследователя в исторический контекст, идентификация его с текстом.

Гадамер идет дальше. Смысл текста, в котором описаны определенные исторические события, нельзя оторвать от того «смыслового горизонта», в который помещен текст. Интерпретатор рассматривает текст с позиций своего «смыслового горизонта»,

включая его предрассудки, ценностные ориентации. Понимание текста зависит от того, насколько оба горизонта смогли приблизиться друг к другу. Только тогда возможно понимание истории. При этом Гадамер подчеркивает не только историчность предмета интерпретации, но и историчность самого субъекта интерпретации, значимость его позиции, которая уже задана определенными установками. При этом следует учитывать, что Гадамер рассматривает герменевтику не просто в качестве способности воссоздания аутентичного авторского текста, а в качестве возможности продолжения истории текста, построения его смысла каждым новым интерпретатором. Правда, такой подход таит в себе опасность субъективизма, произвольного «творения» исторического процесса, с чем мы сталкиваемся в практике изобретения прошлого отдельными политически ангажированными историками.

Герменевтический метод играет большую роль в познании, интерпретации прошлого. Умение вжиться в чужую индивидуальность, язык изучаемой эпохи, посмотреть на прошлое глазами представителей ушедших поколений – важная задача интерпретации исторических событий, условие постижения истины. А.Я. Гуревич справедливо отмечает: «Другой, человек давнего или недавнего прошлого, – это загадка, которую мы едва ли в состоянии разгадать, но от попытки разгадать ее вместе с тем не можем и уклониться. Наиболее тяжкий грех, в который способен впасть историк – и в который, к сожалению, очень часто впадает – состоит в том, что изображает человека иной эпохи подобным себе и своим современникам. “Другой” не означает “чужой”. Во многом он схож с нами, но прежде всего необходимо выявить различия. Презумпция “инаковости” – постулат исторического познания» [2, с. 77].

Вместе с тем вряд ли, на наш взгляд, можно согласиться с мыслью известного историка о том, что «лишь сравнительно недавно историческая наука начала освобождаться от бремени философии истории. Глобальные системы... Гегеля, К. Маркса, О. Шпенглера образовали прокрустово ложе, куда историкам предлагалось укладывать свой материал». Сегодня, по мысли автора, историческая наука перестает быть пленницей метафизических конструкций. Историки провозглашают «Декларацию независимости» своего ремесла». В противоположность философии, социологии и политической экономии история – наука не об общих законах, а о конкретном индивидуальном, уникальном и неповторимом [2, с. 78–79].

Но так ли это? Вольно или невольно автор встает на определенные философские, а именно неокантианские позиции. Если исследовать не отдельные события, имевшие локальный характер, а эпохальные процессы и события, «тектонические сдвиги» в истории человечества, то невозможно обойти причины произошедшего, тенденции развития общества. А это уже философия истории, социальная философия. Историк в любом случае вынужден будет руководствоваться определенной методологией, а не исследовать только уникальные факты. Можно по-разному оценивать события в октябре 1917 г., Великую Отечественную войну, но сам факт их влияния на судьбы человечества общеизвестен. В этой связи нельзя не согласиться с К.В. Хвостовой, которая отмечает, что многие индивидуальные факты, «которые рассматриваются в качестве атомарных, в рамках конкретного историописания, являются теоретически нагруженными. Кроме того, современный историк. лишь в незначительной мере имеет дело непосредственно с атомарными фактами. В основном он изучает сложные взаимосвязи этих фактов, образующие ситуации, явления, отношения, социальные структуры, пространственно-временные тенденции, традиции, т.е. все те исторические феномены, которые в своей сложной взаимозависимости не только определяют социальное поведение людей, но и формируют эпохи, культуры, цивилизации. Макротеоретический подход, являясь сегодня актуальным, отражающим современные идеи глобализма, во многом формирует принципы историописания» [3, с. 33]. Плюрализм взглядов и оценок

историков, по мысли автора, обусловлен предпочтениями, которые оказывают той или иной теоретической конструкции, неформализованной концепции, а также интерпретационно-ценностными исследовательскими установками [3, с. 35]. Отметим, что в современной философии истории наиболее распространенными являются цивилизационный и формационный подходы к интерпретации истории.

Интерпретация – это важнейший способ познания прошлого. При этом следует учесть, что она не может быть статичным одноразовым актом. Истина в историческом исследовании – это процесс [4, с. 180]. Она не появляется в одночасье так, как известная греческая богиня из морской пены. Более того, безошибочная, абсолютно верная интерпретация прошлого в данных конкретных общественных условиях невозможна. Пока существуют различные социальные группы с их несовпадающими интересами, ценностными ориентациями, будут и различия в интерпретации исторического прошлого. Исследователь данной проблемы А.С. Табачков обоснованно подчеркивает, что верификация или фальсификация результатов интерпретации «происходит в интересующей нас области в их взаимодействиях с культурным контекстом и носит историчный и, несомненно, процессуальный характер. Важно также, что само это становление полученного посредством акта интерпретации дискурса, обретение им статуса значимого элемента динамики социально-гуманитарного знания никогда не является окончательным. Длительный и обратимый характер этого процесса. предъявляет более высокие, чем в любой другой области познания, требования к компетентности и ответственности членов научного сообщества» [5, с. 67]. Автор справедливо говорит об ответственности ученых. На наш взгляд, уместно вести речь об исторической ответственности, которую можно рассматривать в широком и узком смысле слова. В широком смысле – это ответственность перед историей, ответственность за судьбы общества, миллионов людей. В данном случае мы имеем в виду не просто сохранение исторической памяти, знаний о прошлом, но и будущее страны, определяемое теми или иными действиями акторов общественных отношений. Другими словами, история – это не только «вчера», но и «сегодня», и «завтра». В широком смысле термин «историческая ответственность» применим к ученым разных научных направлений, политикам, деятелям культуры и т.д. К примеру, ученый с высоким уровнем сознания социальной ответственности не может не стремиться к тому, чтобы предвидеть возможные негативные последствия научного поиска. Свобода творчества несовместима со свободной безответственностью. Б. Юдин обоснованно отмечает, что ученые «могут не знать, каковы будут практические последствия того или иного открытия, они слишком хорошо знают, что “знание – сила”, и притом не всегда добрая, а потому должны стремиться к тому, чтобы предвидеть, что принесет человечеству и обществу то или иное открытие» [6]. Применительно к сфере политики можно сказать, что часто незнание – сила. На это порой и делается ставка современными политтехнологами. В узком смысле историческая ответственность – это ответственность за адекватную интерпретацию исторических событий, неприятие преднамеренного искажения наследия прошлого.

Интерпретация исторического прошлого зависит, как уже отмечалось, от философии истории. Последняя, в свою очередь, неизбежно связана с мировоззрением, которое включает ценностные ориентации исследователя, его убеждения, идеологические и политические предпочтения. От субъектов интерпретации, их мировоззренческих установок зависит актуализация смыслов уже сложившихся исторических событий. В этой связи нельзя не отметить огромную роль идеологии в интерпретации истории.

Идеологическое манипулирование историческим сознанием является мощным средством реализации политических интересов управления сознанием людей. Некоторые исследователи справедливо указывают на необходимость учета запросов и опыта современности при конструировании образа прошлого [7, с. 479, 491]. С этим нельзя не согласиться. Но в еще большей мере следует учитывать ту ситуацию, в которой прини-

мались судьбоносные решения, бытийствовали те или иные общественно-политические процессы. Нельзя историю осовременивать, оценивать только с позиций сегодняшнего дня. В противном случае неизбежно скатывание на позиции абстрактного морализирования. Всегда правомерно поставить вопрос: а могло ли быть в той исторической системе координат иначе?

Н. Нарочницкая отмечает: «Опасно интерпретировать старые события с точки зрения наших сегодняшних политических воззрений и желаний. Если мы с философским скепсисом и мудростью сможем взирать на историю, полную несовершенств и натяжек, то сумеем выделить главное» [8].

Политическое решение – это часто выбор между гибельным и малоприятным. А когда выбирают малоприятное, возникают негативные оценки, раздаются возмущенные голоса. При этом не учитывается, что другое решение в той конкретной исторической ситуации могло быть просто гибельным для страны. Когда, к примеру, сегодня на Западе (и не только) говорят об агрессивной внешней политике СССР, то забывают об историческом контексте, «холодной войне», провокационной политике другой сверхдержавы. Крупнейшие европейские страны, создавая колониальные империи, не стеснялись в свое время перекраивать карту мира по своему усмотрению. Но об этом на Западе сейчас вспоминать не хотят.

Политические интересы доминирующих социальных групп всегда будут оказывать влияние на образ прошлого. Нельзя рассчитывать на то, что оценка, к примеру, причин хода и итогов Второй мировой войны по мановению волшебной палочки станет одинаковой как на Западе, так и на Востоке. Вместе с тем недопустимы подлог, искажение или замалчивание исторических фактов. Здесь можно и нужно говорить об исторической ответственности ученых, всех тех, кто так или иначе причастен к формированию исторического сознания. Порой говорят, что историки более могущественны, чем Сам Господь Бог, ибо Господь не может изменить прошлое, а историки постоянно его меняют. В истории, как известно, есть все; что вам надо, то вы и достанете. Вот почему есть мера ответственности каждого историка за то, что он интерпретирует и как он это делает. Формирование исторической памяти – это часть технологий, которые могут разрушить целые государства. Длительная историческая ложь делает людей равнодушными к собственной истории и собственному народу и тем самым подтачивает устои общества и государства. История – это политическое оружие, а также средство воспитания масс. Кто затевает войну с прошлым, рискует потерять будущее. В данном контексте нельзя не вспомнить слова Дж. Оруэлла: «Кто управляет прошлым, ... тот управляет будущим; кто управляет настоящим, тот управляет прошлым» [9, с. 35]. Следует отметить, что не только идеология определяет облик прошлого в тех или иных его интерпретациях. Само историческое сознание является составной частью идеологии государства. Здесь существует прямая и обратная связь. Мало сказать, что история есть политика, опрокинутая в прошлое. История (прошлое) – это часть современной политики, она опрокинута в современную политику.

Распространено мнение, что идеология – это неотъемлемый атрибут тоталитарного общества. Следует, конечно, признать, что господствовавшие идеологические «одежды» были изрядно «потрепаны» в период СССР от частого (к месту и не к месту) употребления. Вместе с тем опыт постсоветского развития целого ряда стран показал, что любое общество (как и человек) должно иметь идейные ориентиры. Идеология – это не изобретение коммунистов, а атрибут любого государства. Именно идеологические ценности и приоритеты определяют, к примеру, отношение стран Запада к тем процессам, которые происходят на постсоветском пространстве. Политические стратегии Запада давно пришли к выводу, что только с помощью военных средств многие проблемы нельзя решить. Есть и другие инструменты, более эффективные, – разрушение кодов национального бытия. То есть речь идет о разрушении базовых национальных

ценностей, традиций и обычаев, исторической памяти народа. По масштабам и агрессивности идеологическая работа западных стран нисколько не уступает практике бывшего СССР времен «холодной войны».

Запад стал прививать, навязывать неприемлемые для большинства человечества ценности – мультикультурализм, однополые браки и т.д. Наблюдается отход от христианских ценностей. На их место пришли законы, права человека, прагматизм.

Но если данные ценности (их значимость несомненна) оторвать от служения чему-то высшему, то это грозит деградацией общества. Это безбожный, безнравственный демократизм и либерализм. «Политические свободы, – отмечает Г.С. Киселев, – расцветшие при повсеместно наблюдающемся “повреждении нравов”, свободы, которыми воспользовались “освобожденные” от христианской морали люди, во многом оказались свободой от ответственности – неперемного атрибута граждански зрелой личности» [10, с. 53].

После распада СССР образовался своеобразный идеологический вакуум. Пришедшая на смену советской интеллигенции новая «культурная» элита пока не смогла предложить те ценности, которые могли бы стать фундаментом подлинно человеческих отношений.

Пока, кроме погони за избыточным потреблением, апологии успеха «здесь и сейчас», другого идеологического продукта стране-соседке не предложено. У страны нет базовых идеологических понятий, целей, есть лишь тактические ситуации. Россия заражена гипертрофированной, исковерканной до абсурда формой либерализма. Ее главный девиз – живи для себя и ради себя. Страна превращается в своеобразный торгово-развлекательный центр. Но должна быть идеология, разделяемая большинством населения, которая призвана объединять и скреплять гигантский общественный механизм.

Идеологические и социокультурные факторы играют важную роль в развитии интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Безусловно, решающая, первичная роль в этих процессах принадлежит экономическому сотрудничеству.

Экономика – это базис общества, который определяет все надстроечные явления и процессы. Однако нельзя стоять на позициях технологического детерминизма. В обществе все взаимосвязано, существуют прямые и обратные связи. Решение многообразных задач строительства Союзного государства Беларуси и России предполагает определение идеологических ориентиров и приоритетов. Вне их нельзя определить стратегию социально-экономических и политических преобразований внутри страны, цели и механизмы сотрудничества на международной арене.

Идеология делает более целостным общественное сознание, влияет на морально-психологическую атмосферу в обществе.

Необходимо восстановить единое гуманитарное пространство. Недопустимо, чтобы традиционные духовные и нравственные ценности, славные традиции исторического прошлого были преданы забвению. Без единого прочтения истории не может быть единства народов. Вопросы идеологического обеспечения интеграции на постсоветском пространстве весьма актуальны и требуют обоснованного ответа.

Заключение. Интерпретация событий прошлого – это акт продолжения их существования, движения в наличном общественном бытии. В таком качестве они накладывают отпечаток на процессы современности. Важно помнить и понимать: то, что происходит сейчас – не просто новое, это, в известной мере, продолжение прошлого. Одновременно следует ничего не забывать, не стирать, не выбрасывать, не замалчивать, а бережно хранить историческую память, уметь заглянуть в прошлое, чтобы увидеть очертания будущего. Именно в этом проявляется историческая ответственность ученых-историков и всех тех, кто формирует реальную политику.

Литература

1. Историческое сознание [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruslanka.ru/hist/is.php>. – Дата доступа: 02.11.2015.
2. Гуревич, А.Я. Двойная ответственность историка / А.Я. Гуревич // *Общественные науки и современность*. – 2007. – № 3. – С. 74–84.
3. Хвостова, К.В. Особенности истины и объективности в историческом знании / К.В. Хвостова // *Вопросы философии*. – 2012. – № 7. – С. 27–37.
4. Кузьмина, М.В. Истина и объективность в историческом знании (обзор докладов научного заседания) / М.В. Кузьмина // *Вопросы философии*. – 2012. – № 6. – С. 180–184.
5. Табачков, А.С. Интерпретация как способ познания исторического прошлого / А.С. Табачков. – Минск: РИВШ, 2007. – 94 с.
6. Юдин, Б.Г. Этика науки и ответственность ученого [Электронный ресурс] / Б.Г. Юдин. – Режим доступа: http://rumagic.com/ru_zar/sci_philosophy/kuptsov/0/j32.html. – Дата доступа: 28.07.2016.
7. Репина, Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика / Л.П. Репина. – М.: Кругъ, 2011. – 560 с.
8. Нарочницкая, Н. Об особой ответственности историков [Электронный ресурс] / Н. Нарочницкая. – Режим доступа: <http://www.klaipeda1945.org/istoriya/ob-osoboj-otvetstvennosti-istorikov/>. – Дата доступа: 28.07.2016.
9. Оруэлл, Дж. 1984. Скотный двор / Дж. Оруэлл. – М.: АСТ, 2014. – 361 с.
10. Киселев, Г.С. История и ее подобие / Г.С. Киселев // *Вопросы философии*. – 2012. – № 3. – С. 48–58.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО И ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ

В условиях глобализации существенно наполняются новым содержанием социокультурные процессы.

Информационные технологии являются мощным средством взаимоотношения культур, их диалога. Происходит рост эмпатии в понимании иных духовных ценностей. В то же время наблюдается процесс вестернизации культуры, культивирование нетрадиционных ценностей, девальвация идеала духовно богатой личности. Созданные обществом гуманистические ценности нуждаются в уходе и усвоении. Важно учитывать, что гуманизм – это не только философское понятие, включающее социально-экономическую и политическую сферы бытия. Другими словами, можно говорить о социальном гуманизме. Нарастающий технологический оптимизм автоматически не ведет к гуманизации сознания личности.

Гуманистический фактор не может быть заменен экономическим и технологическим факторами. Он выдвигает на первый план творческую свободу и ответственность человека, значение его моральных ценностей и творческих способностей. Важную роль в сохранении гуманистических ценностей играют социально-гуманитарное знание, идеологические ориентиры, которые являются защитой от возникающих угроз глобализирующегося мира.

Цель статьи – анализ трансформации гуманистических ценностей в информационном обществе.

Ключевые слова: *информационное общество, гуманизм, духовные ценности, идеология, социализация личности.*

Процессы глобальной культурной унификации, включая отказ от традиционных гуманистических ценностей, ставят под угрозу основы бытия человека, высшие моральные принципы, исконные духовные основания восточнославянской цивилизации.

Формирование духовного мира личности, ее ценностных ориентаций, включая ценности гуманизма, в информационном обществе имеет свои особенности. Сегодня

молодые люди являются не просто гражданами конкретной страны, но членами глобального сообщества. Они сталкиваются с целым рядом проблем.

Существует проблема отбора и распространения проверенной, верифицированной информации. Без должного социального контроля информационные технологии могут оказывать разрушительное влияние на общественные процессы и личную жизнь человека.

Информационные процессы часто становятся мощным средством манипулирования сознанием молодых людей, формирования клипового мышления. Вот почему нельзя полностью согласиться с позицией, что «глобальные интернет-ресурсы не смогли преодолеть устоявшиеся национальные и региональные границы» [2, с. 9]. Может, полностью этот процесс и не завершился, но он нарастает с большой скоростью и таит в себе не только позитивные последствия, но и негативные вызовы в сфере ценностных ориентаций молодого поколения.

Молодежь так или иначе пользуется всемирной сетью, что не может не оказывать влияния на процесс ее социализации. Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) несут с собой новый образ жизни: новую культуру, существенно влияют на сохранение и воспроизводство гуманистических ценностей, которые, как известно, призваны интегрировать, сплачивать общество. Созданные обществом, они нуждаются в уходе и усвоении. В противном случае человек отчуждается от них, чувствует себя одиноким, покинутым, утратившим свою самость.

Гуманность – это тип поведения, сущностной чертой которого является установка на признание человека высшей ценностью, целью, а не средством (И. Кант). Гуманизм включает в себя важнейшие ценности: свободу, равенство и справедливость, человечность, достоинство человека, ценность каждого вне зависимости от пола, происхождения, религиозных взглядов и т.п. Гуманизм имеет целый ряд предпосылок: экономических, политических, социальных, духовных и идеологических. Возникает вопрос: возрастают ли возможности сохранения, трансляции и презентации гуманистических ценностей в информационном обществе? ИКТ, безусловно, способствуют увеличению знаний, доступа к достижениям различных стран и народов, развитию способностей людей, свободы выбора жизненных приоритетов. Некоторые авторы говорят о становлении «цифрового гуманизма» [3, с. 88].

Вместе с тем нельзя не видеть возникающих проблем. Р. Адольфи отмечает: «В связи с глобализацией под вопросом оказывается все наше прошлое мышление и осмысленность общества, морали и политики, а также модели и идеальные представления, с помощью которых мы понятийно схватывали до этого “действия”, общественные “институты” и рациональные “нормы”» [4, с. 53].

Среди проблем гуманистики в информационном обществе можно выделить следующие: бурное развитие технологий манипуляции сознанием людей; обострение проблемы цифрового неравенства в современном мире. Интернет вовсе не исключает иерархию. Остается существенное различие тех, кто поставляет информацию, и тех, кто пользуется ею, владельцев сетей и обычных граждан; широкое распространение псевдонаучных взглядов, «теорий»; уход от письменной культуры; отказ от традиционных ценностей, их размывание.

Неоспоримо, ИКТ являются мощным средством, влияющим на диалог культур. Однако и здесь мы встречаемся с противоречивыми тенденциями. Происходит взаимообогащение культур, рост терпимости, эмпатии в понимании иных духовных ценностей. В то же время наблюдается процесс вестернизации культуры, культивирование среди молодежи нетрадиционных ценностей, девальвация идеала образованной, духовно развитой личности.

Важно учитывать, что гуманизм – это не только философское, этическое понятие. Он включает также экономическую и политическую сферы бытия, т.е. речь идет о соци-

альном гуманизме. Как ценность «социальный гуманизм ориентирован на духовное, культурное и нравственное развитие граждан, на бережное отношение к историческому наследию и сохранение самобытности национальных традиций» [5, с. 73].

Обозначенная здесь проблема является чрезвычайно важной.

Молодежь сегодня интегрирована не только в глобальные информационные потоки, но и, как следствие, в глобальное общество потребления и производства духовных ценностей. Интернет превратился в своеобразную среду обитания молодежи, используется Западом для атак на традиционные ценности, ценности гуманизма, которыми руководствовался социум на протяжении многих столетий. Молодым людям доносят, навязывают установку, что есть «небинарные, трансгендерные, транссексуальные» люди. Если кто-то не согласен – он гомофоб или трансфоб. А это в Европе признак расизма. «Запретить запрещать» – вот лозунг современных радетелей демократии. Извращения и пороки превратились в норму. Исчезли слова «мать» и «отец» в школьных программах и даже в медицинских документах. О каком гуманизме можно говорить? У ребенка вырваны с корнем две основные жизненные опоры. Придерживаться традиционных семейных ценностей – это, по мысли современных идеологов, старомодно и реакционно. Господствует культура расчеловечивания. Современный Запад – это атомарный социум, в котором гуманизм и ответственность не предусмотрены, предусмотрен лишь гедонизм.

Террор меньшинств на Западе становится все жестче, а так называемая политкорректность превзошла все строгости цензуры. Перед нами мощная система разрушения природы, сущности человека. Уничтожить человека оказывается легко – надо изменить оценочное отношение ко всему, что стало привычным в жизни, что составляет сущность бытия. Парадоксально, что делается это под флагом не просто гуманных, а сверхгуманных соображений, соображений согласия в обществе, так как ничего нельзя запрещать. Либерализм и культура отмены торжествуют.

В этой связи вряд ли можно слишком оптимистично оценивать влияние информационных технологий на духовный мир человека, полагать, что «смарт-общество будет обществом непрерывных, выведенных на дисплей, открытий в науке и искусстве, обществом нравственных людей» [6, с. 96]. Человек информационного общества, согласно Э. Тоффлеру, является «одноразовым человеком». Для него нет нужды в сохранении исторической памяти, этнических и культурных особенностей. Он лишается культурной индивидуальности.

Информационные потоки существенно влияют на процесс социализации человека. Можно и нужно говорить о медиасоциализации. В отличие от традиционных СМИ социальные сети и блоги носят интерактивный, двусторонний характер. Формирование ценностей также носит интерактивный характер. Человек читающий постепенно уступает свое место в выработке и трансляции ценностей человеку кликающему. Виртуальные связи создают новую основу формирования личности. Социальные сети часто являются убежищем для человека, который не может реализовать себя в реальной жизни. Они создают предпосылки для трансформации традиционных ценностей, включая гуманистические ценности. Процесс этот сопровождается прагматической, утилитаристской окраской формирующегося духовного мира.

Перспективы компьютеризации зависят во многом от господствующих в обществе ценностных ориентаций. Вот почему в информационном обществе возрастает роль социально-гуманитарных наук (СГН), в частности философии, важнейшая функция которой со времен Платона – поиск идеальных форм, целей и норм человеческого бытия. Социально-гуманитарное знание – это определенное «броня» от попыток замены базовых духовных ценностей суррогатами, определенными мифами, иллюзорной информацией, которую порой невозможно проверить. Как следствие этого, недопустим технократический подход к определению целей развития информационных технологий.

За человеком, будем надеяться, останется функция целеполагания и контроля за ИКТ. Гуманистический фактор не может быть заменен фактором технологическим. Именно он выдвигает на первый план творческую свободу и ответственность человека, знания, моральные ценности и креативные способности человека, его информационную культуру. Очень часто под информационной культурой понимается ее технологический контекст: как ликвидация компьютерной неграмотности, доступность любой информации, благодаря созданию компьютерных сетей. Некоторые авторы полагают, что под информационной культурой следует понимать прежде всего правовое регулирование между отправителем (производителем) и получателем информации [7]. На наш взгляд, такой технократический или только правовой подход должен быть дополнен гуманитарным аспектом информационной культуры. Нарастающий технологический детерминизм автоматически не ведет к гуманизации сознания личности. Нарастание ритма жизнедеятельности под влиянием ИКТ не способствует росту интереса человека к экзистенциальным проблемам. Ж.Ф. Лиотар в книге «Состояние постмодерна» справедливо отмечает, что быстро меняющийся мир, обрывая корни, традиции, устои общества, делая социальные связи мимолетными, с одной стороны, объединяет людей в одном социальном пространстве, а с другой – изолирует, отчуждает от человеческой природы. Вот почему информационная культура должна иметь важные социальные черты, духовно-нравственное измерение, умение отсеивать низкопробную информацию, фейковые новости, имеющие целью манипулятивное воздействие на человека.

Важную роль в процессе социализации личности играет, как известно, общение. Но оно в информационном обществе претерпевает существенные изменения. Информационные технологии воспроизводят привязанное к компьютеру, гаджетам «поколение с опущенной головой». Живое общение между людьми заменяется общением в виртуальном мире. В конечном счете это оборачивается неспособностью решать насущные жизненные проблемы. Отсутствие опыта общения аукается затем во взрослой жизни. Выходя в реальный мир, такие молодые люди испытывают беспокойство и замешательство. Более того, пребывание в виртуальной среде оборачивается опасностью попадания в капкан чуждых духовных ценностей, т.к. возможности манипулирования сознанием, как уже отмечалось, здесь чрезвычайно велики. Одним из следствий интернет-зависимости является и такой феномен, как одиночество. Стремясь его преодолеть, обращаются к социальным сетям. Но здесь круг замыкается. Следствие начинают лечить причиной, это следствие вызвавшей. Посредством виртуального общения невозможно выразить и передать всю теплоту человеческих чувств, без которых нельзя говорить и о гуманных отношениях в подлинном смысле этого слова. Дистанция между реальным и виртуальным гуманизмом все-таки существует.

Не может быть гуманным общество, если оно атомизировано раздираемо внутренними противоречиями, если у него нет прочного идейного стержня. Вот почему важно, чтобы у социума была своя идеология. В свое время К. Мангейм в работе «Идеология и утопия» отмечал, что в будущем в принципе можно достигнуть абсолютного отсутствия идеологии для мира, где все завершено. Общество с исчезновением всех форм идеологии утратит волю к созданию истории и способность понимать [8, с. 169].

Постмодернизм, как известно, отрицает возможность представления об обществе как целостном организме, осуществляет деконструкцию общественных отношений, заменяет социум чем-то виртуальным и фрагментарным, эклектичным (симулякром). В таком представлении и идеология приобретает характер симулякра, который не имеет ничего общего с реальностью. Создатели и пользователи интернет-ресурсов заявляют о времени постидеологии, что на поверку оказывается ничем иным, как идеологией неолиберализма. Когда говорят о ненужности идеологии – это и есть своеобразная идеология [9, с. 100].

Ж. Бодрийяр подчеркивает, что современное потребление – это потребление знаков и символов. «У потребления нет пределов потому, что это полностью идеальная практика. Следовательно, желание укротить потребление или выработать нормы системы потребностей есть наивный морализм» [10, с. 43]. В обществе постмодерна универсальная мораль перестает существовать. Однако если нет морального стандарта, идеологических ориентиров, общество перестает быть единым организмом, атомизируется. Расхожим является утверждение, что только тоталитарному обществу присуща крайняя идеологизация общественной жизни. Практика последнего времени показывает, что страны Запада также являются чрезвычайно идеологизированными. Любая позиция, которая не укладывается в господствующий мейнстрим, объявляется враждебной или, в лучшем случае, замалчивается. Но тот духовный продукт, который предлагают западные нелиберальные СМИ, не может стать приоритетом развития человеческой и, в первую очередь, восточнославянской цивилизации.

Следует помнить, что деидеологизированных обществ в современном мире просто не существует. Идеология всегда рассматривалась как фактор, способствующий объединению и устойчивому развитию общества. Без идеологии нет смыслов, нет определяющих ценностей, а без них невозможно установить и реализовать жизненно значимую стратегию развития общества. Она является детерминантой человеческой активности, стимулирует и направляет человеческую деятельность на достижение определенных целей. Важно, чтобы эти цели, как и содержание самой идеологии, были наполнены гуманистическим содержанием. На наш взгляд, это возможно, если стержень идеологии государства будут составлять общечеловеческие ценности, патриотизм, социальная справедливость, а человек будет рассматриваться как цель, но не средство.

Духовные ценности и ориентиры, социальные связи в современном мире подвержены хаотическим трансформациям. Идеология определяет варианты развития общества, средства их реализации. Это способ презентации социального организма, его воспроизводства в современном динамично меняющемся мире. Идеологические ориентиры – это преграда и иммунитет от возникающих социальных, политических, духовных угроз глобализирующегося мира.

Заключение. Современная молодежь находится в качественно новом социальном и информационном пространстве. Изменяются не только технологические процессы в сфере экономики, но и весь уклад жизни людей, система ценностных ориентаций, включая такие, которые направлены на реализацию ценностей гуманизма. Важная задача сегодня – формирование у молодежи способности противостоять гуманитарной и идеологической интервенции. Общество не может жить в состоянии «без завтра» и «без вчера».

Литература

1. Рудковский, Э.И. Гуманистические ценности и молодежь в информационном обществе / Э.И. Рудковский // Наука – образованию, производству, экономике: материалы 75-й Регион. науч.-практ. конф. преподавателей, науч. сотрудников, аспирантов, Витебск, 3 марта 2023 г. / Витеб. гос. ун-т; редкол.: Е.Я. Аршанский (гл. ред.) [и др.]. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2023. – С. 179–181. URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/1230> (дата обращения: 23.03.2023)
2. Донских, С.В. Между «Галактикой Интернет» и региональными границами: опыт анализа виртуальных практик современной белорусской молодежи / С.В. Донских // Современная молодежь и общество: сб. науч. ст. – Минск: РИВШ, 2021. – Вып. 9. – С. 4–10.
3. Цветкова, И.В. Симулякры цифрового гуманизма в современном образовании / И.В. Цветкова // Вестн. ВГУ Сер.: Философия. – 2021. – № 2. – С. 88–97.
4. Адольфи, Р. Эпоха глобализации и проблема гуманистических ценностей / Р. Адольфи // Философия и социальные науки. – 2010. – № 1. – С. 51–55.
5. Орлов, И.Б. Социальный гуманизм: теория и общественно-государственная практика / И.Б. Орлов // Россия: путь к социальному государству: материалы Всерос. науч. конф., Москва, 6 июня 2008 г. / Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. – М.: Науч. эксперт, 2008. – С. 61–73.

6. Кугай, А.И. «Цифровое поколение»: угрозы и надежды в эпоху информационно-цифровой цивилизации / А.И. Кугай, В.В. Михайлова // Управл. консультирование. – 2019. – № 7(127). – С. 90–99.
7. Мельник, Г.С. Актуальные проблемы современности и журналистика [Электронный ресурс]: учеб. пособие / Г.С. Мельник, А.Н. Тепляшина. – Москва: ФЛИНТА, 2017. – Режим доступа: https://ozlib.com/888221/zhurnalistika/informatsionnaya_kultura_tsennosti_perspektivy_razvitiya. – Дата доступа: 23.03.2023.
8. Мангейм, К. Идеология и утопия / К. Мангейм // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы; сост., общ. ред. и предисл. В.А. Чаликовой. – М.: Прогресс, 1991. – С. 113–169.
9. Рудковский, Э.И. Трансгрессия политических и социокультурных ценностей в условиях информационного общества / Э.И. Рудковский // Ученые записки УО «ВГУ имени П.М. Машерова»: сб. науч. тр. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2021. – Т. 33. – С. 97–100.
10. Бодрийяр, Ж. Общество потребления. Его мифы и структура / Ж. Бодрийяр; пер. с фр., послесл. и примеч. Е.А. Самарской. – М.: Республика. Культурная революция, 2006. – 269 с.

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Проблемы молодежи невозможно рассматривать, изолируясь от комплекса тех процессов, которые связаны со всепроникающими информационными технологиями.

Изменились механизмы социализации, уменьшилась роль традиционных ее агентов, возрастает значение новых социальных посредников: социальных сетей, неформальных объединений. Особую актуальность приобретает проблема формирования информационной культуры молодежи, которую нельзя трактовать в узкоутилитарном, сугубо технологическом контексте.

Информационную культуру молодежи следует рассматривать в тесной связи с духовной культурой социума. Это важнейшее условие противодействия тотальной дегуманизации современного мира, политике «культуры отмены», которая все активнее навязывается Западом.

Цель статьи – анализ особенностей социализации молодежи в информационном обществе.

Ключевые слова: социализация, информационное общество, информационная культура, ценностная война.

Молодежь является не столько объектом социализации, сколько активным участником, субъектом обновления общества, его инновационным потенциалом, существенным гарантом его развития.

К. Мангейм отмечал, что молодежь выполняет роль оживляющего посредника общественной жизни. Эта роль сопряжена с неполной включенностью в социальный статус общества, а также с определенными возрастными и психологическими характеристиками.

Проблемы молодежи невозможно рассматривать в отрыве от всего комплекса социальных процессов, происходящих внутри страны, так и процессов глобализации современного мира, всепроникающих информационных технологий.

Молодежь – социальная группа, отличающаяся динамизмом, изменчивостью, мобильностью, склонностью к новаторству, решительностью, бескомпромиссностью, максимализмом. Эти черты делают ее сильной и надежной группой населения, с которой связывают будущее [1].

С выделенными автором чертами молодежи можно согласиться. Однако нельзя не отметить, что молодежь может стать надежной социальной группой лишь при определенных условиях. И важнейшей среди них является социализация, которая в современ-

ном обществе имеет свои особенности, что кардинально отличают ее содержание от прошлых исторических эпох и даже десятилетий. Современный мир вступает в новую историческую эпоху масштабных, глобальных преобразований. Все большую роль играет экономическая глобализация, информационные процессы, диалог культур, взаимозависимость стран и народов во всех сферах жизни.

Как известно, во время первичной социализации (детство, отрочество, юность) закладывается «фундамент» человеческой личности. Показателем перехода от первичной ко вторичной социализации является самостоятельная трудовая деятельность, финансовая и социальная независимость. Однако следует учитывать, что в условиях рыночной экономики трудовая деятельность не ведет однозначно к материальному самообеспечению человека. И в этом проявляются одна из особенностей социализации в современных условиях.

Господство потребительской психологии, преклонение перед его «величеством “золотым тельцом”» часто ведут к пренебрежительному отношению к необходимости соблюдения норм морали.

Одна из особенностей социализации молодежи в современных условиях выражается в расширении многообразия социализационных моделей [2]. Изменились механизмы социализации. Уменьшилась роль традиционных ее агентов: семьи, школы, государственных СМИ.

Возрастает значение новых социальных посредников: социальных сетей, неформальных объединений, новых политических организаций. Трансформация социальных институтов ведет к тому, что часто молодые люди не могут выбрать адекватную модель образа жизни. Отсутствие упорядоченной системы в распространении социально ценной информации, порой, поражает негативную, неадекватную реакцию на происходящие общественные процессы.

Нельзя не отметить, что на процессы социализации негативно оказывает трансформация духовных ориентиров, традиционных нравственных ценностей. Исчезли идеологические ориентиры, образовался идейный вакуум. Былая коммунистическая идеология ушла в прошлое, новая пока не сформирована. Во всей остроте встал вопрос: во что верить, к каким берегам плыть?

Кроме того, нельзя не учитывать, что с ростом социальной и территориальной мобильности постепенно утрачивается чувство малой родины, которое тесно связано с чувством любви к Родине «большой», с сознанием и чувством патриотизма. Данная тенденция тесно связана с процессом урбанизации.

Очевидно, что в современном социуме динамика изменения структуры и содержания общественных отношений опережает процесс становления личности в рамках привычных (и не только) моделей социализации. Отсюда возникает «духовная ломка» молодого человека, отказ от привычных моделей поведения.

Вместе с тем вряд ли можно согласиться с категорическим утверждением: «Изменился характер воспроизводства молодежью родительского поколения. Молодые люди оказались в условиях, когда для успешной адаптации к современной социальной среде необходимо не столько усвоение, сколько отрицание опыта старших». Безусловно, копировать полностью опыт старшего поколения не следует. В противном случае вообще нельзя вести речь о каком-либо развитии. Однако и отрицание всего и вся, что мы и наблюдаем в странах Запада, – это исторический тупик, когда рвется живая ткань общества, распадается связь времен.

Нельзя не учитывать тот факт, что в современном мире идет ценностная война. Страны коллективного Запада пытаются навязать миру либеральный миропорядок. При этом пользуется авторитарными методами. В первые годы создания интернета главным его достоинством в глазах пользователя была свобода в самом широком ее понимании,

отсутствие контроля со стороны государства. Но сегодня социальные сети демонстрируют не только свои «плюсы», но и «минусы», свою неприглядную сторону. Вместо анархии возникла цифровая диктатура, тотальный контроль со стороны IT-компаний над своими пользователями и тотальное отрицание всего того, что не укладывается в рамки неолиберальной модели общества.

Парадокс заключается в том, что, борясь с «драконами» (однополыми браками, христианскими ценностями), сами в драконов и превращаются. Восточнославянская цивилизация для них становится идеологической угрозой. Стержень идеологии данной цивилизации – это бережное отношение к исторической памяти, традиционным ценностям.

Возникает вопрос: почему, к примеру, США негативно относится к традиционным ценностям? Одна из причин этого в том, что для них многовековая история многих стран – это нечто застывшее и довольно абстрактное. Они признают только свою короткую историю, историю короткого, двухсотлетнего отрезка. Отсюда и ревизия института семьи, религии. Важно при этом помнить, что они свою историю не удлиняют, а мы свою не сократим. Историческая память для нас священна.

Все это надо учитывать в процессе социализации молодежи, которая живет в качественно новом социальном и информационном пространстве, в условиях цифровизации жизнедеятельности. Речь в данном случае идет о киберсоциализации, являющейся составной частью социализации в целом, о которой речь шла ранее.

Для характеристики данного процесса используются и другие понятия: киберсоциализация, цифровая социализация, информационная социализация. Часто киберсоциализацию трактуют как совокупность процессов, связанных с восприятием культуры электронной коммуникации, приобщением к ценностям и нормам общения в киберпространстве.

Компьютерная среда диктует новые правила и способы коммуникации. Р. Айсина и А. Нестерова справедливо отмечают, что процессы киберсоциализации и традиционной социализации могут быть как взаимодополняющими, так и не согласующимися друг с другом: существует вероятность, что человек окажется специализированным в киберпространстве: будет успешно общаться в социальных сетях на форумах, понимая и разделяя нормативы электронной коммуникации, ценности тех или иных сетевых обществ, но при этом ему будут присущи дезадаптивные паттерны за пределами интернет-среды, в реальной действительности [4].

В век информационных технологий социальная активность молодежи все больше перемещается в виртуальную реальность, что сопровождается трансформацией интересов и ценностных ориентаций. Виртуальная коммуникация через социальные сети создает предпосылки для личностной и профессиональной самореализации молодого человека.

Распространение Интернета, социальных сетей привело не только к трансформации приоритетов в оценке жизненных ценностей, но и к тому, что на второй план перемещаются, как уже отмечалось, такие агенты социализации, как школа, университет, семья, традиционные СМИ (радио, печать, телевидение). Современное поколение можно назвать «цифророжденным».

В Древней Греции пифагорейцы предложили цифровую модель мира, в основе которой лежит число. Современное поколение воспринимает цифровизацию общественной жизни как естественный процесс. Он ведет к экономии времени, изменению правил, облегчающие жизнь, увеличивающие маневренность, скорость принятия решений и т.д. Говорят, что современный «Smart-человек» обладает такими качествами, как энергичный, быстрый, умный, модный. Однако следует помнить: технологии создаются не для того, чтобы заменить человека, а помочь ему.

Новые информационные технологии, социальные сети конструируют мир, который не совпадает с устоявшимися жизненными представлениями.

Важно учитывать, что интернет виртуализирует общение, «затягивает» индивида в мир виртуальной реальности, где в условиях анонимности можно быть свободным от норм и ограничений реального мира [5]. ИКТ формируют новые негативные социальные практики: киберзапугивание, троллинг и др. Интернет-зависимость чревата полным разрывом социальных связей, а виртуальный мир не даст четких жизненных ориентиров.

В рамках одного поколения был разрушен привычный медиапорядок, который имеет многовековую историю и в центре его находилось письмо и чтение. Произошел уход от письменной культуры. Девальвировалось содержание понятия «истинные знания» в условиях отсутствия его верификации в социальных сетях.

Постепенно разрешаются традиционные модели интерпретации событий, которые формировались национальными культурами, усилилась манипуляция сознанием пользователей. Интернет насыщен бесполезной и низкокачественной информацией. Фейковые новости могут быть полезны лишь в том отношении, что по их неадекватности можно судить, в какой степени умственной и нравственной убогости находятся иные создатели того или иного контента. Вот почему любому благоразумному человеку приходится рассчитывать на более надежные источники, а также на собственные знания и способность к политическому и критическому мышлению.

В силу указанных обстоятельств, особую актуальность приобретает проблема формирования информационной культуры молодежи, которая характеризует уровень киберсоциализации. Последняя порой определяется степенью овладения пользователем системы правил норм, знаний и навыков, позволяющих успешно функционировать в киберпространстве [4, с. 49]. На наш взгляд, акцент в самом определении сделан на «технологическом» аспекте явления. Но можно ли им ограничиться?

С целью изучения уровня информационной культуры студенческой молодежи нами был проведен социологический опрос. Результаты исследования показали, что основным источником новостей для молодежи являются социальные сети (93%) и мессенджеры (67,1%). Меньше трети опрошенных (30,4%) смотрят телевизионные передачи, еще меньше слушает радио (3,5%) и используют для этих целей газеты (4,7%). Таким образом, традиционные СМИ перестают быть главным источником информации. Вместе с тем следует отметить, что 2/3 опрошенных не доверяет безоговорочно любой информации, появляющейся в социальных сетях, пытаются найти один заслуживающий доверия источник.

Показательно отношение молодежи к трансформации духовных ценностей в информационном обществе. 17,5% опрошенных полагают, что происходит девальвация духовных ценностей, 48,4% с этим согласны лишь частично. Противоположных позиций придерживаются 34,8% респондентов: по их мнению, в новое время появляются и новые ценности (26,2%), а некоторые из этих ценностей трансформируются в лучшую сторону (8%). Определенная корреляция данных показателей существует с теми показателями, которые характеризуют оценку опрошенных современного поколения. 28,9% респондентов полагают, что современная молодежь под влиянием интернета превращается в легко манипулируемую массу; 49,6% участников опроса считает, что современное поколение является просто другим; 13% указали на положительное влияние информационных технологий на формирование креативных, знающих специалистов. 2/3 респондентов в той или иной мере беспокоит проблема формирования у молодежи клипового мышления. В то же время треть из них видят в клиповом мышлении средство приспособления к нарастающему потоку информации. В этой связи следует отметить, что подлинная информационная куль-

тура не имеет ничего общего с клип-культурой. Клип-культура влечет за собой и клиповые сознания, в котором нет места креативности, отражению окружающего мира во всем его богатстве и многообразии.

Можно выделить следующие новые формы социокультурной деятельности молодежи: зарождаются новые стихи и модели активности, тесно связанные с виртуальными коммуникациями (чаты, блоги, рассылки и т.п.). Однако очень часто молодые люди являются лишь потребителями контента, а не его создателями, начинают смотреть на жизнь как в компьютер. Появляется иллюзия, что ее можно переделать как угодно.

Информационную культуру нельзя трактовать в узкоутилитарном, технологическом контексте лишь как процесс эффективной информационной деятельности по получению, хранению, переработке и передаче информации, так как возникает опасность формирования своеобразного технократа. В данном случае применительно к информационному обществу. Речь идет о том, что информационный контекст необходимо дополнить ценностями нравственными и гражданскими. Возникает потребность в разработке эффективных механизмов защиты от манипулятивного воздействия, средств верификации распространяемой информации. Работа зарубежных IT-компаний должна быть «приземлена», т.е. осуществляться в соответствии с законами страны и контролироваться государством.

Заключение. Информационную культуру молодежи следует рассматривать в тесной связи с духовной культурой социума в целом, мировоззренческими позициями его членов. Только в этом случае можно противостоять тотальной дегуманизации современного мира, влиянию деструктивной субкультуры. Люди по всему миру живут не для того, чтобы обгонять и учить другие страны и общества, а для того, чтобы существовать в гармонии со своими традициями, ценностями и идеалами.

Литература

1. Магауова, А.С. Социализация молодежи и современные молодежные субкультуры: учебное пособие / А.С. Магауова. – Алматы: Козак университет, 2018. – 160 с.
2. Панкратова, Л.Э. Особенности социализации современной Российской молодежи [Электронный ресурс] / Л.Э. Панкратова. – Режим доступа: <https://docviewer.yandex.by/view/196503693>. – Дата доступа: 04.05.2022.
3. Социология [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://studfile.net/bguir/145/folder:8429/#3712143>. – Дата доступа: 27.01.2022.
4. Айсина, Р.М. Киберсоциализация молодежи в информационно-коммуникативном пространстве современного мира: эффекты и риска / Р.М. Айсина, А.А. Нестерова // Социальная психология и общество. – 2019. – Т. 10, № 4. – С. 42–57.
5. Козырева, Л.Д. Трансформация социальных связей молодежи в информационном обществе / Л.Д. Козырева, С.А. Зверькова // Социодинамика. – 2017. – № 4. – С. 94–104.

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ

Статья посвящена возрастанию роли социально-гуманитарного знания в формировании духовной культуры в условиях информационного общества. Дан анализ причин, обуславливающих необходимость гуманизации содержания социально-гуманитарных дисциплин, преподаваемых в учреждениях высшего образования. Значительное внимание уделено совершенствованию их преподавания. В этой связи использованы данные репрезентативного социологического исследования проблемы среди студенческой молодежи.

Цель – изучение роли социально-гуманитарного знания как фактора формирования духовной культуры в условиях информационного общества. В работе сделан

акцент на повышении информационной культуры современного специалиста, раскрываются ее ключевые характеристики.

Ключевые слова: *информационное общество, социально-гуманитарное знание, мировоззрение, гуманизация, информационная культура.*

Молодежь – носитель интеллектуального потенциала и творческой энергии, новых инициатив и форм жизнедеятельности. Современную молодежь порой называют «цифророжденной», говорят о «Smart-человеке», и это не случайно.

Мир вступил в эпоху турбулентности и глобальных рисков. Информационное общество оказывает сильно возрастающее влияние на все сферы жизни человеческого общества: экономические взаимосвязи, политические и социокультурные процессы. Киберпространство превратилось в поле боя, идет информационная война, которая проходит через сознание каждого человека.

В свое время Э. Тоффлер полагал, что информационные технологии предохранят от «мозаичной блиц-культуры». Компьютеризация обеспечит хранение, поиск, обработку накопленной информации. Как следствие этого, ускорится интеллектуальный прогресс, общество «стремительно поумнеет». Так ли это? Становится ли общество автоматически более нравственным, гуманным?

Информационные технологии создают предпосылки тотального наблюдения, а также порой изолированного управления частной жизнью людей с использованием психотехнических средств программирования сознания. Существует угроза, что человек может превратиться в цифровую инсталляцию, цифровой дубликат. Информация все больше становится средством и ресурсом власти. Обмен информацией не имеет ни временных, ни пространственных, ни политических границ. Информационные технологии ведут к взаимообогащению культур.

Однако нельзя не видеть и негативных последствий. В политической сфере новые технологии подрывают национальный суверенитет и размывают традиционные границы. В духовной сфере они таят угрозу национальной культуре, духовному коду нации, ее самобытности, включая языковую самобытность.

Культурный генофонд человечества в целом оказывается под угрозой, поскольку он состоит из национальных культур многих народов. Сохранение базисных ценностей духовной культуры – важнейшее условие безопасности социума, его идентичности.

Место социально-гуманитарного знания в информационном обществе. Как правило, основанные атрибутивные характеристики информационного общества связывают с экономическими процессами, технологиями управления, работой средств массовой информации. Социально-гуманитарное знание при этом преимущественно остается за скобками научных исследований и общественной практики. Однако следует учитывать, что стабильность общества может поддерживаться различными средствами: экономическими, политическими, силовыми. Важнейшим из них является устойчивость духовных ориентиров, наличие нравственного стержня. Долговременное устойчивое развитие общества – это, прежде всего, внутреннее состояние его членов. Решению такой сложной задачи способствуют не в последнюю очередь социально-гуманитарные знания.

Необходимо учитывать и следующий аспект исследуемой проблемы. Сейчас в нашей стране идет формирование национального самосознания, отрицающего космополитическое, либеральное, потребительское, антитрадиционалистское, постгуманистическое учение. Наша национальная идеология будет сильна благодаря приобщению молодого поколения к подлинным, непреходящим ценностям, которые транслирует весь комплекс социально-гуманитарных дисциплин.

Отмечая роль СГД, важно учитывать, что продуктивность деятельности специалиста определяется не только его профессиональной компетенцией, но и личностными качествами, ценностными ориентирами, которые в значительной мере формируются социально-гуманитарными знаниями. Оно должно постоянно обновляться, показывая свою креативность, новизну, актуальность и пользу для социума.

Сегодня, к примеру, как никогда становятся актуальными проблемы философского осмысления отношения между людьми в цифровом мире, когнитивных феноменов свободы и ответственности личности, гибридных войн и т.д.

Современный специалист должен обладать качествами духовно богатого человека, иметь культуру мышления, диалектическое, гибкое, многогранное мировоззрение, уметь проводить экспертизу социальных проектов, проследить, анализировать связь между компонентами прошлого и настоящего, сферами общественного организма – все это формирует социально-гуманитарные науки [1].

Социально-гуманитарные дисциплины глазами студентов. Выявлению роли социально-гуманитарных дисциплин в формировании духовного мира личности, ее мировоззрения было посвящено наше социологическое исследование. Результаты исследования выявили в целом достаточно благополучное состояние духовного здоровья студенческой молодежи. Так, например, среди жизненных ценностей студенты выделяют в качестве важнейших здоровье (61,0%), интересную работу (50,3%), свободное время и интересный досуг (54,8%), наличие друзей (44,2%). Полученные эмпирические данные вполне объяснимы, если говорить о специфике молодежи как социальной группы. В то же время нельзя не учитывать, что сознание молодежи в известной мере амбивалентно.

Среди жизненных ценностей респонденты первое место отдали деньгам, материальному достатку (62,3%). Указанный показатель коррелирует с другими. Только 22,4% опрошенных намерены работать по полученной специальности, а 26,2% будут искать место, где хорошо платят, 19,3% мечтают иметь собственное дело, а 11,4% постараются уехать за границу. Вера в Бога является приоритетной лишь для 5,5% анкетированных. Полагаем, что такие данные о жизненном выборе молодых людей во многом обусловлены значительным влиянием потребительской психологии, распространяемой после распада СССР различными, главным образом зарубежными, информационными каналами.

Социологический опрос студенческой молодежи помог выявить роль системы образования вообще и ВГУ имени П.М. Машерова в частности. Подавляющее большинство (96,3%) полагает, что система высшего образования должна подстраиваться под стремительно меняющееся современное общество. При этом среди наиболее важных изменений в системе образования Республики Беларусь 67,9% участников опроса выделяют сокращение срока обучения по большинству специальностей. В данном случае это констатация самого факта произошедших изменений со стороны студентов.

Большинство респондентов (68,3%) считает, что современное высшее образование предоставляет достаточно условий для самореализации личности, хотя следует учитывать, что практически каждый третий с этим не согласен. Последняя позиция коррелируется с мнением о том, насколько эффективно система образования справляется с задачей по формированию 4К-компетенций (критическое мышление, креативность, кооперация, коммуникативные навыки): 49% убеждены в ее эффективности. Противоположное мнение представлено 33,4% анкетированных. Подчеркнем, что для 88,1% из них не подлежит сомнению необходимость формирования в период обучения универсальных компетенций.

Важную роль в формировании духовного мира личности, ее мировоззрения играют, как известно, социально-гуманитарные дисциплины. Показательно отношение

молодежи к их месту и роли: 31,1% опрошенных полагают, что социально-гуманитарное знание формирует умение критически мыслить; 56,7% согласны с тем, что оно позволяет формировать так называемые мягкие навыки (умение выступать, договариваться, аргументировать свою позицию); 59,4% убеждены в том, что данные знания способствуют развитию общей культуры и эрудиции. 61,4% принявших участие в опросе указали на актуальность изучения дисциплин, которые связаны с формированием этикетного поведения и культуры делового общения.

Нельзя не отметить в этой связи противоречивость сознания студентов, их позиций относительно роли социально-гуманитарных дисциплин. Речь идет о том, что 35,5% опрошенных предлагают уменьшить количество часов, отводимых на изучение предметов социально-гуманитарного цикла, а 17,9% убеждены, что их следует полностью убрать, оставив только специальные дисциплины. В данном случае налицо так называемый технократический подход к оценке роли гуманитарного образования.

Можно было бы предположить, что респонденты связывают с социально-гуманитарными дисциплинами процесс гуманизации системы образования в целом. Однако результаты исследования другие: большинство анкетированных считает данные дисциплины фактором гуманизации высокой значимости, но не наиболее существенным. Следует отметить, что в ходе анализа данных социологического исследования была предпринята попытка выявить отношение студентов к процессу гуманизации образования. Подавляющее большинство респондентов (88,6%) ощущает необходимость гуманизации образования; в то же время 60% из них затруднились ответить на вопрос, в чем заключается сущность этого процесса. Инструментарий исследования был разработан таким образом, чтобы определить их отношение к тем или иным факторам гуманизации высшего образования. Студенты связывают процесс гуманизации образования в УВО прежде всего с внедрением в образовательный процесс новых современных технологий обучения, телекоммуникационных сетей глобального масштаба (1-е ранговое место); возможностью и доступностью перемещения студентов в разные страны с целью продолжения своего образования (2-е ранговое место); повышением внимания преподавателей к личности студента и его индивидуальным особенностям (3-е ранговое место). Важными, по мнению респондентов, оказались такие факторы, как уменьшение учебной нагрузки и комбинированный характер организации учебного процесса (онлайн + офлайн).

В данном случае нельзя не видеть определенного узкопрофессионального подхода студентов к решению обсуждаемой проблемы. Значимые, на их взгляд, факторы имеют к проблеме гуманизации учебного процесса косвенное отношение. А такие позиции, как адаптация курсов лекций и практических занятий к личности студента, увеличение доли и роли общественных дисциплин в образовательном процессе, не получили высоких оценок со стороны студентов.

Между тем важно, чтобы профессиональные знания не вытесняли общечеловеческие ценности, умение ориентироваться в хитросплетениях современных общественных процессов, которые намного сложнее процессов технологических.

Специалист – это человек, обладающий широким мировоззренческим горизонтом. В свое время М. Шелер обращал внимание на то, что «образование – это не “учебная подготовка к чему-то”, к профессии, специальности, ко всякого рода производительности, и уже тем более образование существует не ради такой учебной подготовки» [2, с. 31].

Гуманизация содержания социально-гуманитарных дисциплин. На место и роль социально-гуманитарных дисциплин влияет поляризация двух культур: естественнонаучной и гуманитарной. Чего греха таить: у значительной части молодежи

устоялся прагматический, узкоутилитарный взгляд на их роль, укоренилось технократическое мышление. Будущие инженеры и математики часто не представляют, зачем им понадобятся в будущей профессии знания исторических событий и философских теорий. В этом в большой мере повинны сами гуманитарии, которые порой не могут заинтересовать и убедить студенческую аудиторию. Последнее зависит прежде от двух факторов:

- а) содержания курсов социально-гуманитарных дисциплин;
- б) методики их преподавания.

Преподавание СГД должно стать духовно-практическим. Речь идет о том, что наряду с теоретико-методологическими проблемами все большее место необходимо, на наш взгляд, отводить экзистенциально-нравственным проблемам, вопросам смысла жизни, соотношения вечных духовных констант и конкретно-исторического места человека, его коэволюции с миром искусственного интеллекта.

В.А. Кутырев справедливо указывает на принципиальное мировоззренческое положение, что «не все логически и теоретически, технически возможное следует осуществлять, что знание должно преломляться через призму жизненных целей людей, быть соотношенным с миром человека, его ценностями, постоянно направляться гуманизмом» [3, с. 128].

Необходимо учитывать, что сущность человека, его природа не делятся на разум без остатка. Немалую роль играет, как известно, эмоционально-чувственная сторона его сущего. В этой связи нельзя не отметить, что в социально-гуманитарном знании наметился определенный кризис. Моральные нормы, духовные ценности начали уступать место порой голому рационализму, прагматическим целям. Однако время диктует другой императив: главное сегодня – это борьба за человека, его мысли, душу, сердце.

Важно, чтобы в структуре социально-гуманитарных знаний были представлены в органическом единстве информационный и ценностный компоненты. В силу этого они воздействуют на все стороны человеческого сознания: абстрактно-дискурсивную, эмоциональную и интуитивно-волевую, что создает предпосылки для целостного формирования личности, гуманизации ее базовых духовных ценностей.

Чтобы мы не стали «свидетелями процесса разрушения классических нравственных императивов, подрастающее поколение нужно учить нравственности так же, как мы учим всему остальному – самообслуживанию, наукам, музыке и т.д.» [4, с. 137].

Нравственные императивы должны стать органичным компонентом информационной культуры, значимость которой неуклонно возрастает в современных реалиях. Порой информационная культура человека сводится лишь к ее технологическим, знаниевым аспектам. К примеру, по мнению О.Л. Чурашевой, информационная культура характеризуется «умением адекватно выражать свою потребность в конкретных данных; умением эффективно осуществлять поиск необходимой информации; способностью перерабатывать полученную информацию, адекватно оценивать ее и создавать новую, умением вести индивидуальную поисковую информационную систему; умением выбирать необходимые данные; обладанием компьютерной грамотностью и способностью к информационному обучению» [5].

В условиях, когда информация перестает быть ценностно нейтральной, когда ведется развязанная Западом информационная война, чрезвычайно актуальны духовно-нравственные составляющие информационной культуры в широком смысле ее понимания. Речь идет о том, чтобы пользователи социальных сетей осознавали, что от их действий зависит безопасность информационного пространства, его наполнение контентом, направленным на духовное развитие личности [6, с. 67].

Не последнюю роль в формировании информационной культуры призваны сыграть как раз социально-гуманитарные дисциплины, которые преподаются в учреждениях высшего образования. Важно при этом учитывать, чтобы в учебных планах факультетов был представлен максимально возможный спектр таких дисциплин, формирующих гражданскую, политическую, нравственную культуру будущего специалиста.

Заключение. Клод Леви-Стросс отмечал: XXI век будет веком гуманитарных наук или его не будет вовсе. Их роль чрезвычайно возрастает в условиях трансгрессии традиционных духовных ценностей, нарастания технологических рисков. Каждое государство хочет самостоятельно избрать свой путь развития. В его основе культура и традиции, укорененные в историческом опыте, как в давнем, так и современном, в ценностях народа. Государство, которое не уделяет внимание мировоззренческому, смысловому суверенитету, окажется заложником чуждых смыслов и ценностей. В нашей стране отдают в этом отчет, так как в политике государства сложилось ценностное измерение. Мы отличаем подлинные духовные ценности от ценностей расчеловечивания. Эту работу необходимо продолжить, весьма важную роль в ней призваны сыграть социально-гуманитарные дисциплины.

Литература

1. Цвык, В.А. Роль социально-гуманитарных наук в формировании профессионала / В.А. Цвык // Вестник РУДН. Сер.: Социология. – 2007. – № 1. – С. 34–43.
2. Шелер, М. Избранные произведения: пер. с нем. / М. Шелер; пер. А.В. Денежкина, А.Н. Малинкина, А.Ф. Филлипова. – М.: Гнозис, 1994. – 490 с.
3. Кутырев, В.А. Естественное и искусственное: борьба миров / В.А. Кутырев. – Нижний Новгород, 1994. – 200 с.
4. Кривоносова, Е.Э. Духовно-нравственные ценности студенческой молодежи / Е.Э. Кривоносова // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова». – 2015. – Т. 20. – С. 131–138.
5. Чурашева, О.Л. Информационная культура и информационная безопасность личности / О.Л. Чурашева. – Краснодар: Издательский дом «Хорс», 2014. – С. 188–190.
6. Давлятова, Е.В. Информационная культура молодежи / Е.В. Давлятова, Е.О. Далимаева, Э.И. Рудковский // Искусство и культура. – 2022. – № 1. – С. 62–68.

II. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

ПРИГРАНИЧЬЕ: ОБРАЗ СТРАНЫ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

Статья посвящена актуальным социокультурным аспектам приграничного сотрудничества России и Беларуси. Дан анализ содержания категорий «приграничье», «образ страны», «имидж страны». Рассматривается роль образа страны в приграничных связях. На основе проведенного социологического исследования выявлено отношение молодежи к проблемам сотрудничества двух стран-соседей, оценка респондентами типичных характеристик белорусского и российского этносов. Подчеркивается место и значение духовных ценностей, идеологических факторов, роль патриотизма в углублении интеграционных процессов, укреплении Союзного государства. Сделан вывод, что идеология формулирует ориентиры того, как обустроить наш общий дом. Идеологические ценности являются той «смазкой», которая повышает эффективность функционирования всех звеньев общественного организма, включая экономические процессы. Только единое духовное пространство, идеологическое векторное поле позволит наполнить интеграционные процессы весомым содержанием, преодолеть текущий, сиюминутный эгоизм и способствовать эффективному союзному строительству.

Цель статьи – анализ социокультурных аспектов приграничного сотрудничества.

***Ключевые слова:** приграничье, образ страны, имидж страны, идеология, социокультурное сотрудничество.*

Ведущую роль в приграничном сотрудничестве играет в современных условиях, как известно, экономическое сотрудничество. Это базовый уровень сотрудничества, что находит свое отражение в самом названии таких форм интеграции, как Таможенный союз, Единое экономическое пространство. Вместе с тем эффективность экономических связей во многом зависит и от так называемых надстроечных процессов. Речь идет о различных формах социокультурного сотрудничества: контактах людей, сотрудничестве в области культуры, образования, науки и т. д.

Место пограничья в интеграционных процессах. Само понятие «приграничье» сегодня нуждается в уточнении. Если учесть, что Республика Беларусь, белорусский этнос находятся на стыке цивилизаций, то наша страна в известном смысле является Приграничьем, а ее приграничные регионы можно назвать субприграничными. Полагаем, что такой подход не лишен оснований: белорусский этнос впитал в себя черты культур своих соседей. Это проявляется в укладе жизни, языке, религии, конфессиональной ситуации. Такой позиции придерживается ряд белорусских исследователей. К примеру, И. Абдирилович отмечает, что белорусам присуще колебание между Востоком и Западом. Неприверженность ни первому, ни второму. В ментальности белорусского народа важную роль играют черты промежуточности, перехода, сомнения, распутья, «роста-ней», выбора, стремление к середине [1, с. 9]. Освещая данную проблему, И. Бусько приходит к выводу: «Транзитный, промежуточный характер белорусской культуры обусловил сложность органичной социокультурной динамики общества, элита которого, постоянно вовлекаясь в политические коллизии, сменяла свою социокультурную ориентацию в зависимости от конъюнктуры и ближайших перспектив» [2, с. 342].

Решение проблем Приграничья предполагает учет целого ряда противоречий, возникших в недавнем прошлом. Среди них следует выделить противоречия между глобализацией экономики и протекционистской деятельностью государств; культурной унификацией в рамках глобализации и национальной (региональной) культурной идентичностью; международной региональной интеграцией стран и суверенитетом; политическими центрами, стремящимися укоренить или сохранить властную вертикаль и подчиненные им территории, геополитические расширения своих прав и полномочий в сфере международной деятельности.

Роль приграничных регионов объективно повышается. Нельзя все процессы в обществе регулировать из центров власти. Регионы не должны стать заложниками всякого рода войн: «молочных», «сахарных» и т.п. При этом следует отметить, что Приграничье в прошлом находилось на периферии своих стран имело более низкие темпы развития по сравнению с центральными областями.

Приграничные связи пока не рассматриваются как особый вид международных экономических и социокультурных связей и отношений, имеющих свою специфику целей, интересов и методов управления.

В интеграции стран (России и Беларуси), в строительстве Союзного государства основной упор сделан на межгосударственный уровень, а региональное и местное звено не рассматривается как равноценное. Вот почему возникает необходимость установления таких связей на региональном уровне, которые существенно упростили процесс приграничного сотрудничества, сделали его более эффективным. Следует также учесть, что в приграничном сотрудничестве пока, как уже отмечалось, доминируют экономические связи. Вместе с тем нельзя уменьшать роль гуманитарного сотрудничества, без которого немислимо всякое иное развитие.

Важнейшая задача двух стран-соседей – дальнейшее укрепление добрососедства, дружбы и взаимопонимания посредством углубления культурных связей, развития сотрудничества в гуманитарной сфере (вопросы досуга, образования; проведение дней культуры, фестивалей и т.д.). При этом должны быть созданы объективные предпосылки, которые препятствовали бы росту отчужденности между народами, различных проявлений национализма. Безусловно, решение данной задачи в огромной мере зависит от средств массовой информации, которые должны работать на идеологическое обеспечение интеграции двух братских народов. Более того, необходима институционализация социокультурного сотрудничества приграничных регионов, создание соответствующих государственных структур, общественных объединений, разработка комплексных программ, которые координировали бы данный важный сегмент жизни населения двух стран.

Нельзя не учитывать и то обстоятельство, что в сознании широких слоев населения пока отсутствуют четкие представления о сути региональной политики и места в ней приграничного и трансграничного сотрудничества. В этой связи, большое значение имеет информационное взаимодействие регионов и людей, которое является многоаспектным и стремится к преодолению каких бы то ни было границ. Однако информационное взаимодействие часто сопряжено с наличием видимых и невидимых барьеров. Один из них – различный характер идеологических принципов, ценностей, социальных и политических ориентиров, культивируемых в странах. Известен тот факт, что население республики Беларусь в большей мере информировано о событиях в России, нежели россияне о реальных процессах, происходящих в нашей стране.

К примеру, доступ белорусского телевидения на российскую территорию по разным причинам ограничен. Прежде всего, в Приграничье происходит апробация путей разрешения возникающих проблем и противоречий в названной сфере.

Для жителей Приграничья часто вовсе не абстрактными являются вопросы: как жить?, кто мы?, откуда мы?, куда идем?, актуализируется проблема сохранения исторической памяти. Сохранить ее – значит сохранить свою культуру, традиции, обычаи, которые являются достоянием всего человечества. Преемственность исторической памяти – залог самобытности этноса в контексте процессов глобализации. Последняя наиболее реально обнаруживает себя в формировании крупных региональных самостоятельных центров развития и силы. Поэтому такие страны, как Беларусь, могут сохранить свой суверенитет, найти свою нишу и место в мире только в союзе с другими близкородственными в культурно-цивилизационном отношении восточнославянскими народами.

В современных условиях ни один этнос, а тем более регион, не может динамично развиваться в условиях автаркии, изоляции от мировых цивилизационных процессов. Решение многочисленных экономических и социокультурных проблем предполагает использование достижений постиндустриального общества у других народов, но не в ущерб национальным духовным ценностям, которые не исчерпали себя в качестве основы развития общества. Социальный транзит неизбежен, и он предъявляет требования к каждому этносу или отдельному региону: создавать новые формы бытия людей на основе базовых этнических ценностей.

Образ страны, национальная самоидентификация и приграничье. Эффективность приграничного сотрудничества в различных сферах общественной жизни зависит от многих факторов: уровня экономического развития регионов и однотипности хозяйственных систем, близости господствующих в массовом сознании ценностных ориентаций и сложившегося образа страны, ее «портрета».

Образ страны – это важнейшая духовная предпосылка налаживания эффективного приграничного сотрудничества в различных сферах общественной жизни. В то же время приграничное сотрудничество формирует образ и имидж стран, является фактором их восприятия у населения сопредельных территорий.

Образ страны нельзя ограничивать лишь географическим содержанием данного понятия [3]. В литературе обычно различают субъективный образ страны – образ, существующий в сознании ее населения, и объективный образ, складывающийся в общественном мнении внешних партнеров данного государства [4–5]. На наш взгляд, более корректно в данном случае вести речь о внутреннем и внешнем образах страны. Это не противоречит сути самих терминов «субъективный» и «объективный». Известно, что субъективный и объективный образы далеко не всегда соответствуют реальному положению дел и объективным показателям развития страны. В то же время позиционирование по отношению к «иному» и соотнесение себя с другими национально-государственными общностями всегда было и остается одной из основ утверждения собственной национальной идентичности [4].

Отдельные исследователи обоснованно различают образ и имидж страны. Образ – это целостная система взглядов, представлений, мнений населения о стране, ее восприятие различными акторами коммуникации как изнутри, так и извне [4]. Имидж – понятие более узкое, оно носит инструментальный характер. «В практике рекламы и публичных рилейшнз под имиджем понимают именно целенаправленно создаваемый (на основе исследования потребностей и “идеалов” целевых аудиторий) образ. Образ инструментальный, предназначенный для трансляции с целью совершенствования представлений аудитории в интересах субъекта» [5]. Вследствие этого формируемый имидж часто не может не носить предвзятого характера. Имидж формируется с учетом ожиданий реакции адресных групп. Вместе с тем нельзя, на наш взгляд, согласиться с мнением, что характеристики образа «соответствуют основным показателям объективной реальности» [5]. Если речь идет о внутреннем образе страны, то чаще всего они соответствуют (хотя и не всегда). К примеру, националистические предрассудки, которые могут иметь значительное

распространение в той или иной стране в конкретной исторической ситуации). Когда речь идет о внешнем образе страны, то следует учитывать, что он включает стереотипы, предрассудки, которые стихийно складываются, формируются СМИ и не всегда соответствуют всему многообразию жизни той или иной страны. К примеру, стандартный набор представлений о Беларуси бытует и сегодня (бульба, драники, болота).

На наш взгляд, наиболее значимыми показателями внутреннего образа Беларуси, который тесно связан с самоидентификацией населения, являются:

- гражданство;
- общие представления о национальном характере;
- связь с культурой предков, традициями, обычаями;
- конфессиональная принадлежность;
- историческое прошлое, единство исторических судеб с русским народом.

В то же время язык, высшие достижения художественной культуры не стали, как показали наши исследования, элементами позитивной национальной самоидентификации. Обратимся к данным проведенных нами социологических исследований среди студенческой молодежи города Витебска. В ходе исследования были выявлены представления молодых людей о наиболее значимых чертах белорусов (субъективный образ) и россиян. Большинство респондентов к таким чертам белорусов относят гостеприимство (63,9%); толерантность, уважительное отношение к представителям других наций (44,5%); доброжелательность (43,1%); трудолюбие (43,1%); веротерпимость (28,9%); законопослушность (28,9%). По мнению опрошенных, наиболее значимыми качествами россиян являются деловитость и предприимчивость (43,2%); общественная активность (38,7%); свободолюбие (46,8%). К общим, объединяющим, равноценным качествам белорусов и россиян респонденты относят патриотизм, взаимовыручку, умение приспособиться к изменившимся обстоятельствам. Оценки данных качеств очень близки. Белорусы и россияне – люди, умеющие терпеть, имеющие талант к выживанию в любых условиях – история и география научили, они легко мимикрируют и приспосабливаются к правилам местной игры.

Важнейшими объективными факторами, объединяющими белорусов и россиян, опрошенные считают историю, общие испытания и победы (1-е ранговое место); общее происхождение (2-е ранговое место); культуру, язык (3-е ранговое место). Вместе с тем, только каждый девятый респондент (11,41%) принимает тот путь общественных преобразований, который избрала Россия, каждый шестой опрошенный не согласен с социальным расслоением в соседней стране (17,0%).

Приграничное сотрудничество и духовное пространство. В ходе строительства Союзного государства, налаживания взаимовыгодного приграничного сотрудничества следует, на наш взгляд, учитывать следующую важнейшую проблему. Речь идет об общности идеологических ценностей двух стран. Уповать только на экономические интересы, получаемую хозяйственную выгоду не стоит, нельзя находиться в плену экономического и технологического детерминизма. Речь идет о единстве духовных ценностей и, если хотите, идеологических ориентиров, о проекте будущего двух стран. Без этого неизбежны всякого рода «войны» (сахарные, молочные и т.п.). Следует признать, что идеология является сегодня слабым звеном интеграции Республики Беларусь и Российской Федерации. Существуют достаточно существенные различия моделей развития двух стран-соседей. Нельзя игнорировать тот факт, что экономика, политика и идеология диалектически взаимосвязаны. Именно идеология формулирует ориентиры того, как обустроить наш общий дом, включая и экономику. Идеологические ценности являются той «смазкой», которая повышает эффективность функционирования всех звеньев хозяйственного механизма и экономической интеграции. Вот почему вопросы идеологического обеспечения евразийской интеграции в целом и приграничного сотрудничества,

в частности, весьма актуальны и требуют обоснованного ответа. Только единое идеологическое векторное поле позволит наполнить интеграционные процессы единым содержанием, преодолеть сиюминутный экономический эгоизм по обе стороны границы.

Нередко в качестве духовной основы единения братских народов рассматривается православие, которое определило культурный и цивилизационный облик восточных славян. Подчеркивается, что в рамках православной традиции формируется литературная и языковая культура, появляется общее самосознание, связанное с понятиями «Русь», «русская земля», «русская вера», «русский дух». Это дает повод говорить о восточно-христианской цивилизации, стимулируя тем самым интеграцию коллективного сознания как в пространственно-территориальном отношении, так и в ментальном измерении.

Православие, безусловно, может и должно сыграть важную роль в единении российского и белорусского народов, развитии между ними международного сотрудничества. Важную, но, думается, не решающую. Такая роль принадлежит политико-идеологическим факторам (если речь идет о факторах духовных). Это обусловлено следующими причинами. Во-первых, следует признать падение религиозности населения. Процессы секуляризации различных сторон общественной жизни стали реальностью. Доля активно верующих молодых людей в нашей стране незначительна: лишь 6–8% их соблюдает религиозные обряды и регулярно не реже одного раза в неделю посещает богослужение в церкви. Во-вторых, истории известны многочисленные случаи, когда именно противоположность идеологических и политических ценностей и интересов разделяла целые нации, вела к кровопролитным гражданским войнам. При этом общность религии не препятствовала этому. Достаточно вспомнить гражданские войны в России и Испании. Ведь население этих стран в то время было в основной своей массе православным и католическим соответственно.

Вышеизложенное подтверждается и проведенным нами социологическим исследованием, которое показало, что среди факторов, объединяющих белорусов и россиян, религия уступает общности исторических судеб, языка культуры. И хотя 2/3 респондентов считают себя верующими в Бога, главную роль в приграничном сотрудничестве относительно большинство респондентов отводит факторам экономическим и социально-политическим. Лишь 9,2% опрошенных ответили православию равновеликую роль среди других факторов успешного взаимодействия стран-соседей.

Полагаем, что одной из важнейших идеологических предпосылок единения двух стран и народов является «союзный патриотизм». Данное понятие нуждается в уточнении. До сих пор нет его единого толкования. О союзном государстве в белорусских и особенно в российских учебниках говорится вскользь и очень лаконично. Следует признать, что наши страны не вышли на тот объем духовного и информационного обмена, который необходим и который существовал в СССР. Решение проблемы упирается в отсутствие соответствующей структуры, некоего нового инструмента, который бы координировал бы и поддерживал совместные проекты в гуманитарной и социокультурной сферах. Необходимо создавать такое духовное и юридическое пространство, которое наряду с экономическим и таможенным способствовало бы союзному строительству. Именно формирование общественного сознания является базой для утверждения тех ценностей, которые необходимы народам в их интеграционных устремлениях и выступают духовным скрепом не только любого интеграционного объединения, но и любого государства.

Заключение. Образ страны включает символику, сложившиеся стереотипы и наиболее общие представления об историко-культурных, географических и природных ее условиях. Он не является чем-то застывшим и меняется с изменением исторических эпох. Тот образ Беларуси, который создали Я. Купала, Я. Колас, В. Короткевич и другие сыны «зяблі пад белымі крыламі», не в полной мере применим к нашей стране сегодняшнего дня. Над образом страны необходимо постоянно трудиться, придерживаться

наступательной конкурентоспособной стратегии. Важную роль в формировании образа страны играет народная дипломатия, так называемая «мягкая сила», использование всего потенциала социальных условий, духовной культуры с целью ломки негативных стереотипов, идеологием и формирования позитивного мировосприятия населения, представления о стране в мире, ее достижениях, истории. Сложившийся позитивный образ государства становится в дальнейшем важным элементом всей системы приграничных взаимоотношений.

Литература

1. Абдзіраловіч, І. Адвечным шляхам: Даследзіны беларускага светапогляду / І. Абдзіраловіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – 42 с.
2. Бусько, И.В. Специфика ментальности и исторический путь восточнославянских народов / И.В. Бусько // Современные глобальные трансформации и проблема исторического самоопределения восточнославянских народов / под ред. Ч.С. Кирвеля. – Гродно: Изд-во ГрГУ имени Я. Купалы, 2008.
3. Замятин, Д.И. Образ страны: структура и динамика [Электронный ресурс] / Д.И. Замятин. – Режим доступа: http://pitered.ru/articles/other/obraz_strani.htm. – Дата доступа: 03.04.2013.
4. Семененко, И.С. Образы России: восприятие, осмысление, формирование [Электронный ресурс] / И.С. Семененко. – Режим доступа: http://fictionbook.ru/author/litagent_drofa/istoriya_i_tradicii_narodov_rossii/read_online.html?page=4. – Дата доступа: 03.04.2013.
5. Гринберг, Т.Э. Образ страны или имидж государства: поиск конструктивной модели [Электронный ресурс] / Т.Э. Гринберг. – Режим доступа: <http://pravo33.wordpress.com/2010/02/13/т-э-гринберг-образ-страны-или-имидж-го/>. – Дата доступа: 05.04.2013.

КУЛЬТУРНЫЙ КОД, ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И РЕГИОНАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО

Статья посвящена анализу роли духовных ценностей в развитии регионального сотрудничества. Отмечается, что духовные ценности, идеология являются объединяющими идеалами, без которых стоящие перед народами Беларуси и России проблемы не решить. В этой связи значительное внимание уделено соотношению таких понятий, как регионализм и регионализация, культурный код нации, историческая память. Рассматриваются некоторые подходы к их определению. Внимание уделено влиянию политических факторов на сохранение исторической памяти народов. В то же время отмечается обратное воздействие исторической памяти на политические процессы.

В статье сделан акцент на основные духовные ценности восточного славянства, характеризующие его культурный код.

Цель статьи – анализ роли культурного кода нации и исторической памяти в региональном сотрудничестве.

Ключевые слова: *регионализм, регионализация, культурный код, историческая память, духовные ценности.*

Успехи, эффективность и приоритеты регионального и субрегионального сотрудничества на постсоветском пространстве определяются не только экономическими интересами и ресурсами. Опыт строительства Союзного государства Беларуси и России свидетельствует, что существенным ресурсом являются социокультурные факторы, к числу которых относятся культурный код нации и историческая память.

Региональное сотрудничество не может не испытывать влияния процессов глобализации, которые в последние десятилетия резко вторглись в жизнь человеческого общества, затрагивают все его сферы, изменяют динамику и содержание экономической жизни, направленность и интенсивность межкультурного взаимодействия, духовную жизнь и устои быта людей, привычные формы их жизнедеятельности. В целом данные процессы носят закономерный, объективный характер. Реальностью стал взаимозависимый

мир, многие ранее отсталые регионы планеты получили шанс модернизировать свою экономику, образование, поднять уровень жизни людей, приобщить их к достижениям человеческой цивилизации.

Вместе с тем нельзя не видеть и отрицательных последствий глобализационных процессов. К примеру, культура малых по численности этносов, жизнь которых связана с определенными регионами, часто исчезает в условиях нарастающей интенсификации информационных процессов и связанным с этим распространением массовой культуры, стандартизацией жизни людей.

Проблема соотношения глобализации и регионализации в современных условиях становится все более актуальной. Неоднозначна ее трактовка в литературных источниках. Некоторые авторы полагают, что регионализация – это непосредственное проявление глобализации. Другие, напротив, исходят из того, что регионализация является ответом на глобализацию, попыткой минимизировать ее отрицательные последствия. На наш взгляд, здесь мы имеем дело со своего рода «единством и борьбой противоположностей». С одной стороны, в региональных объединениях стран точно проявляются многие тенденции, особенности и характерные черты современной мегамицилизации. С другой – часто региональные объединения создаются с целью реализации экономических и политических интересов, а также сохранения, защиты своих привычных социокультурных ценностей от зачастую разрушительного воздействия «девятого вала» глобализации.

Регионализацию нельзя сводить лишь к экономическим ее аспектам. Важно учитывать политические и социокультурные процессы. Нельзя не согласиться с тем, что регионализация выступает как «развитие, укрепление экономических, политических и иных связей между областями или государствами, входящими в один регион...», а регионализм – как «подход к рассмотрению и решению экономических, социальных, политических и других проблем под углом зрения интересов и потребностей того или иного региона» [1].

Полагаем, что следует различать регионализацию в широком и узком смысле слова. В широком – это объединение, союз таких субъектов общественной жизни как государства. Примером такой регионализации являются ЕС, АСЕАН, ЕАЭС. В узком смысле слова регионализация – это субрегионализация, сотрудничество регионов отдельных стран в различных сферах общественной жизни. Современная регионализация осуществляется на двух уровнях сотрудничества: межгосударственном и межрегиональном. При этом региональная интеграция наиболее эффективна на субрегиональном уровне. Однако это возможно лишь в том случае, если субрегионы де-юре и де-факто становятся субъектами международного сотрудничества, включая и приграничное сотрудничество. Государство должно лишь создавать благоприятные условия для интеграции микрорегионов. Обычно такие регионы возникают «естественным путем», и такая «естественность» обуславливается сходными географическими, социокультурными условиями, общностью экономических интересов и исторических судеб.

Сотрудничество субрегионов, как уже отмечалось, не может ограничиваться лишь экономической интеграцией. Важную роль играют взаимосвязи в социокультурной сфере и создание необходимых духовных предпосылок всех иных взаимодействий. Уповать только на экономические интересы, получаемую хозяйственную выгоду не стоит, нельзя находиться в плену экономического и технологического детерминизма. Речь идет об опоре на общие духовные ценности, культурное наследие. Нельзя игнорировать тот факт, что экономика, политика и духовная жизнь социума диалектически взаимосвязаны.

Культурный код нации. Народы Беларуси и России интегрированы и ментально, и экономически. Их объединяет историческая память, общность исторических судеб, религия, общеславянские духовные ценности и ценности восточного славянства. Органической частью последних является культурный код нации. Википедия определяет

культурный код как «уникальные культурные особенности, доставшиеся народам от предков; это закодированная в некоей форме информация, позволяющая идентифицировать культуру».

Культурный код определяет набор образов, которые связаны с каким-либо комплексом стереотипов в сознании. Это – культурное бессознательное – не то, что говорится или что осознается, а то, что скрыто от понимания, но проявляется в поступках. Культурный код нации помогает понять ее поведенческие реакции, определяет народную психологию» [2].

Американский психоаналитик К. Рапай отмечает, что культурный код определяет набор образов, которые связаны с каким-либо понятием в нашем сознании. Смысл образов в разных культурах не совпадает и скрыт от нашего понимания [3]. Можно согласиться с тем, что в разных культурах существуют свои смысловые образы. Но если культурный код – это сфера бессознательного, то почему образы культурного кода связаны с каким-либо понятием? Понятия, как известно, – это форма рационального познания, мышления. Некоторые авторы, отмечая, что культурный код относится к «коллективному подсознательному», «культурному подсознательному», указывают на то, что культурное наследие наших предков оказывает большое влияние на формирование человека и создает ориентиры деятельности, развития любого социума. К примеру, Т. Жирикова отмечает: «Традиции не могут передаваться по воздуху, как грипп, для их передачи нужны институты, выступающие носителями, хранителями и контролерами соблюдения традиций» [4]. Культурный код, по мнению автора, следует беречь – это задача любой науки. Огромная роль здесь принадлежит образованию, воспитанию, искусству. С этим нельзя не согласиться. Однако как рациональная по преимуществу образовательно-воспитательная деятельность может укреплять, формировать, поддерживать то, что относится к культурному бессознательному? Самоидентификация представителей тех или иных наций и этносов в целом во многом определяется культурным кодом, который делает нас теми, кто мы на самом деле есть. Но, в то же время, она связана с рациональным осмыслением своего места в мире. Культурный код включает бессознательное, но не сводится к нему, его нельзя сводить к национальной психологии.

Культурный код выступает как необходимое условие сохранения, преемственности и устойчивости человеческого бытия. Он основывается на определенных ценностях, которые определяют суть нации, ее особенности.

Развал СССР затронул все стороны жизни, включая и культуру. Произошел пересмотр многих базовых ценностей советского общества. В изменившихся исторических условиях стала формироваться новая гражданская и культурная идентичность, в которой в соответствии с принципом диалектического отрицания взаимодействуют традиционные советские и современные ценности, идеалы и смыслы бытия.

Этот процесс носит во многом стихийный характер. В настоящее время стоит задача перейти на новый уровень культурной идентичности. Без этого невозможно обустройство нашего общего дома. Речь идет о мобилизации всего того, чем было сильно славянство.

Прежде всего, следует выделить такие духовные ценности восточного славянства, как коллективизм, служение обществу, стойкость к жизненным невзгодам, твердость душевной ориентации, патриотизм, готовность к самопожертвованию.

Духовные ценности белорусов складывались в тесной связи с восточнославянской культурой. Вместе с тем особенности культурного кода белорусов определили тесные связи с другими народами, «пограничный» характер духовной жизни народа, который на протяжении всего своего существования испытывал влияние других культур.

Культурный код белорусов ярко представлен в многочисленных произведениях классиков белорусской литературы: Я. Купалы, Я. Коласа, М. Богдановича, В. Коротке-

вича и др. К числу духовных ценностей белорусского народа многие исследователи относят: миролюбие, толерантность, дружелюбие («памяркоунасць»), стремление к разумному компромиссу, хозяйственность, трудолюбие, бережливость, стойкость перед вызовами времени. Е.М. Бабосов отмечает: «...как бы ни изменялся мир, какие бы перемены ни происходили в сознании и поведении людей, в нашем обществе существуют и не утрачивают своей непреходящей значимости традиционные ценности ... Они-то и составляют фундамент той идеологии, которая коренится в самосознании и житейской мудрости белорусского народа. Именно они всегда были и всегда будут востребованы при любых социальных переменах» [5]. Опора на данные качества – условие стабильности социума, плодотворного приграничного сотрудничества. Наши народы всегда выручала культура как общая память. Вот почему в практике многообразных региональных связей следует опираться на их традиционные ценности.

В то же время следует учитывать стремительную динамику процессов в духовной сфере. Современное общество пока во многом опирается на потенциал старшего поколения, советской духовной культуры. Но активным субъектом общественной жизни становится выросшее в постсоветское время поколение, многие представители которого оказались без руля и ветрил, четких духовных ориентиров. Денежная мотивация жизни стала определяющей, а духовность стала уходить из многих сфер жизнедеятельности общества. Важно не потерять память о своих предках, сохранить их духовное наследие, помнить о своем происхождении и предназначении в этом мире.

Культурный кед может трансформироваться в процессе развития общества (упрощаться, усложняться, менять знаковую и символическую систему), но очень важно не замыкаться в сфере иррационального, бессознательного и строить культурную политику на основе четких вербальных выражений, осознанных ясных представлений.

Историческая память. Сохранение и воспроизводство культурного кода невозможно без обращения к исторической памяти народа. Историческая память «вшита» в культурный кед нации. Прошлое не уходит бесследно. Оно бросает тень на настоящее, довлеет над ним, определяя контуры будущего развития. Роль исторической памяти возрастает в переломные эпохи в развитии общества, в период безвременья, утраты прежних идеалов и попытки достижения новых горизонтов. Настоящее влияет на образы будущего. С другой стороны, память приковывает человека к прошлому, к традициям ушедших поколений, которые, по словам К. Маркса, «тяготееют, как кошмар, над умами живых» [6, с. 119].

Прошлое, так или иначе, остается в настоящем, является важным элементом структуры современного общества. Историческая память, как и коллективная память (социальных групп, поселений и т.п.), является важной предпосылкой не только групповой идентичности, но и идентичности социума в целом. Исследователи данного феномена приводят разные его определения. Нам ближе позиция Л.П. Репиной, которая определяет историческую память «... как одно из измерений индивидуальной или социальной памяти – как память об историческом прошлом или, вернее, как символическая репрезентация исторического прошлого. Историческая память – не только один из главных каналов передачи опыта и сведений о прошлом, но и важнейшая составляющая самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом, ибо оживление разделяемых образов исторического прошлого является таким типом памяти, который имеет особенное значение для конструирования социальных групп в настоящем» [7, с. 414].

Понятие «историческая память» тесно связано с понятием «коллективная память». «Историческая память» понимается как коллективная память (в той мере, в какой она вписывается в историческое сознание группы) или как социальная память (в той мере, в какой она вписывается в историческое сознание общества), или в целом как совокупность донаучных, научных, квазинаучных и вненаучных знаний и массовых представлений социума об общем прошлом [7, с. 416–417].

Порой в качестве синонима исторической памяти используется историческое сознание. Но первое – более широкое понятие, так как включает не только стихийно складывающиеся знания, образы, символы, представления, но и научные историографические положения. В этой связи некоторые исследователи пытаются противопоставить историю как науку и историческую память. К примеру, М. Хальбвакс полагает, что историческая память – это важнейший фактор самоидентификации группы. При этом существует несколько вариантов коллективной памяти, в то время как история только одна [8, с. 26].

По мнению Дж. Тоша, история предстает как точная наука, тогда как историческая память создает интерпретации, мифы в угоду политической целесообразности, в интересах социальных групп [9, с. 11–32].

В то же время М. Фуко по отношению к истории использовал понятие «контрпамять», подразумевая, что историки не пытаются постичь истину, а обслуживают власть, конструируя историю в рамках современных им дискурсов. Возникает вопрос: может ли историк быть «ангелом во плоти» и стать выше всякой политической целесообразности, служить только истине? В действительности это лишь идеал, к которому должен стремиться исследователь. Очень часто мы сталкиваемся с другим положением вещей. На воспроизведение прошлого в трудах историков и в различных политических документах влияют традиции, ностальгия, идеологические ценности и политические интересы. Очень часто интерпретации исторического прошлого используются как идеологическое средство для достижения сиюминутных политических целей. История и память о ней становятся ареной борьбы с внешним и внутренним противником. Наблюдается стремление государственных деятелей, лидеров партий прибрать к рукам память о прошлом своей страны. Речь идет о политическом использовании истории. А.И. Миллер отмечает: «...тенденция политизировать историю глобальна. Скорее всего, каждый отдельный элемент исторической политики в странах Восточной Европы в последние десять лет можно найти и в других регионах мира; а каждая восточноевропейская страна выстраивает эти элементы немного по-своему» [10]. Историческая политика здесь представляет собой качественно новый набор практик политического использования истории. Пока академическая наука искала «новые подходы» к изучению истории, политические публицисты, СМИ преуспели в фальсификациях исторических явлений, переоценках исторических деятелей и фактов. Примеров эскалации такой исторической политики в сферу межгосударственных отношений и повседневной жизни отдельных стран предостаточно. Вспомним хотя бы миф об одинаковой ответственности фашистской Германии и СССР за развязывание Второй мировой войны, об оккупации стран Прибалтики и т. п. В этой связи нельзя не вспомнить положение В. Дильтея о том, что историю надо не объяснять, а понимать.

Важным компонентом исторического сознания и формирования исторической памяти является контекст. То или иное историческое событие нельзя вырывать из окружающих общественных условий. Историю нельзя осовременивать, мстить ей – тем более. Когда речь идет об оценке тех или иных явлений прошлого, всегда необходимо учитывать всю сложную конфигурацию внутри- и межгосударственных отношений. Абстрактной истины, как известно, нет. Она всегда конкретна. Это, во-первых. Во-вторых, историческая память любого народа не может быть избирательной. Она призвана хранить все в полном объеме, а не выделять одно и умышленно замалчивать другое. В-третьих, история – это не только история «высокой» политики, не только результат профессиональной работы ученых-историков, но и так называемая устная история, а также образы, создаваемые писателями, кинематографистами и т.д. Важно учитывать и мир повседневности. История – это судьба миллионов. Вот почему важно использовать воспоминания простых людей, которые жили, трудились, боролись. Непреходящее

значение имеет история региона, с которой связаны люди самым непосредственным образом. П. Томпсон справедливо отмечает, что в «...местной истории деревня или город ищет смысл перемен, которые переживает, а вновь прибывшему исторические знания помогают укорениться в новой среде» [11, с. 15].

Духовные ценности, идеологические приоритеты влияют не только на историческую память (интерпретации прошлого), но и на весь комплекс общественных отношений. Общность исторических судеб не может не сказываться на динамике регионального сотрудничества во всех сферах общественной жизни. Пока в сотрудничестве России и Беларуси основной акцент сделан на макроэкономических и финансовых показателях. Но одними материальными стимулами стоящие перед народами стран проблемы интеграции не решить. Без духовных ценностей, идеологии нет смыслов, нет объединяющих целей и символов, невозможно определить стратегию и реализовать ее. Возникает вопрос: что может выступать в качестве духовных скреп интеграции на самых различных уровнях? Казахстанский социолог С. Салькенов утверждает, что идеологии потребительства и тотального расчеловечивания в современном мире необходимо противопоставить формирование альтернативной мировоззренческой концепции нравственно-созидательного содержания, идеологию человечности. Вместе с тем предостерегает, что «идеологию человечности не следует воспринимать в общепринятом толковании этого термина, ибо данная мировоззренческая концепция не преследует некие социально-политические и какие-либо другие цели ... В сущности, она представляет собой своего рода этику социального поведения, основанную на принципах человечности, не требующих законодательных инициатив...» [12]. Если это этика социального поведения, которая не требует законодательного закрепления, то такая идеология не нуждается в какой-то особой разработке. Можно взять учебник по этике и найти там необходимые нормы морали, регулирующие социальное поведение.

В свое время В. Путин в статье «Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня», опубликованной в газете «Известия» 3 октября 2011 г., говорил о ценностной основе будущего объединения и отметил, что Евразийский союз будет строиться на универсальных интеграционных принципах как неотъемлемая часть Большой Европы, объединенной едиными ценностями свободы, демократии и рыночных законов. Упомянутые ценности хороши, и их нельзя отрицать. Но и ограничиться ими нельзя. Составляя суть идеологии либерализма, в чистом виде они не могут стать основой объединения народов внутри Евразийского союза, который должен быть привлекателен не только в экономическом, но и в духовно-ценностном плане, что предполагает учет культурного кода этносов, их менталитета, традиций, символов души.

Заключение. Духовные ценности общества, историческая память, идеологические ориентиры – это своеобразные духовные скрепы социума. Отказ от традиционных ценностей, объединяющих россиян и белорусов – это путь в никуда. В приграничных регионах часто менялись исторические и геополитические реалии, они становились объектами притязаний различных субъектов международных отношений. Каждый из них пытался поставить на службу своим интересам этническую и конфессиональную политику, интерпретацию исторического прошлого. Нельзя не видеть сегодня порой весьма существенных различий идеологических принципов, социальных и политических ориентиров, ценностей, культивируемых в странах-соседках. Вместе с тем во главу угла следует ставить то, что объединяет страны и регионы. Без восстановления исторической правды, единого прочтения совместной истории не может быть единства народов, их плодотворного сотрудничества. Всякое насилие над историческим прошлым должно быть решительно отвергнуто, историю нельзя наказывать, ее следует понимать. Сбереечь историческую память – значит сохранить свою идентичность, своеобразие духовной культуры в наличном бытии региона или общества в целом. Только общество с четкими нравствен-

ными ориентирами может обратить экономическое развитие и научно-технический прогресс во благо, а не во вред человеку. Современное общество меняется стремительно и радикально, но остается непреходящим значение таких ценностей, как трудолюбие, честь, совесть, достоинство, доброта, толерантность, патриотизм. Как следствие этого, культурная политика стран, объединенных союзническими узами, должна быть нацелена не на коммерческий, а на гуманистический результат.

Литература

1. Большой экономический словарь / под ред. А.Н. Азрилияна. – М.: Институт новой экономики, 1994. – С. 827.
2. Культурный код [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wikipedia.org/wiki/%CA>. – Дата доступа: 29.06.2015.
3. Рапай, К. Культурный код [Электронный ресурс] / К. Рапай. – Режим доступа: <http://maxpork.comm./community/8/content/2030180#diskurs>. – Дата доступа: 05.08.2015.
4. Жирикова, Т. Русский культурный код [Электронный ресурс] / Т. Жирикова. – Режим доступа: <http://maxpork.comm./community/8/content/2030180>. – Дата доступа: 22.06.2015.
5. Бабосов, Е.М. О современном характере идеологии / Е.М. Бабосов // Беларуская думка. – 2003. – № 6.
6. Маркс, К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта / К. Маркс // Сочинения в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М., 1957. – Т. 8. – С. 115–217.
7. Репина, Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. / Л.П. Репина. – М., 2011. – 559 с.
8. Хальбвакс, М. Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2–3. – С. 8–27.
9. Тош, Дж. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка / Дж. Тош. – М., 2000. – 296 с.
10. Миллер, А.И. Политические приключения исторической науки / А.И. Миллер // Знание – сила. – 2015. – № 4. – С. 20.
11. Томпсон, П. Голос прошлого. Устная история / П. Томпсон. – М., 2003. – 368 с.
12. Салькенов, С. Идеология человечности [Электронный ресурс] / С. Салькенов. – Режим доступа: <http://trueinform.ru/modures/Phpname=News&sid=4082>. – Дата доступа: 16.07.2015.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СРЕДА И РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Социокультурная среда является важнейшим фактором трансграничного сотрудничества. Учет измерений данной среды – актуальная задача в разработке комплексных программ интеграционных процессов в рамках Союзного государства.

Социокультурная среда не является простой суммой социального и культурного. Это целостное образование, активно влияющее на приграничное сотрудничество, образ страны и региона. Образ региона неразрывно связан с региональной идентичностью. К важнейшим элементам последней относятся территория, характер духовных ценностей, стиль жизни, референтность, историческая память.

Элементы региональной идентичности важно умело применять с целью повышения инвестиционной и туристической привлекательности регионов, эффективности их многостороннего сотрудничества.

Цель статьи – раскрыть содержание понятий «социокультурная среда», «образ страны», дать анализ основных элементов региональной идентичности.

Ключевые слова: *социокультурная среда, образ страны, региональная идентичность, менталитет, историческая память.*

Научные публикации последних лет демонстрируют значительный интерес белорусских и российских ученых к региональной проблематике в целом и феномену социокультурного своеобразия приграничного региона в частности. В современных условиях роль регионов возрастает в многоплановом экономическом, политическом и культурном

сотрудничестве. Каждый из приграничных регионов – это специфическая социокультурная среда, которая подвергается существенной трансформации в ходе глобализации. Последняя не может не оказывать заметного влияния и на процесс самоидентификации населения. Учет основных измерений социокультурной среды, элементов региональной идентичности – актуальная задача органов управления, отвечающих за разработку программ интеграционных процессов в рамках Союзного государства Беларуси и России. Данная проблема требует также пристального внимания ученых-обществоведов.

Социокультурная среда имеет внешний и внутренний аспекты. В первом случае социокультурная среда – это совокупность различных (макро- и микро-) условий жизнедеятельности людей, среда, в которой функционируют социальные институты, материальные структуры, обеспечивающие необходимые для общества предпосылки социокультурного развития. Это среда, внутри которой формируются, взаимодействуют и взаимообогащаются духовные ценности. С внутренней (сущностной) стороны, социокультурная среда – совокупность сложившихся, типичных для данного ареала духовных ценностей, обычаев, традиций, менталитета людей, проявляющихся в устойчивых формах их жизнедеятельности, взятых в единстве с социальными условиями бытия. Речь идет о социокультурном срезе общественного бытия, когда культура и социальность проникают друг в друга.

Социокультурная среда не является простой арифметической суммой социального и культурного. Она имеет «границы, очерченные ценностями и нормами, а также взаимодействиями многосвязанных групп, заключающих в себе социальные, культурные, личностные аспекты взаимодействующих участников» [1].

Каждое новое поколение стоит на плечах предыдущего, не может не учитывать сложившихся в предшествующий период тех или иных общественных отношений, состояния экономической жизни и уровня социокультурного развития. То, что делают люди нового поколения, зависит, безусловно, от их миропонимания, ценностных ориентаций. Однако последние во многом определяются предшествующим духовным потенциалом общества, культурным кодом народа. Представители каждого нового поколения в известной мере запрограммированы обществом, всей системой присущих ему отношений, традиций, ценностей, норм и идеалов. В результате формируется предрасположенность определенным образом реагировать на происходящие события, оценивать и сопереживать им.

Социокультурная среда формирует образ страны или отдельного региона.

Образ страны нельзя ограничивать лишь географическим содержанием данного понятия [2]. В литературе обычно различают субъективный образ страны – образ, существующий в сознании ее населения, и объективный образ, складывающийся в общественном мнении внешних партнеров данного государства [3–4]. На наш взгляд, более корректно в данном случае вести речь о внутреннем и внешнем образах страны. Это не противоречит сути самих терминов «субъективный» и «объективный». Известно, что субъективный и объективный образы далеко не всегда соответствуют реальному положению дел и объективным показателям развития страны. В то же время позиционирование по отношению к «иному» и соотнесение себя с другими национально-государственными общностями всегда было и остается одной из основ утверждения собственной национальной идентичности [3].

Отдельные ученые обоснованно различают образ и имидж страны. Образ – это целостная система взглядов, представлений, мнений населения о стране, ее восприятие различными акторами коммуникации как изнутри, так и извне [3]. Имидж – понятие более узкое, оно носит инструментальный характер. «В практике рекламы и публичных рилейшнз под имиджем понимают именно целенаправленно создаваемый (на основе исследования потребностей и “идеалов” целевых аудиторий) образ. Образ инструментальный, предна-

значенный для трансляции с целью совершенствования представлений аудитории в интересах субъекта» [4]. Вследствие этого формируемый имидж часто не может не носить предвзятого характера. Имидж формируется с учетом ожиданий реакции адресных групп. Вместе с тем нельзя, на наш взгляд, согласиться с мнением, что характеристики образа «соответствуют основным показателям объективной реальности» [4]. Если речь идет о внутреннем образе страны, то чаще всего они отображают действительность (хотя и не всегда; к примеру, националистические предрассудки, которые могут иметь значительное распространение в той или иной стране в конкретной исторической ситуации). Когда речь идет о внешнем образе страны, то следует учитывать, что он включает стереотипы, предрассудки, которые стихийно складываются, формируются СМИ и не всегда соответствуют всему многообразию жизни той или иной страны.

Региональное сотрудничество во многом определяется образом страны, если речь идет о регионах в широком смысле слова (к примеру, региональные объединения государств), или образом региона, если речь идет о субрегионализации. Образ региона неразрывно связан с региональной идентичностью. В литературе встречаются самые различные подходы к определению данного понятия. Е.В. Еремина характеризует региональную идентичность как «объективное состояние, основывающееся на рефлексивном чувстве личной самоидентичности и целостности, непрерывности во времени и пространстве... Данное состояние предполагает гармоничное сочетание индивидуальной самости и включенности индивида в региональный социум» [5]. Автор, как видим, приоритет отдает личности как субъекту региональной идентичности. Однако субъектом данного феномена являются и социальные группы. Региональная идентичность отражает преемственность их самосознания, выражается в совокупности самообразов. Она выступает как комплексное явление, ее нельзя сводить к территориальному, географическому содержанию. К примеру, Р.В. Пеньковцев и Н.А. Шибанова отмечают, что «региональная идентичность есть осознание принадлежности к общности региональных Своих, ограниченной от Чужих определенными территориально-административными границами» [6, с. 177]. Это отождествление себя по жизненным интересам, социальным предпочтениям и симпатиям с конкретным региональным и социокультурным сообществом людей, осознание своего единства с конкретным местом общественного бытия во всех его проявлениях. Понятие «идентичность» не тождественно понятию «идентификация». Под идентичностью следует понимать некоторое состояние самоотождествления; идентификация – это процесс, ведущий к данному состоянию.

Феномен региональной идентичности имеет различные грани. Если речь идет об осознании индивидом образа региона как культурного пространства, то на первый план выдвигаются историческая память, традиции, нормы, ценности, символы, присущие данному региону. Когда же речь идет о регионе как субъекте многопланового сотрудничества с другими регионами, то акценты смещаются в сторону формирования позитивного имиджа региона. Региональная идентичность зависит от многих факторов: истории региона, географической среды, устойчивости административно-территориального деления, престижности ареала, уровня его экономического и социокультурного развития, характера и эффективности управления, взаимодействия с соседними регионами. Региональная идентичность не статична. Ее содержание и уровень меняются с трансформацией общественного строя, распадом государственных образований, развитием интеграционных процессов и т.п.

Содержание региональной идентичности включает различные элементы. К важнейшим из них можно отнести:

- устойчивые пространственные представления, привязанность к определенной территории;
- совокупность знаний населения региона о своих особенностях, а также оценку места и роли данной территории как субъекта различных форм сотрудничества;

- стиль жизни, совокупность типичных форм жизнедеятельности людей;
- характер духовных ценностей, особенности культуры и межконфессиональных отношений. Важную роль при этом играют традиции, обычаи, особенности быта, система символов, символическое освоение и репрезентация пространства. К примеру, символическое значение могут иметь памятники истории и культуры, образ жизни, праздники, знаменитые личности-уроженцы региона и т.п. Символическая система так или иначе формирует общественное сознание. Не случайно Э. Кассирер представлял символы как некий универсум, способный самостоятельно контролировать действительность [7];

- доминирующий уклад хозяйственной жизни, структура экономики региона (сельскохозяйственный, промышленный, ресурсодобывающий и т.п.);

- референтность. Идентичность всегда предполагает сравнение с другими регионами, осознание своего отличия от них;

- общность исторических судеб, историческая память населения региона. Это один из важнейших каналов передачи социального опыта, а также важнейший фактор самоидентификации индивида и социальной группы. Непреходящее значение имеет история региона, с которой связаны люди. П. Томпсон справедливо отмечает, что в «местной истории деревня или город ищет смысл перемен, которые переживает, а вновь прибывшему исторические знания помогают укорениться в новой среде» [8, с. 15].

Для исторических судеб населения приграничных регионов Беларуси была характерна частая смена геополитических и конфессиональных реалий, как в калейдоскопе, менялись властвующие элементы соседних государств, которые часто вели ожесточенную борьбу за спорные (по их мнению) территории. Войны приводили к вынужденному отказу населения Приграничья от национального самоопределения. В приграничных регионах порой можно встретиться с феноменом замещения этнической идентификации конфессиональной.

Идентичность формируется не только путем «физического наследования», а «культурной близостью», т.е. ощущением преемственности, общей памятью, коллективной судьбой.

Проведенное нами социологическое исследование показало, что большинство опрошенных (54,8%) воспринимают историю Беларуси как историю отдельной страны, а не как историю страны в составе других (40,9%). Вместе с тем лишь 23,9% респондентов ощущают свою связь с историей, культурой предков. Важнейшим фактором идентичности молодых людей, осознания себя белорусами выступает чувство привязанности к родной земле (40,2%) и, прежде всего, принадлежность к гражданству Республики Беларусь (61,1%). Последняя позиция, на наш взгляд, вполне объяснима. Государственная независимость, которой долгое время был лишен белорусский народ, является высшей ценностью. Не случайно большинство респондентов (53,0%) при оценке распада СССР указали, что его результатом стало обретение Беларусью государственной независимости. Следует также учесть, что для 55,2% опрошенных русские и белорусы – это близкородственные народы, а для 39,1% – ветви одного народа. При этом 50,4% опрошенных указывают на общее происхождение соседних народов, а 82,2% – на общность исторических судеб. Понятно в этой связи, что важнейшим фактором идентичности для молодых людей выступает именно гражданство: «мы» и «они» – это, прежде всего, граждане разных, хотя и очень близких, государств.

Население белорусско-российского приграничья идентифицирует себя и других по обе стороны границы на основании образа добрососедства. Белорусы не придают большого значения таким ценностям, как язык, демократия, свобода выражения. В процессе самоидентификации преобладают гражданство или локальные определения (житель конкретного города, села и т.п.). Это, во-первых. Во-вторых, идентичность

современного человека связана с сознательной ориентацией на определенный стиль жизни, «выбирая» который, индивиды формируют свою тождественность с определенными группой, образом жизни, ценностями.

Нельзя не отметить, что идентичность жителей региона находит свое проявление в их менталитете. Менталитет – совокупность умственных, эмоциональных, культурных особенностей, ценностных ориентаций и установок, присущих социальной или этнической группе, нации, народу, народности [9].

Менталитет возникает в недрах культуры народа, определяется его историческими судьбами, особенностями общественного развития и является важным фактором образа жизни и поведения людей, их отношения к себе и другим членам социума.

Кафедрой философии ВГУ имени П.М. Машерова было проведено социологическое исследование по выявлению представлений молодежи о наиболее значимых, типичных чертах белорусов и россиян, характеризующих в значительной мере их менталитет. По мнению опрошенных, близки такие качества белорусов и россиян, как взаимовыручка, патриотизм, умение приспособиться к изменившимся условиям жизни. Оценки других качеств значительно разнятся (примерно в два раза). Большинство респондентов к важнейшим чертам менталитета белорусов относят гостеприимство (79,1%), трудолюбие (57,3%), доброжелательность (51,3%).

Отмечая трудолюбие белорусов, опрошенные не очень высоко оценивают их деловитость и предприимчивость (5,6% против 53,4% у россиян). Эта позиция не может не настораживать. Трудолюбие, конечно, хорошее качество, однако человек, не отличающийся деловитостью и предприимчивостью, т.е. безынициативный, в современных условиях обречен быть аутсайдером. Здесь одного трудолюбия мало. Необходимо органичное единство данных качеств, каждое из них в отдельности – это односторонность, не дающая порой ни практического, ни нравственного эффекта.

Результаты исследования показали, что важнейшей чертой менталитета белорусов является толерантность (61,5%). Толерантность проявляется в уважительном отношении к укладу жизни, традициям и культурным особенностям других общностей. Это терпимость к иному рода взглядам, нравам, привычкам [10]. Толерантность – особое духовное качество, установка и жизненная позиция, проявляющаяся в готовности людей к сотрудничеству с представителями других социальных групп, этносов. П. Гречко справедливо отмечает, что субъекты толерантного отношения должны как можно лучше знать друг друга и не бояться диссонантности. В этом гарантия их инаковости, их полной статусной отнесенности к Другим [11, с. 181]. Вместе с тем толерантность не означает безусловного согласия с иными духовными ценностями, нравственными императивами и политическими пристрастиями. Она не совместима с тем, что противоречит общечеловеческим ценностям, принципам гуманизма, достоинства и свободы личности. Общество, по словам К. Поппера, не должно быть толерантным к нетолерантности.

Для государства толерантность – это принцип управления и одно из средств выхода из конфликтных ситуаций, для народа – это гражданская добродетель, элемент его политической и нравственной культуры. Толерантность означает не только уважение ценностей и взглядов других, но и уважение своей жизненной позиции.

Следует учитывать, что содержание идентичности конкретно-исторично. Оно изменяется со временем и порой сопровождается конфликтами с актуальной социальной ситуацией.

Глобализация, безусловно, во многом ведет к кризису, размыванию идентичности. В то же время ей противостоит регионализация, «идентичность места». Ни глобализация, ни регионализация никогда не будут завершенными до конца процессами. С одной стороны, региональные объединения государств – это важный фактор защиты их суверенитета в условиях нарастающего вала глобализации. С другой стороны, трудно представить себе гомогенное человечество, лишенное каких-либо национальных социо-

культурных различий. В данном случае мы имеем дело с единством и борьбой противоположностей. Возрастающая унификация экономического и социокультурного пространства (глобализация) сопровождается их дифференциацией (регионализация).

Опыт ряда стран показывает, что региональная идентичность в руках политических манипуляторов может стать фактором раскола общества, нарастания сепаратистских тенденций. Вместе с тем она обладает позитивным свойством объединять людей различных социальных статусов, профессий, конфессий и т.п. Региональное сотрудничество является игрой с положительной суммой. Она выгодна всем ее субъектам. Названные выше элементы региональной идентичности важно эффективно применять в управленческой деятельности властных структурам с целью повышения привлекательности регионов (инвестиционной, туристической).

Заключение. Социокультурная среда, ценности культуры определяют идентичность отдельных регионов, социальных групп, индивидов, формируют отношение к исполнению социальных ролей, обществу и другим людям. Следует максимально использовать то, что веками создавали дух, талант и интеллект поколений, для повышения эффективности регионального сотрудничества во всех сферах общественной жизни.

Важнейшая задача двух стран-соседей – Беларуси и России – дальнейшее укрепление добрососедства, дружбы и взаимопонимания посредством углубления культурных связей, развития сотрудничества в гуманитарной сфере (вопросы досуга, образования; проведение дней культуры, фестивалей и т.д.). При этом должны быть созданы объективные предпосылки, препятствующие росту отчужденности между народами, различным проявлениям национализма. Безусловно, решение данной задачи в огромной мере зависит от средств массовой информации, которые должны работать на идеологическое обеспечение интеграции двух братских народов. Более того, необходимы институционализация социокультурного сотрудничества приграничных регионов, создание соответствующих государственных структур, общественных объединений, разработка комплексных программ, которые координировали бы данный важный сегмент жизни населения двух стран.

Литература

1. Ремизова, М.Н. Интерпретация понятия «социокультурное пространство» в классической социологии / М.Н. Ремизова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: в 2 ч. – Тамбов: Грамота, 2012. – № 10. – Ч. 1. – С. 16.
2. Замятин, Д.И. Образ страны: структура и динамика [Электронный ресурс] / Д.И. Замятин. – Режим доступа: http://pitemed.ru/articles/other/obraz_strani.htm. – Дата доступа: 03.04.2013.
3. Семененко, И.С. Образы России: восприятие, осмысление, формирование / И.С. Семененко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://fictionbook.ru/author/litagent_drofa/istoriya_i_tradicii_narodov_rossii/read_online.html?page=4. – Дата доступа: 03.04.2013.
4. Гринберг, Т.Э. Образ страны или имидж государства: поиск конструктивной модели [Электронный ресурс] / Т.Э. Гринберг. – Режим доступа: <http://pravo33.wordpress.com/2010/02/13/>. – Дата доступа: 05.04.2013.
5. Еремина, Е.В. Региональная идентичность в контексте социологического анализа / Е.В. Еремина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://regionsar.ru/node/781>. – Дата доступа: 16.02.2016.
6. Пеньковцев, Р.В. Компаративный анализ феномена «Региональной идентичности» (Россия–ЕС–США) / Р.В. Пеньковцев, Н.А. Шибанова // Учен. записки Казан. гос. ун-та. Кн. 3, Гуманитарные науки. – 2007. – Т. 149. – С. 175–190.
7. Кассирер, Э. Техника современных политических мифов / Э. Кассирер // Феномен человека. Антропология. – М., 1993. – С. 143–198.
8. Томпсон, П. Голос прошлого. Устная история / П. Томпсон. – М., 2003. – 368 с.
9. Менталитет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki>. – Дата доступа: 17.01.2016.
10. Философский энциклопедический словарь / под ред. А.Б. Васильева. – 2-е изд. – М.: Инфра, 2011. – 576 с.
11. Гречко, П.К. О границах толерантности / П.К. Гречко // Свободная мысль – XXI. – 2005. – № 10. – С. 181.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

В глобализирующемся мире нарастает интенсификация трансграничных экономических, политических, социальных и культурных связей. Одновременно идет процесс развития регионализации международных отношений.

В современных условиях роль регионального сотрудничества, включая приграничное, резко возрастает, что обусловлено ростом трансграничного движения товаров, нарастающей миграцией населения. Приграничное сотрудничество предполагает учет особенностей региональной идентичности, его основных принципов, социокультурных и идеологических факторов.

Углубление интеграционных процессов на региональном и субрегиональном уровне предполагает системное решение стратегических вопросов, создание единого духовного пространства наряду с экономическим.

Цель статьи – анализ соотношения глобализации и регионализации, их влияния на процессы приграничного сотрудничества.

Ключевые слова: глобализация, глокализация, регионализация, региональная идентичность, приграничье, идеология.

Глобализация стала сущностной характеристикой человечества, накладывая отпечаток на все сферы общественной жизни, изменяют их динамику, направленность и содержание развития. Планета превращается в унифицированное пространство, глобальную систему, в которой каждый ее элемент испытывает влияние процессов, происходящих в других регионах, и, наоборот, региональные процессы часто имеют мировые последствия.

Индикатор глобализации – формирование единого, целостного, взаимозависимого и взаимопроникающего мира. Национально-государственные формы человеческого бытия постепенно утрачивают свою самодостаточность. Происходит трансформация понятия «государственный суверенитет» в условиях растущей взаимозависимости стран, неспособности отдельно взятых государств решить экономические, экологические проблемы и проблемы войны и мира. Заходит речь о «конце географии», отмирании института государства. С. Перегудов отмечает, что в современном мире управляют ТНК, ВТО, ВБ, идеология «минимального государства» обретает свое законченное «идеальное воплощение» [1]. Нарастает интенсификация трансграничных экономических, политических, социальных связей. В сфере культуры наблюдается вовлечение национальных культур в качественно новое мировое единство, по самой своей природе являющееся транснациональным, лежащим поверх границ отдельных государств, наций, цивилизаций и имеющих свои собственные, качественно специфические черты функционирования. Часто характерными чертами культурных процессов в условиях глобализации исследователи называют гибридизацию, поляризацию, вестернизацию. Однако можно не говорить, что имеет место только распространение западной культуры. Наблюдается взаимопроникновение и соревнование культур. Идет процесс переработки «чужого» под себя. Нельзя не согласиться с мнением, что глобализация «...более не тождественна вестернизации. Напротив, по мере того, как материальные блага и технологии распространяются на Восток и на Юг, она в возрастающей степени происходит на условиях, устанавливаемых незападными культурами» [2, с. 7].

Можно сказать, что глобализация предстает не только как формирование единой общечеловеческой культуры. Одновременно идет процесс разделения человеческого общества по качественно новым основаниям: имеет место усиление локальных культур. Данный процесс Р. Робертсон называл глокализацией. Речь идет о том, что унифици-

кация в различных сферах общественной жизни сопровождается локализацией, ростом культурного разнообразия, конструктивным сотрудничеством и взаимообогащением культурных регионов.

Глокализация – противоречивое явление. С одной стороны, отмечается связь глобальных характеристик жизни людей и их локальных проявлений, с другой – нельзя не видеть известного противопоставления глобального и локального.

Общечеловеческие ценности могут реализоваться лишь в локальной форме. Для человеческой цивилизации как единого целого важен опыт локальных культур.

Глобализация не может не затронуть культурные, идентификационные коды нации. Существует проблема адаптивной трансформации идентичности. Многие в духовных приоритетах не могут не меняться. При этом очень важно «не потерять себя» в глобальных процессах.

Таким образом, глобальное развивается за счет локального, а последнее, в свою очередь, оказывает ему противодействие в силу своего потенциала. Глокализация выражает стремление этносов и отдельных регионов, попавших в «жернова» глобализации, сохранить свою идентичность. Глобализация не исключает плюрализма, многообразия культур. Это – единство многообразия. В более широком плане процессы глокализации связаны с регионализацией международных отношений. Глобализация сопровождается регионализацией международных отношений. Регионы способствуют защите общества, его устоев, ценностей от негативных последствий глобализации и выступают постепенно в качестве самостоятельных субъектов международного сотрудничества. Проблема соотношения глобализации и регионализации в современных условиях становится все более актуальной. Неоднозначна ее трактовка в литературных источниках. Некоторые авторы полагают, что регионализация – это непосредственное проявление глобализации. Другие, напротив, исходят из того, что регионализация является ответом на глобализацию, попыткой минимизировать ее отрицательные последствия. На наш взгляд, здесь мы имеем дело со своего рода «единством и борьбой противоположностей». С одной стороны, в региональных объединениях стран точно проявляются многие тенденции, особенности и характерные черты современной мегацивилизации, с другой – часто региональные объединения создаются с целью реализации экономических и политических интересов, обеспечения государственного суверенитета, а также сохранения, защиты своих привычных социокультурных ценностей от зачастую разрушительного воздействия «девятого вала» глобализации.

Нельзя негативно определять регионализм как «...образ мышления и действия, исходящий из приоритетности региональных интересов над государственными» [3]. Необходимо использовать потенциал регионов, проводить конструктивную региональную политику. При этом регионализацию не следует сводить лишь к экономическим ее аспектам. Важно учитывать политические и социокультурные процессы. Нельзя не согласиться с тем, что регионализация выступает как «развитие, укрепление экономических, политических и иных связей между областями или государствами, входящими в один регион.», а регионализм – как «подход к рассмотрению и решению экономических, социальных, политических и других проблем под углом зрения интересов и потребностей того или иного региона» [4].

Полагаем, что следует различать регионализацию в широком и узком смысле слова. В широком – это объединение, союз таких субъектов общественной жизни, как государства. Примером подобной регионализации являются ЕС, АСЕАН, ЕАЭС. В узком смысле слова регионализация – это субрегионализация, сотрудничество регионов отдельных стран в различных сферах общественной жизни. При этом региональная интеграция наиболее эффективна на субрегиональном уровне. Однако это возможно лишь в том случае, если субрегионы де-юре и де-факто становятся субъектами международ-

ного сотрудничества, включая и приграничное сотрудничество. Отметим, что положение приграничных регионов в условиях глобализации двойственна. С одной стороны, глобализация ведет к унификации и стандартизации многих форм человеческой жизнедеятельности, а с другой – «тесная близость с другим позволяет расширить горизонты устоявшегося, привычного, заимствовать положительный опыт отличного от своего, тем самым способствует качественному обновлению социальной среды, способствует реконструированию социальной реальности на новых началах» [5].

Роль приграничных регионов в современных условиях резко возрастает, что обусловлено ростом трансграничного движения товаров, расширением туристических потоков, нарастающей миграцией населения и т.д. Как следствие – нарастают контрольные функции регионов. Возникают региональные интеграционные образования, в рамках которых приграничное сотрудничество емко описывается словом «срачивание».

Сегодня приграничные регионы – это не просто «оборонительный вал», обеспечивающий безопасность государства, как это было несколько десятилетий назад. Сегодня это те зоны, где происходит «срачивание» социумов во всех сферах общественной жизни. Да и сейчас приграничные регионы обеспечивают безопасность государств, но на другой основе – за счет создания на границе полосы добрососедства.

Приграничное сотрудничество помогает смягчить отдельные болевые вопросы межгосударственных отношений, в том числе и такие, которые в силу тех или иных причин затруднительно или пока невозможно урегулировать на более высоком уровне, а также укрепляет и развивает исторически сложившиеся связи [6, с. 50].

Государство должно создавать благоприятные условия для интеграции микрорегионов. Обычно такие регионы возникают «естественным путем», и такая «естественность» обуславливается сходными географическими, социокультурными условиями, общностью экономических интересов и исторических судеб. Сотрудничество субрегионов не может ограничиваться лишь экономической интеграцией. Важную роль играют взаимосвязи в социокультурной сфере и создание необходимых духовных предпосылок всех иных взаимодействий.

Актуальной проблемой для населения приграничных регионов является, как уже отмечалось, сохранение своей идентичности, традиционных ценностей и уклада жизни, при этом не происходит отделения китайской стеной от процессов, происходящих на глобальном уровне, имеющих транснациональный и транслокальный характер. Процессы глобализации и регионализации так или иначе направлены на сохранение региональной идентичности, включая и приграничье. Глобализации противостоит «идентичность места». Реальной общностью приграничье становится тогда, когда люди идентифицируют себя с ним.

В литературе встречаются различные подходы к определению понятия «региональная идентичность». К примеру, Е.В. Еремина понимает региональную идентичность как «объективное состояние, основывающееся на рефлексивном чувстве личной самоидентичности и целостности, непрерывности во времени и пространстве... Данное состояние предполагает гармоничное сочетание индивидуальной самости и включенности индивида в региональный социум» [7]. Автор, как видим, приоритет отдает личности как субъекту региональной идентичности. Однако субъектом данного феномена являются и социальные группы. Региональная идентичность отражает преемственность их самосознания, выражается в совокупности самообразов. Она выступает как комплексное явление, ее нельзя сводить к территориальному, географическому содержанию. К примеру, Р.В. Пеньковцев и Н.А. Шибанова отмечают, что «региональная идентичность есть осознание принадлежности к общности региональных Своих, ограниченной от Чужих определенными территориально-административными границами»

[8, с. 177]. Это отождествление себя по жизненным интересам, социальным предпочтениям и симпатиям с определенным региональным и социокультурным сообществом людей, осознание своего единства с конкретным местом общественного бытия во всех его проявлениях. Понятие «идентичность» не тождественно понятию «идентификация». Под идентичностью следует понимать некоторое состояние самоотождествления; идентификация – это процесс, ведущий к данному состоянию.

Феномен региональной идентичности имеет различные грани. Если речь идет об осознании индивидом образа региона как культурного пространства, то на первый план выдвигаются историческая память, традиции, нормы, ценности, символы, присущие данному региону. Когда же речь идет о регионе как субъекте многопланового сотрудничества с другими регионами, то акценты смещаются в сторону формирования позитивного имиджа региона. Региональная идентичность зависит от многих факторов: истории региона, географической среды, устойчивости административно-территориального деления, престижности ареала, уровня его экономического и социокультурного развития, характера и эффективности управления, взаимодействия с соседними регионами. Региональная идентичность не статична. Ее содержание и уровень меняются с трансформацией общественного строя, распадом государственных образований, развитием интеграционных процессов и т.п.

Содержание региональной идентичности включает различные элементы. К важнейшим из них можно отнести:

- устойчивые пространственные представления, привязанность к определенной территории;
- совокупность знаний населения региона о своих особенностях, а также оценки места и роли данной территории как субъекта различных форм сотрудничества;
- стиль жизни, совокупность типичных форм жизнедеятельности людей;
- характер духовных ценностей, особенности культуры и межконфессиональных отношений. Важную роль здесь играют традиции, обычаи, особенности быта, система символов, ценностное освоение и репрезентация пространства. К примеру, символическое значение могут иметь памятники истории и культуры, образ жизни, праздники, знаменитые личности-уроженцы региона и т.п. Все это обереги, культурные коды, по которым мы узнаем друг друга, видим себе подобных. Символическая система так или иначе формирует общественное сознание. Не случайно Э. Кассирер представлял символы как некий универсум, способный самостоятельно контролировать действительность [9];
- доминирующий уклад хозяйственной жизни, структуру экономики региона (сельскохозяйственный, промышленный, ресурсодобывающий и т.п.);
- референтность. Идентичность всегда предполагает сравнение с другими регионами, осознание своего отличия от них;
- общность исторических судеб, историческую память населения региона. Это один из важнейших каналов передачи социального опыта, а также важнейший фактор самоидентификации индивида и социальной группы. Непреходящее значение имеет история региона, с которой связаны люди. П. Томпсон справедливо отмечает, что в «местной истории деревня или город ищет смысл перемен, которые переживает, а вновь прибывшему исторические знания помогают укорениться в новой среде» [10, с. 15].

Названные выше элементы региональной идентичности важно эффективно использовать в управленческой деятельности властных структурам с целью повышения привлекательности регионов, разработки принципов приграничного сотрудничества.

В официальных документах стран дальнего зарубежья, государств, входящих в СНГ, публикациях, посвященных данной проблеме, выделяются различные принципы приграничного сотрудничества. К примеру, в рамках Объединения европейских

приграничных регионов приняты следующие основные принципы: субсидиарности, партнерства и равноправия, солидарности территорий, совместной разработки стратегии развития приграничных территорий.

В Постановлении Совета межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ № 29–18 «О модельном законе “О приграничном сотрудничестве”» (31 октября 2007 г.) выделены такие принципы:

- равенство и взаимная ответственность;
- уважение суверенитета и территориальной целостности;
- неприкосновенность государственных границ;
- мирное разрешение пограничных споров;
- взаимное уважение законодательства государств, выполнение международных договоров и соглашений о приграничном сотрудничестве;
- учет особенностей приграничных регионов, прав и интересов участников приграничного сотрудничества;
- устранение политических, экономических, правовых, административных препятствий для взаимного сотрудничества;
- добровольность и взаимовыгодность сотрудничества;
- обеспечение безопасности жизни граждан, нанесение ущерба окружающей среде, экономическим и иным интересам сопредельных государств, уважение прав и свобод граждан приграничных государств.

Белорусский исследователь данной проблемы А.И. Литвинюк выделяет две группы принципов приграничного сотрудничества:

1) организационно-правовые: субсидиарности, суверенитета и территориальной целостности, равенства участников, добровольности, законности, самостоятельности, солидарности;

2) организационно-экономические: общности интересов, учета потребностей, иерархичности, ротации, комплексности, дополняемости, системности [11, с. 82].

Безусловно, вышеперечисленные принципы важны и не могут вызвать возражений. Это – общедемократические принципы, которые регулируют отношения как приграничных регионов, так и отдельных государств, а также принципы, ориентирующие на повышение экономической эффективности сотрудничества. На наш взгляд, данные принципы целесообразно дополнить принципами, которые относятся к социокультурной сфере, особенно, если речь идет о сотрудничестве в белорусско-российском приграничье:

- гармонизация гуманитарных, экономических и политических факторов и показателей приграничного сотрудничества;
- учет социокультурных особенностей региона, характера сложившихся исторических связей;
- максимальное использование образа и имиджа региона, его идентичности в углублении экономического, социокультурного и гуманитарного сотрудничества;
- формирование единого духовного и правового пространства;
- формирование союзного патриотизма;
- учет менталитета населения приграничных регионов;
- идеологическое обеспечение интеграционных процессов, выработка общих идеологических принципов, ценностей, социальных и политических ориентиров;
- информационное взаимодействие регионов и их населения.

Учет социокультурных факторов в приграничном сотрудничестве чрезвычайно важен. Безусловно, экономическое сотрудничество носит базисный и приоритетный характер. Однако нельзя уповать только на экономические интересы и получаемую

хозяйственную выгоду. Сотрудничество предполагает «наличие высокого уровня культурного развития местных сообществ приграничных регионов, позволяющего гражданам адекватно оценивать и защищать как свою культурную самобытность, так и степень восприятия ценностей и культурных паттернов заграничных “соседей”» [12, с. 19].

Более того, в строительстве Союзного государства, проекте будущего двух стран необходимо определить идеологические ориентиры.

Нельзя игнорировать тот факт, что экономика, политика и идеология диалектически взаимосвязаны. Именно идеология формулирует ориентиры того, как обустраивать наш общий дом, включая и экономику. Идеологические ценности являются той «смазкой», которая повышает эффективность функционирования всех звеньев хозяйственного механизма и экономической интеграции. Вот почему вопросы идеологического обеспечения евразийской интеграции в целом и приграничного сотрудничества в частности весьма актуальны и требуют обоснованного ответа. Только единое идеологическое векторное поле позволит наполнить интеграционные процессы единым содержанием, преодолеть сиюминутный экономический эгоизм по обе стороны границы.

Вопросы места и роли идеологии в жизни современного общества находятся в центре острейших дискуссий политиков, философов, историков. Диапазон мнений весьма широк: от неприятия всяких идеологий до обоснования ее важности и необходимости. К примеру, С. Новопрудский считает, что «постановка вопроса об установленной законом единой государственной идеологии изначально ущербна и даже оскорбительна для людей страны. Выходит, жители такой страны сами не знают, зачем они здесь живут» [13].

Дело вовсе не в юридической, а фактической стороне вопроса. Идеология – это атрибут любого государства. Обычно некоторые российские исследователи данной проблемы ссылаются на Конституцию РФ, которая не предусматривает, как известно, какой-то государственной идеологии. Но не следует ли из этого, что не может быть в обществе ведущей идеологии? К примеру, в Беларуси и России не закреплена в Конституции ведущая роль какой-то религиозной конфессии, однако понятно, что такой конфессией является православие. Как бы мы ни отказывались от идеологии, мы находимся внутри нее. Вопрос только в том, о какой идеологии идет речь. После распада СССР очень часто идеологию стали сводить к жизненному успеху, деньгам, комфорту. Господствующей стала потребительская идеология. Так проще: не надо задумываться о судьбах страны, общества, их целях, задачах, путях решения проблем. Конечно, следует учитывать, что при помощи идеологии можно манипулировать массами. Только какой идеологии? Идеология – это духовное явление, которое может быть обоюдоострым оружием, как, к примеру, обычный нож. Ссылаясь на опыт СССР, можно ли вообще говорить о позитивном значении идеологии в жизни общества? Н. Кофырин справедливо отмечает, что человеку «нужна идеология, потому что он хочет знать смысл своего существования на земле. Идеология – это не только объяснение общественного устройства, но и смысла жизни человека и человечества» [14].

Не может быть потребительской идеологии не только между людьми, но и государствами. В противном случае неизбежны торговые войны. Так и будем считать, кто кого кормит. В основе идеологических приоритетов могут лежать, на наш взгляд, идеи социальной справедливости, безопасности, процветания стран, сохранения населения, уважение к традиционным ценностям, патриотизм. Полагаем, что патриотизм может стать одной из важнейших идеологических предпосылок единения двух стран. Но что такое союзный патриотизм? Данное понятие нуждается в уточнении, до сих пор нет его единого толкования. Патриотизм будет носить абстрактный характер без ответа

на вопрос: какое объединение государств мы строим? Без определения духовных, идеологических приоритетов общества, обращения к исторической памяти никакие призывы к патриотизму не могут принести практических результатов.

В этой связи нельзя не согласиться с Н. Нарочницкой, которая отмечает, что «...появление духовного стержня, объединяющего нацию лучше, чем любая отметка в паспорте, пробудило бы историческое сознание, интерес народа к исторической жизни» [15, с. 84]. Сказанное всецело относится к многоплановому белорусско-российскому сотрудничеству.

Заключение. Духовные ценности, идеологические принципы влияют не только на историческую память (интерпретации прошлого), но и на весь комплекс общественных отношений. Общность исторических судеб не может не сказываться на динамике регионального сотрудничества во всех сферах общественной жизни. Пока в сотрудничестве России и Беларуси основной акцент сделан на макроэкономических и финансовых показателях. Но одними материальными стимулами стоящие перед народами стран проблемы интеграции не решить. Без духовных проектов, ценностей, идеологии нет смыслов, нет объединяющих целей и символов, невозможно определить стратегию и реализовать ее.

Литература

1. Перегудов, С. Неолиберальная глобализация: есть ли альтернатива? / С. Перегудов // МЭиМО. – 2002. – № 4. – С. 22–28.
2. Дынкин, А. Глобальная система на переломе: пути к новой нормальности / А. Дынкин, М. Барроуз // МЭиМО. – 2016. – Т. 60, № 8. – С. 5–25.
3. Марченко, Г.В. Региональные проблемы становления новой российской государственности / Г.В. Марченко. – М., 1996. – С. 45.
4. Большой экономический словарь / под ред. А.Н. Азрилияна. – М.: Институт новой экономики, 1994. – С. 827.
5. Шершнева, О.А. Феномен границы и статус белорусского пограничья / О. А. Шершнева // Ценностные ориентации и историческое сознание населения белорусско-российского приграничья: материалы междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 2 февр. 2017 г. / ВГУ имени П.М. Машерова. – Витебск, 2017. – С. 132.
6. Черная, И.П. Приграничный регион в условиях глобализации / И.П. Черная, М.Ю. Шинковский // Пространственная экономика. – 2005. – № 2. – С. 46–60.
7. Еремина, Е.В. Региональная идентичность в контексте социологического анализа [Электронный ресурс] / Е.В. Еремина. – Режим доступа: <http://regionsar.ru/node/781>. – Дата доступа: 16.02.2016.
8. Пеньковцев, Р.В. Компаративный анализ феномена «региональной идентичности» (Россия–ЕС–США) / Р.В. Пеньковцев, Н.А. Шибанова // Ученые записки Казан. гос. ун-та. Кн. 3, Гуманитарные науки. – 2007. – Т. 149. – С. 175–190.
9. Кассирер, Э. Техника современных политических мифов / Э. Кассирер // Феномен человека. Антропология. – М., 1993. – С. 143–198.
10. Томпсон, П. Голос прошлого. Устная история / П. Томпсон. – М., 2003. – 368 с.
11. Литвинюк, А.И. Формирование организационно-экономического механизма трансграничного сотрудничества Республики Беларусь / А.И. Литвинюк // Весці БДПУ. Сер. 2. – 2014. – № 1. – С. 77–82.
12. Бибажанова, Э.К. Приграничье как объект исследования / Э.К. Бибажанова // Вестник института социологии. – 2014. – № 4(11). – С. 12–20.
13. Новопрудский, С. Ахмед Петрович Рабинович [Электронный ресурс] / С. Новопрудский. – Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/comments/column/novoprudsky/10385681.shtml>. – Дата доступа: 05.12.2016.
14. Кофырин, Н. Идеология нашего времени [Электронный ресурс] / Н. Кофырин. – Режим доступа: <http://blog.nikolaykofyrin.ru/?p=511>. – Дата доступа: 25.04.2017.
15. Нарочницкая, Н. Россия. Портрет в национальном интерьере / Н. Нарочницкая // Русский журнал. – 2007. – № 10. – С. 82–85.

КУЛЬТУРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ГЛОБАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ

Культурная безопасность в современном мире выступает как неотъемлемый компонент национальной безопасности. В свою очередь составной частью культурной безопасности является духовная безопасность, т.к. духовность – это ядро любой культуры. Культурная безопасность – это состояние защищенности ее фундаментальных духовных ценностей, система отношений, обеспечивающих благоприятные условия для саморазвития общества и духовного роста отдельных его членов.

Внимание уделено связи данного вида безопасности с сохранением культурного кода, менталитета, языка народа. Показано соотношение глобальных и региональных аспектов культурной безопасности.

Цель исследования – анализ места и роли культурной безопасности в контексте глобальных и региональных процессов.

***Ключевые слова:** культурная безопасность, культурный код, менталитет, диалог культур, глобализация, регионализация.*

Нынешняя хаотичная глобализация помещает человечество в как никогда ранее тесное и пронизанное коммуникациями пространство. Меняются стереотипы, образ жизни, подвергаются ревизии привычные ценности. Происходит трансформация понятия «государственный суверенитет» в условиях растущей взаимозависимости стран. В этих условиях по-другому видится и содержание безопасности стран, которое включает не только военную, экономическую, но и культурную безопасность.

Глобализация и культурная безопасность. Процессы глобализации стали частью современного мира. Сегодня – это взаимозависимый универсум. Происходит разрушение привычных барьеров и границ в экономической, политической и культурной сферах. Общество находится под непрерывным воздействием «девятого вала» информационных потоков, которые несут часто ценности, изначально чуждые тому или иному социуму. Опасность исчезновения многоцветия культур становится реальной. «Жернова» глобализации нивелируют и стандартизируют культурное развитие, появляется угроза становления технократически бездушного человека. А.Г. Лукашенко подчеркивал, что идет «невидимая борьба за душу человека. С разных сторон подвергаются атакам христианские основы морали, разрушаются традиционные семейные устои. Под воздействием информационного потока изменяются мировоззрение и образ жизни людей. Все больше появляется соблазнов и искушений, все труднее беречь сердца от темных мыслей и эмоций. В погоне за материальными благами и внешней мишурой люди теряют истинную красоту – внутренний свет добрых чувств и благородных поступков» [1].

Главное поле сражений – души людей. В этих условиях проблема культурной безопасности актуальна как никогда, в противном случае может произойти разрыв с корневой системой культуры, культурным кодом нации. Необходим тот духовный компас, без которого информационные технологии могут стать дорогой в ад. В культуре сегодня много такого, что на самом деле способствует не духовному росту человека, а его порабощению чужими и чуждыми ценностями (мультикультурализм, ЛГБТ, политкорректность и т. п.). Ключевой идеей становится потребительство, рай для избранных. Все больше торжествует мораль вседозволенности. Стирается грань между тем, что можно и чего нельзя.

Исследователи проблемы предлагают различные определения термина «культурная безопасность». Нельзя не согласиться с В. Можейко, что «...культурная безопасность предполагает способность общества сохранять специфические культурные

характеристики, включая постоянство традиционных схем языка, идентичности, национальных и религиозных обычаев, оставаясь при этом открытым для всех востребованных конструктивных внешних изменений» [2, с. 68].

Некоторые авторы отмечают, что культурная безопасность не сводится к безопасности культуры как таковой. Она рассматривается как фактор обеспечения безопасности общества и государства в целом [3].

Составной частью культурной безопасности является духовная безопасность, ибо духовность – это состояние общества, личности, институтов, обеспечивающее их нормальную жизнедеятельность. Это состояние защищенности духовно-нравственных ценностей, система отношений, обеспечивающих благоприятные условия для становления духовного роста общества и отдельных его членов.

Культура – это духовный капитал общества, который важно сохранять и приумножать. Безопасность данного капитала имеет два аспекта: внешний и внутренний. Внешний аспект – это противодействие вестернизации, влиянию современных «трендов» в информационном потоке, пронизывающем территорию страны. Внутренний аспект – это создание благоприятных условий для развития национальной культуры во всех ее проявлениях. Культурная безопасность тесно связана с проблемой соотношения традиций и инноваций. Важно сохранить язык, традиции, символы, обычаи, нравственные нормы этноса. С другой стороны, нельзя оградиться от других культур «китайской стеной», нельзя «заморозить» национальную культуру. Ориентированная на консервацию культура исторически обречена. Вместе с тем нельзя не сказать о защите духовной культуры от так называемых «инноваций», выдающих себя за новый элитаризм, но по сути своей являющийся поп-культурой худшего образца. В свое время А.П. Чехов отмечал, что можно по-разному ставить в театре «Гамлета», но важно, чтобы Шекспир не обиделся.

Основой, которая обеспечивает обогащение и саморазвитие культур, является их взаимодействие, диалог. И. Гердер полагал, что изоляция ведет к деградации культуры. Любая культура может совершенствоваться и сохраняться, если она тесно связана с общечеловеческими ценностями и достоянием других культур. В этом заключается диалектика процесса. Вместе с тем изменения в культуре не должны затрагивать ее «ядра». М. Бахтин считал, что только в диалоге культура познает и понимает сама себя, глядя на себя глазами другой культуры и преодолевая тем самым свою однобокость и известную ограниченность.

В процессе глобализации идет сближение культур, обогащение их общечеловеческим содержанием. Однако возникает вопрос: возможен ли универсализм вообще? В.Л. Васюков подчеркнул: «Далеко не доказано существование таких ценностей, которые понятны всем и принимаются всеми в качестве общих. Одни и те же слова, описывающие, казалось бы, общие для всех понятия, наполняются сторонами диспута и диалога совершенно различным содержанием, зачастую подрывающим в корне и уничтожающим саму возможность диалога» [4, с. 20].

В чем-то с такой позицией согласиться можно. Ценности, определяющие уникальность каждой культуры, могут и должны сохраняться. Но, с другой стороны, разве нет таких ценностей, которые объединяют человечество и принимаются представителями разных цивилизаций? В какой культуре сегодня приветствуются грабежи, насилие над детьми, клятвопреступление и т.п.? Это риторический вопрос.

Безусловно, следует помнить, что западные политтехнологи ценности добра, справедливости, коллективизма, духовности все чаще пытаются заменить ценностями прав человека (без всяких нравственных «тормозов»), индивидуальной независимости. Общество приравнивается к арифметической сумме потребителей материальных благ

и ценностей массовой культуры, речь идет даже о том, что традиционные формы этнической идентификации иссякли.

Однако обустроить свою страну только на достижениях других наций (на основе евростандартов) невозможно, необходимо сохранять свою духовную основу. Духовные ценности, возникшие в иной социокультурной среде, нельзя рассматривать как деталь какого-то механизма, которую можно вынуть и вставить в свою социальную систему. Но такие попытки очень часто предпринимаются как изнутри, так и извне, без учета менталитета, базовых, субстанциональных ценностей культуры иной цивилизации. Важны сегодня культурное импортозамещение, культурный суверенитет, которые являются важнейшим ресурсом развития нации. К сожалению, доказывая свою самостоятельность, мы часто пытаемся показать не свою глубину и самобытность, а «крутизну», используем язык и ценности той культуры, от которой хотим дистанцироваться.

Культурный код и культурная безопасность. Культурная безопасность – важнейшее условие сохранения культурного кода этноса и региона, их идентичности. Википедия определяет культурный код как «уникальные культурные особенности, доставшиеся ее народам от предков; это закодированная в некой форме информация, позволяющая идентифицировать культуру» [5]. Культурный код выступает как необходимое условие преемственности и устойчивости общества, самоидентификации тех или иных этносов и является духовным ядром культуры, основывающимся на глубинных ценностях, которые определяют облик нации. Культурный код тесно связан с менталитетом народа, который, к примеру, раскрывается в таких чертах белорусского народа, как миролюбие, толерантность, дружелюбие («памяркоўнасць»), стремление к разумному компромиссу, трудолюбие, бережливость, стойкость перед вызовами времени.

Культурный код может трансформироваться в процессе развития общества (упрощаться, усложняться, менять символическую систему), но очень важно строить культурную политику на основе четких, ясных представлений и идеалов. Сохранение и воспроизводство культурного кода невозможно без обращения к исторической памяти народа. Историческая память «вшита» в культурный код нации, она часть культуры общества. Сбереечь историческую память – значит сохранить свою идентичность, своеобразие духовной культуры в наличном бытии региона или общества в целом. В современных условиях история стала мощным оружием информационной войны. Фальсификация истории – это не просто извращение прошлого, она направлена в будущее, призвана изменять ход общественных процессов по лекалам либеральных идеалов. Но, как известно, кто затевает войну с прошлым, рискует потерять будущее. Длительная историческая ложь делает людей равнодушными к истории, к собственному народу, его традициям, обычаям. Недопустимо, чтобы традиционные духовные ценности, наследие исторического прошлого были преданы забвению.

Культурный код духовно сплачивает этнос, регион, общество в целом. Вот почему его изучение – это ключ к пониманию особенностей и сущности этноса через культурное наследие предшествующих поколений. К сожалению, порой СМИ, носители массовой культуры наподобие разных хакеров часто пытаются взломать культурный код, подменить его неким эрзацем, подрывающим корневую систему нации.

Культурный код органично связан с менталитетом народа. Менталитет – это мировосприятие, умонастроение, проявляющиеся в совокупности психологических и поведенческих установок, ценностных ориентаций индивида, социальной группы, общества в целом. Он возникает в недрах культуры народа, определяется его историческими судьбами, особенностями общественного развития.

Данные существенные характеристики народа неотделимы от языка. Язык не может не содержать в своей основе глубинные, субстанциальные представления народа о мире, его восприятии, он включен в культуру этноса, а культура включена в язык. Язык, по известному выражению М. Хайдеггера, – дом бытия. В.А. Маслова справедливо отмечает, что «каждый язык отражает определенный способ восприятия и организации (“концептуализации”) мира» [6, с. 15]. В языке так или иначе проявляется ценностная картина мира, присущая тому или иному этносу. Вместе с тем нельзя согласиться с В.А. Масловой в том, что культурный код нации – это язык. Культурный код нельзя ограничивать только сферой языка, он связан с традициями, обычаями, ценностями и нормами народа, особенностями его психологического склада. Очевидно, к примеру, что все испаноговорящие народы отличаются существенно и своим культурным кодом, и менталитетом.

Региональные аспекты культурной безопасности. Глобализация предстает не только как формирование единой общечеловеческой культуры. Одновременно идет процесс разделения человеческого общества по качественно новым основаниям: имеет место усиление локальных культур. Данный процесс Р. Робертсон называл глокализацией. Речь идет о том, что унификация в различных сферах общественной жизни сопровождается локализацией, ростом культурного разнообразия, конструктивным сотрудничеством и взаимообогащением культурных регионов.

Глокализация – противоречивое явление. С одной стороны, отмечается связь глобальных характеристик жизни людей и их локальных проявлений. С другой – нельзя не видеть известного противопоставления глобального и локального.

Общечеловеческие ценности могут реализоваться лишь в локальной форме. Для человеческой цивилизации как единого целого важен опыт локальных культур.

Глобализация не может не затронуть культурные, идентификационные коды нации. Существует проблема адаптивной трансформации идентичности. Многие в духовных приоритетах не могут не меняться. С другой стороны, очень важно «не потерять себя» в глобальных процессах.

Таким образом, глобальное развивается за счет локального, а последнее, в свою очередь, оказывает ему противодействие в силу своего потенциала. Глокализация выражает стремление этносов и отдельных регионов, попавших в «жернова» глобализации, сохранить свою идентичность. В более широком плане процессы глокализации связаны с регионализацией. Глобализация сопровождается регионализацией международных отношений. Регионы способствуют защите общества, его устоев, ценностей от негативных последствий глобализации и выступают постепенно в качестве самостоятельных субъектов международного сотрудничества.

Проблема соотношения глобализации и регионализации в современных условиях становится все более актуальной. Неоднозначна ее трактовка в литературных источниках. Некоторые авторы полагают, что регионализация – это непосредственное проявление глобализации. Другие, напротив, исходят из того, что регионализация является ответом на глобализацию, попыткой минимизировать ее отрицательные последствия. На наш взгляд, здесь мы имеем дело со своего рода «единством и борьбой противоположностей». С одной стороны, в региональных объединениях стран точно проявляются многие тенденции, особенности и характерные черты современной мегацивилизации. С другой – часто региональные объединения создаются с целью реализации экономических и политических интересов, обеспечения государственного суверенитета, а также сохранения, защиты своих привычных социокультурных ценностей от зачастую разрушительного воздействия глобализации.

Полагаем, что следует различать регионализацию в широком и узком смысле слова. В широком – это объединение, союз таких субъектов общественной жизни как госу-

дарства. Примером такой регионализации являются ЕС, АСЕАН, ЕАЭС. В узком смысле слова регионализация – это субрегионализация, сотрудничество регионов отдельных стран в различных сферах общественной жизни. При этом региональная интеграция наиболее эффективна на субрегиональном уровне. Однако это возможно лишь в том случае, если субрегионы де-юре и де-факто становятся субъектами международного сотрудничества, включая и приграничное сотрудничество. В современных условиях роль приграничных регионов резко возрастает, что обусловлено ростом трансграничного движения товаров, расширением туристических потоков, нарастающей миграцией населения и т. д. Как следствие этого нарастают контрольные функции регионов. Возникают региональные интеграционные образования, в рамках которых приграничное сотрудничество емко описывается словом «сращивание».

Исследователь данной проблемы М.А. Слемнев отмечает, что «глобализация и регионализация мира влекут за собой переконфигурацию и изменение статуса многих старых и возникновение различного рода новых границ. Эта ... специфическая черта современного социума необычайно актуализировала тему пограничья не просто как экономико-географического, но антропологического и социокультурного феномена. Столкновение и, нередко, напряженный диалог разных культурных традиций способствуют формированию своеобразного «пограничного человека». Главным местом его дислокации, как и в доглобализационные времена, является зона государственных границ. Сегодня ареал проживания социальных общностей данного типа значительно расширился. «“Люди пограничья” существуют там, где им приходится отстаивать свою этническую и культурную идентичность под напором иного социокультурного окружения. Их число в условиях транспарентности границ глобализирующегося мира непрерывно возрастает» [7, с. 5]. Приграничные регионы – это не просто «оборонительный вал», обеспечивающий безопасность государства, как это было несколько десятилетий назад. Сегодня это те зоны, где происходит «сращивание» социумов во всех сферах общественной жизни. Да, и сейчас приграничные регионы обеспечивают безопасность государств, но на другой основе – за счет создания на границе полосы добрососедства.

Приграничное сотрудничество помогает смягчить отдельные болевые вопросы межгосударственных отношений, в том числе и такие, которые в силу тех или иных причин затруднительно или пока невозможно урегулировать на более высоком уровне, а также укрепляет и развивает исторически сложившиеся связи [8, с. 50].

Государство должно создавать благоприятные условия для интеграции микрорегионов. Обычно такие регионы возникают «естественным путем», и такая «естественность» обуславливается сходными географическими, социокультурными условиями, общностью экономических интересов и исторических судеб.

Каждый из приграничных регионов – это специфическая социокультурная среда, которая подвергается существенной трансформации в ходе глобализации. Последняя не может не оказывать заметного влияния и на процесс самоидентификации населения. Учет основных измерений социокультурной среды, элементов региональной идентичности – актуальная задача органов управления, отвечающих за разработку программ интеграционных процессов в рамках Союзного государства Беларуси и России. Данная проблема требует также пристального внимания ученых-обществоведов.

Заключение. В условиях глобализации мир расплывается. Все страны пытаются найти какие-то новые границы, ориентиры, контуры своей идентичности, своего места в этом мире. Культурная безопасность – это важный элемент национальной безопасности. Ее роль в развитии общества можно определить как:

- фактор сохранения идентичности нации, преемственности ее развития;

- условие создания духовных предпосылок межрегионального, регионального и приграничного сотрудничества;
- духовное основание жизнедеятельности и воспроизводства социума, выработки стратегии его развития. При том следует учитывать, что эта проблема более сложная, острая, чем, скажем, экономическая безопасность. Последняя может быть обеспечена внедрением новых технологий, роботизацией производства, займами и т.д.

Мировоззренческой основой культурной безопасности является воссоздание и сохранение тех ценностей, которые составляют ядро национальной культуры, ее корневую систему, ее уникальность и идентичность.

Литература

1. Государство – это мы // Беларусь сегодня. – 2018. – 10 янв.
2. Можейко, В. Культурная безопасность и культурная дипломатия как составляющие культурной политики Беларуси: вызовы и возможные реакции / В. Можейко // Вест. Полоц. гос. ун-та. Сер. Е. – 2016. – № 7. – С. 65–68.
3. Степанянц, М. Культура как гарант российской безопасности / М. Степанянц // Вопросы философии. – 2012. – № 1. – С. 3–13.
4. Васюков, В.Н. Диалог, толерантность, универсализм: теоретический анализ / В.Н. Васюков // Диалог культур в эпоху глобальных рисков: материалы междунар. науч. конф. и X науч.-теор. семинара «Инновационные стратегии в современной социальной философии», Минск, 17–15 мая 2016 г. – Минск, 2016. – 236 с.
5. Культурный код [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.wikipedia.org/wiki%CA>. – Дата доступа: 10.01.2018.
6. Маслова, В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. – М.: Наука, 2001. – 208 с.
7. Слемнев, М.А. Глобализация, регионализация и пограничье. Предисловие / М.А. Слемнев. – Витебск: Изд-во ВГУ имени П.М. Машерова, 2018.
8. Черная, И.П. Приграничный регион в условиях глобализации / И.П. Черная, М.Ю. Шинковский // Пространственная экономика. – 2005. – № 2. – С. 46–60.

Научное издание

РУДКОВСКИЙ Эдвард Иосифович

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ:
ГЛОБАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ**

Сборник научных статей

Технический редактор

Г.В. Разбоева

Компьютерный дизайн

Л.В. Рудницкая

Подписано в печать 30.10.2024. Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 4,82. Уч.-изд. л. 7,18. Тираж 25 экз. Заказ 148.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий

№ 1/255 от 31.03.2014.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.